

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 6 • Том 64 • 2023 • НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Лаушкин А.В. Предпразднства и попразднства в календарной практике домонгольской Руси	3
Козлова Н.В. Отпуск на волю дворовых людей: законодательные нормы и повседневные практики в городской среде России XVIII в.	19
Суслина А.Г. «...Определены мы уездом во град Гороховец, в который нам быть совсем не желалось»: уездный центр в жизни крестьянского мира (на примере с. Палеха на рубеже XVIII–XIX вв.)	34
Антощенко А.В. Годы студенчества академика П.Г. Виноградова	50
Шильникова И.В. «Оздоровление русских городов не терпит отлагательств»: государство и общество в борьбе с загрязнением рек в конце XIX— начале XX в.	68
Вершинин А.А. Проблема взаимного восприятия великих держав в контексте генезиса Второй мировой войны (на примере советско-французских отношений)	91
Сетов Р.А., Голубенко А.А. Атолл Бикини, Невада, Москва. Долгий путь Вашингтона к Договору об ограничении ядерных испытаний (1958–1963)	117
Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Филёв М.В. От «правильного немца» к «калининградскому философу»: Иммануил Кант в коммеморативных практиках и политике памяти в Калининградской области (советский период)	138
Казьмина О.Е. Религиозная идентичность, (само)идентификация и статистика	161
Юденкова Т.В. Михаил и Иван Морозовы — коллекционеры русского искусства	171
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2023 г.	191

CONTENTS

L a u s h k i n A.V. Forefeast and Afterfeast in the Calendar Practice of Pre-Mongol Rus'	3
K o z l o v a N.V. Manumission of House Serfs: Legislative Norms and Everyday Practices in the 18th Century Russia Urban Environment.	19
S u s l i n a A.G. "...We Were Determined by the Uyezd to Be in the Town of Gorokhovets, where We Did Not Want to Be at All": the District Center in the Life of the Peasant Community (the Case of the Village of Palekh at the Turn of the 18th and 19th Centuries)	34
A n t o s h c h e n k o A.V. Student Years of Academician P.G. Vinogradoff.	50
S h i l n i k o v a I.V. "Urban Rehabilitation in Russia Brooks No Delay": State and Society in the Fight against Rivers Pollution at the End of the 19th — early 20th Centuries	68
V e r s h i n i n A.A. Mutual Perception of the Great Powers in the Context of the Genesis of the World War II (the Case of Soviet-French Relations)	91
S e t o v R.A., G o l u b e n k o A.A. Bikini Atoll, Nevada, Moscow. Washington's Long Road to the Partial Test Ban Treaty (1958–1963)	117
M a n k e v i c h D.V., M e g e m M.E., F i l e v M.V. From the "Right German" to the "Kaliningrad Philosopher": Immanuel Kant in Commemorative Practices and Memory Policy in the Kaliningrad Region (Soviet Period)	138
K a z m i n a O.E. Religious Identity, (Self-)Identification and Statistics	161
Y u d e n k o v a T.V. Mikhail and Ivan Morozov as Collectors of Russian Art	171
Index of articles and materials published in the journal in 2023.	191

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-3-18

А.В. Лаушкин

ПРЕДПРАЗДНСТВА И ПОПРАЗДНСТВА В КАЛЕНДАРНОЙ ПРАКТИКЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

A.V. Laushkin

FOREFEAST AND AFTERFEAST IN THE CALENDAR PRACTICE OF PRE-MONGOL RUS'

Аннотация. Вместе с христианством на Русь пришел церковный календарь, значение которого быстро вышло за рамки руководства для организации богослужений. Уже в первые столетия после крещения Руси древнерусская элита стала систематически увязывать важнейшие события политической и церковной жизни с праздничными вехами месяцесловного, минейного и недельного богослужбных циклов, в чем можно видеть как духовные и символические, так и практические причины. Тема подобных приурочений как составной части внебогослужбной календарной практики на Руси активно изучается в последние годы, в том числе и автором данной статьи. В настоящей работе (впервые в историографии) ставится вопрос о том, придавали ли древнерусские князья и епископы при планировании своих публичных церемоний значение тому, что многие главные торжества церковного года, помимо основного дня празднования, имели и так называемые пред- и попразднства. Границы этих богослужбных периодов (подобно многодневным постам) регулировались церковными уставами, включая бытовавший в домонгольской Руси Студийско-Алексиевский типикон. И хотя в источниках домонгольского времени отсутствуют эксплицитные ответы на поставленный выше вопрос, в них содержится немало свидетельств совпадения княжеских и епископских церемоний с этими многодневными праздничными периодами. Речь идет о закладках и освящениях храмов, перенесении святынь, входах владык в свои кафедральные города после хиротоний, посажениях на столы князей, их съездах, выходах в военные походы и брачных ритуалах. Среди этих событий особого вни-

Лаушкин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Laushkin Aleksei Vladimirovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Russia up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

laushkin@list.ru

ORCID: 0000-0002-2899-9958

мания заслуживают те, которые не были приурочены ко дням, и без того часто избиравшимся при планировании значимых общественных мероприятий, — к воскресеньям и канунам праздников. Анализируя выявленные данные, автор пришел к выводу, что пред- и попразднства действительно находились в поле зрения организаторов церемоний и воспринимались ими, по-видимому, как сакрально-смысловые «поля» праздников. Причем сказанное относится к представителям не только церковной, но светской элиты.

Ключевые слова: Древняя Русь, христианская культура, древнерусские церемонии, церковный календарь, церковный устав, темпоральная культура.

Abstract. The church calendar came to Russia together with Christianity and quickly came to be something more than a guide for organizing worship services. In the first centuries after the baptism of the Old Rus', its elite began to systematically link the most important events of political and ecclesiastical life with the festive dates of the Menologion, *Menaion* and weekly liturgical cycles. The reasons for this can be both spiritual and symbolic as well as practical. The topic of such linking as a part of extra-devotional calendar practice in Russia has been actively studied in recent years, including the author of this article. For the first time in historiography, this paper raises the question whether Old Rus' princes and bishops, when planning their public ceremonies, attached importance to the fact that many of the main celebrations of the church year, in addition to the main day of celebration, had the so-called fore- and afterfeasts. The boundaries of these liturgical periods (like multi-day fasts) were regulated by church statutes, including the pre-Mongol Rus' Alexios's *Stoudios Typikon*. And although pre-Mongol sources do not provide explicit answers to the question posed above, they contain much evidence of the coincidence of these multi-day festive periods with princely and episcopal ceremonies, i.e. laying the foundation and consecration of churches, transfer of relics, entrances of bishops to their cathedral cities after their chirotony, intronizations of princes, their congresses, starting military campaigns and marriage rituals. Among these events, special attention should be paid to those which were not scheduled on the days often chosen when planning significant public events, i.e. Sundays and the eve of holidays. The author came to the conclusion that pre- and afterfeasts were indeed in the field of vision of the organizers of ceremonies and were apparently perceived by them as sacral and semantic "fields" of holidays. And this applies to the representatives of both church and secular elites.

Keywords: Old Rus', Christian culture, Old Rus' ceremonies, church calendar, church statutes, temporal culture.

* * *

Роль церковного календаря на Руси не ограничивалась управлением богослужебными ритмами. С самого начала он стал оказывать воздействие и на другие грани повседневности, прямо не связанные с уставными богослужениями. Более того, календарная практика князей и епископов, насколько мы представляем ее по сохранив-

шимся источникам, свидетельствует о том, что уже в домонгольское время календарь выступал не только инструментом измерения и организации сакрального и профанного времени, но и своего рода коммуникативным средством, посредством которого древнерусская элита обращалась и к Богу, и к своим современникам.

Последнее находило выражение в богатом мистико-символическими подтекстами обычае приурочения церковных и светских мероприятий к значимым вехам богослужебного календаря. В качестве таких вех выступали праздничные дни минейного, триодного и/или недельного циклов богослужений, а также их кануны. Порой в выборе этих дней угадывались одновременно и коннотации, связанные с семейной памятью организаторов и участников церемоний. Можно сказать, что именно по церковной праздничной канве чаще всего и шился узор тех средневековых ритуалов, которые прочерчивали контуры общественной и политической жизни Руси. Эти ритуалы отмечали перемены на княжеских столах и епископских кафедрах, узловые события семейной и политической жизни правящих семейств, торжественные начала и победоносные завершения войн, исходные и конечные моменты строительства и благоуукрашения храмов, прославление святых, перемещение чтимых святынь и т.д.¹ Регулярно фиксируемое источниками приурочение различных торжественных актов к христианским праздникам — яркая черта темпоральной культуры домонгольской Руси, не потускневшая и в последующие столетия.

При изучении этой распространенной и многогранной «праздничной стратегии» следует учитывать, что важнейшие церковные торжества годового круга литургически не ограничивались одним днем, а были многодневными, включая помимо самой даты праздника, зафиксированной в календаре, еще и так называемые предпразднство (подготовительный период) и попразднство (продолжение празднования). На протяжении всех этих дней в службы вплетались праздничные песнопения и чтения, а заключительный день попразднства в большинстве случаев имел особый статус (ἡ ἀπόδοσις,

¹ Краткую библиографию см.: *Лаушкин А.В.* «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день»: княжеские съезды домонгольской поры в зеркале церковного календаря // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 3. С. 6–7 (прим. 4); см. также: *Он же.* Устраивали ли триумфы русские князья домонгольского времени? // Российская история. 2022. № 3. С. 3–14; *Он же.* Перенесение святынь в домонгольской Руси: календарная грань церемоний // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Март–апрель. Вып. 111. С. 11–30; *Он же.* Церковный календарь как средство заботы о будущем в домонгольской Руси // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 12–16.

отдание²) и предполагал почти полное повторение служб самого праздника. Система пред- и по праздни ств не оставалась в Восточной Церкви неизменной и имела особенности в различных уставах и даже в редакциях одного и того же устава. Но при этом — наряду с многодневными постами — прочно вошла в церковный обиход³.

Бытование богослужебной традиции длинных празднований ставит закономерный вопрос: принимались ли эти особые периоды церковного года в расчет при календарном планировании княжеских и епископских акций? В памятниках, доносящих в наиболее сохранном виде раннее летописание (Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской I и родственных им летописях), и в некоторых других древнейших русских источниках отыскиваются десятки совпадений таких акций с периодами пред- или по праздни ств. Однако ни один из примеров не сопровождается эксплицитным указанием на связь между этими «литургическими полями» праздников и выбором дня/дней для того или иного торжественного события. Такое положение затрудняет обнаружение данной связи (если она существовала на самом деле), но априорно не исключает ее. Как и другие сферы обыденности, календарная практика практически не комментировалась древнерусскими авторами, и выявить ее черты можно, лишь наблюдая за ходом событий и привлекая косвенные данные.

В настоящей статье мы рассмотрим пред- и по праздни ства крупнейших торжеств церковного года — Пасхи Христовой и тех праздников, которые ныне имену ются двенадцатыми⁴, взяв за основу бытовавший в Русской Церкви домонгольского времени Студийско-Алексиевский типикон. Рукописная история этого памятника прослеживается на Руси уже с рубежа XI–XII вв.⁵ Согласно ему, сложный по своей структуре праздничный цикл Пасхи Христовой⁶

² В древнерусском переводе Студийско-Алексиевского типикона понятие передается выражениями «проважяеть с(я) праздьник», «коньяеть / коньяваеть ся праздьник», «оставляеть с(я) праздьник», «праздьникъ прѣстаеть» (Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 271, 274, 280–281, 283, 319, 328, 360, 365).

³ Лукашевич А.А. Предпразднство // Православная энциклопедия. Т. 58. М., 2020. С. 64–66; Он же. Попразднство // Православная энциклопедия. Т. 57. М., 2020. С. 475–477; Он же. Отдание // Православная энциклопедия. Т. 53. М., 2019. С. 486–489.

⁴ Помимо них уставы могли рекомендовать устраивать многодневные чествования и некоторых других священных событий и святых. К примеру, Студийско-Алексиевский типикон называл среди таковых Рождество и Усекновение главы св. Иоанна Крестителя, памяти апп. Петра и Павла, свт. Николая Чудотворца и др. (Пентковский А.М. Указ. соч. С. 300–301, 348–351, 366–367).

⁵ Там же. С. 177–194.

⁶ О своеобразии этого цикла см.: Лукашевич А.А. Попразднство. С. 477; Он же. Отдание. С. 487.

длился с Великого дня до среды 6-й послепасхальной седмицы, цикл Рождества Богородицы — с 7 по 12 сентября, Воздвижения — с 13⁷ по 15 сентября, Введения — с 20 по 22 ноября, Рождества Христова — с 20 по 31 декабря, Богоявления — со 2 по 13 января, Сретения — с 1 по 4 февраля, Благовещения — с 24 по 26 марта, Вознесения — со среды 6-й седмицы по пятницу 7-й седмицы по Пасхе, Троицы — с самого дня праздника до субботы 1-й седмицы по Пятидесятнице, Преображения — с 5 по 9 августа и Успения — с 14 по 18 августа. Сроки празднования Сретения и Благовещения могли корректироваться в зависимости от соединения с подвижными триодными циклами. Праздник Входа Господнего в Иерусалим предпразднства и попразднства не имел⁸.

Совпадения с указанными календарными отрезками (исключая дни самих праздников) выявлены у 45 событий, имевших церемониальное оформление: пяти закладок и восьми освящений храмов, четырех перенесений святынь, двух епископских хиротоний, трех входов владык после поставления в свои кафедральные города, пяти брачных ритуалов князей, четырех их съездов и одного торжественного выхода на войну, а также тринадцати вокняжений. В число последних нами не были включены те эпизоды, когда занятия столов происходили спешно в острой военно-политической или социально-политической ситуации, исключавшей свободный выбор даты, а также на следующий день после кончины/погребения прежнего обладателя княжьего стола. Еще для двух известных по источникам церемоний — княжичьих постригов и триумфальных въездов князей в свои столицы после успешных войн — искомым календарных совпадений обнаружено не было.

Перечисленные события распределились между предпразднствами и попразднствами в соотношении 1:3 и пришлись на «литургические поля» следующих церковных торжеств: Пасхи (20 случаев), Успения (6), Крещения (5), Воздвижения (4), Рождества Богородицы (4), Рождества Христова (3), Вознесения (2) и Введения (1). Кроме праздника Входа Господнего в Иерусалим, у которого, как уже говорилось, пред- и попразднства не предусмотрено по уставу, в наш список за неимением соответствующих данных не попали Сретение, Благовещение, Троица и Преображение.

Обратимся к конкретному материалу.

⁷ Одновременно Студийско-Алексиевский типикон указывает на традицию «с(вя)тѣи Велицѣи Ц(е)ркви» (константинопольского Софийского собора) начинать поклонение Кресту уже 10 сентября.

⁸ *Пентковский А.М.* Указ. соч. С. 256–274, 278–284, 296–298, 305–319, 326–328, 332–341, 357–365.

Говорить о значимости именно пред- или по праздни ств сложнее всего тогда, когда в их хронологических границах избирался день, и без того часто привлекавший внимание устроителей публичных мероприятий. Речь идет о воскресенье — еженедельной «малой Пасхе»⁹, а также о памятях наиболее чтимых святых¹⁰ и о праздниках, как-то связанных с самими событиями (включая привязку освящения храма ко дню его престольного праздника)¹¹. Случаи такого рода многочисленны, но по указанной причине не слишком показательны для решения поставленной задачи. И тем не менее, обращаясь к этой группе событий, хотелось бы попутно сделать одно наблюдение, касающееся продолжающейся полемики о месте воскресных дней в

⁹ 20 мая 1072 г., в воскресенье, на по праздни ство Вознесения, в Вышгороде в новую церковь были перенесены мощи свв. Бориса и Глеба (ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 182; Т. 2. М., 1962. Стб. 172; Т. 38. Л., 1989. С. 76; Т. 41. М., 1995. С. 61. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 197; Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 62–63; *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 22; *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 398–400). Комментарий к дате см.: *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 105; *Назаренко А.В.* Борис и Глеб // *Православная энциклопедия*. Т. 6. М., 2003. С. 48. 12 января 1108 г., в воскресенье, в канун Отдания Крещения, Владимир Мономах «по я» за сына Юрия «Аепину дочь, Осеневу внуку», а Олег Святославич — за своего сына Святослава «Аепину дочь, Гиргеневу внуку» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282–283. Т. 2. Стб. 259); в такой же точно день 1113 г., воскресенье 12 января, канун Отдания Крещения, был рукоположен во епископа печерский игумен Феоктист (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274; Т. 38. С. 103; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 45); та же дата читается и в Московско-Академической летописи, и только в Лаврентьевской летописи имеется, по-видимому, ошибочное указание на 11 января (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 289); 9 января 1149 г., в воскресенье, на по праздни ство Крещения, дочь Святослава Ольговича была «ведена» за Романа Ростиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 368; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 147–148); 17 августа 1180 г., в воскресенье, на по праздни ство Успения, новгородцы посадили у себя на столе князя Владимира Святославича (Новгородская первая летопись... С. 36, 226; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 234, 246); 9 сентября 1201 г., в воскресенье, на по праздни ство Рождества Богородицы (и сопутствующую этому дню память родителей Богородицы) во Владимире была освящена Успенская церковь Княгинина монастыря (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417; Т. 38. С. 154; Т. 41. С. 124; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 86–87). См. также воскресные приурочения периода по праздни ства Пасхи, перечисленные ниже.

¹⁰ 1–2 мая 1159 г., на канун и в самый день праздника свв. Бориса и Глеба, в по праздни ство Пасхи, в Моравийске прошел княжеский съезд Святослава Ольговича и Ростислава Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 171); 1 мая 1195 г., на канун того же праздника, в по праздни ство Пасхи, в Суздале еп. Иоанном была заложена церковь свв. Иоакима и Анны (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412; Т. 38. С. 158; Т. 41. С. 121. *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 85).

¹¹ 6 мая 1217 г. великий князь Константин Всеволодович заложил во Владимире церковь Воздвижения (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 105) — в субботу, на по праздни ство Вознесения и на канун Явления Креста Господня над Иерусалимом в 351 г. (*Лосева О.В.* Русские месяцесловы... С. 334), т.е. на канун одного из малых празднований Кресту Господню. См. также перечисленные ниже случаи освящения церквей на кануны-пред праздни ства их престольных праздников.

календарной практике Руси¹². В нашей выборке лишь треть датированных событий (14 из 45) имеет воскресную приуроченность. Даже если прибавить к ним действия, имевшие место в канун воскресений, т.е. в субботы, всё равно общее число субботне-воскресных примеров (21) будет составлять менее половины рассматриваемых случаев. Это лишний раз говорит о том, что хотя воскресенье часто становились эпицентрами торжественных мероприятий, их значимость в такой роли не следует преувеличивать.

Наряду с только что разобранным группой не лучшим образом обстоит дело, на первый взгляд, и тогда, когда интересующие нас события приходились на долгое, сорокадневное, поспразднство Пасхи (тем более, что и тут нередкими оказываются воскресные приурочения). Однако внутри этой группы обнаруживается интересная аномалия, которую трудно объяснить простыми совпадениями. Из 20 учтенных церемоний, пришедшихся на послепасхальный период¹³, сразу 8 продемонстрировали приуроченность к преисполненной пасхальными мотивами Неделе свв. Жен-мироносиц (3-му воскресенью по Пасхе, считая от нее самой). В трех случаях церемонии были назначены на канун этого дня, в четырех — на сам день и еще в одном — на следующий за ним понедельник, когда, согласно типикону, праздно-

¹² См., например: *Виноградов А.Ю.* День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV–XIII века.): стратегии выбора // *Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени.* М., 2012. Вып. 73 (1–2). С. 155–157, 163–164; *Артамонов Ю.А.* О времени совершения архиерейских хиротоний в Древней Руси // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2021. № 4 (86). С. 168–183; и др.

¹³ Кроме случаев, упомянутых ниже в связи с Антипасхой, Неделей Жен-мироносиц и Неделей о расслабленном, это: освящение Десатинной церкви в Киеве 12 мая 996 г., во вторник 5-й седмицы по Пасхе — точная дата события отсутствует в летописи, но читается в позднейших Прологах и месяцесловах (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124; Т. 2. Стб. 108–109; Новгородская первая летопись... С. 165–166; *Лосева О.В.* Русские месяцесловы... С. 338; *Лосева О.В.* Жития... С. 167–168, 396–397; *Карнов А.Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 130–142); закладка церкви Феодора Тирона в Новгороде 28 апреля 1115 г., в среду 2-й седмицы по Пасхе (Новгородская первая летопись... С. 20, 204; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 223, 230); вокняжение в Новгороде Ростислава Юрьевича 10 мая 1138 г., во вторник 6-й седмицы (Новгородская первая летопись... С. 25, 211; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 233); вход новопоставленного архиепископа Илии в Новгород 11 мая 1165 г., во вторник 6-й седмицы (Новгородская первая летопись... С. 31, 219; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 244); закладка церкви свв. Иоакима и Анны в Суздале 1 мая 1195 г., в понедельник 5-й седмицы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412; Т. 38. С. 158; Т. 41. С. 121. *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 85); закладка собора Святой Богородицы в Ростове 25 апреля 1213 г., в четверг 2-й седмицы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 437; Т. 41. С. 132; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 103). В определении года ориентируемся на Лаврентьевскую летопись — в Летописце Переяславля Суздальского известие дано в другой погодной статье (6722 вместо 6721 в Лаврентьевской) и без точной даты, княжеский съезд в Морювийске 1–2 мая 1159 г., в пятницу и субботу 3-й седмицы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 171).

вание свв. Женам продолжается — поется посвященный им канон и другие молитвословия¹⁴. Вот эти события: вокняжение в Киеве Владимира Мономаха 20 апреля 1113 г. (воскресенье)¹⁵, освящение новой церкви свв. Бориса и Глеба в Вышгороде и перенесение в нее на следующий день мощей этих святых — 1 и 2 мая 1115 г. (суббота и воскресенье)¹⁶, вокняжения в Новгороде Ростислава Мстиславича 17 апреля 1154 г. (суббота)¹⁷ и Романа Мстиславича 14 апреля 1168 г. (воскресенье)¹⁸, закладка Петропавловской церкви в Новгороде 6 мая 1185 г. (понедельник)¹⁹, вокняжение в Новгороде Михаила Всеволодовича 28 апреля 1229 г. (суббота)²⁰ и произошедшая во время княжеского съезда в Киеве хиротония ростовского епископа Кирилла II 6 апреля 1231 г., «в нед(ѣ)лю с(вя)т(ы)хъ Муруносиць по Пас(це)», как это особо подчеркнул летописец (воскресенье)²¹. Вторым по популярности у организаторов церемоний послепасхальным воскресеньем была Антипасха (2-е воскресенье по Пасхе), на которую пришлось лишь три известных нам торжественных акта²² против восьми, приуроченных ко дню свв. Жен-мироносиц. Третье (и последнее) место заняла Неделя о расслабленном (4-е воскресенье по Пасхе) с двумя приуроченными к ней событиями (одно из которых состоялось в самый этот день, а другое — на его канун)²³. Таким образом, с тремя первыми послепасхальными воскресеньями были так или иначе связаны две трети от общего числа учтенных послепасхальных со-

¹⁴ Пентковский А.М. Указ. соч. С. 264–265.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; Т. 2. Стб. 276.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; Т. 2. Стб. 280–281; Т. 38. С. 104; Новгородская первая летопись... С. 20, 204; Успенский сборник... С. 70; Лосева О.В. Жития... С. 358. Хронологический комментарий к летописным известиям см.: Виноградов А.Ю. Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции // Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies. 2012. № 2. С. 130.

¹⁷ Новгородская первая летопись... С. 29, 215. Бережков Н.Г. Хронология... С. 233.

¹⁸ Новгородская первая летопись... С. 33, 220. Бережков Н.Г. Хронология... С. 234, 245.

¹⁹ Новгородская первая летопись... С. 38, 228. Бережков Н.Г. Хронология... С. 234, 246.

²⁰ Новгородская первая летопись... С. 68, 274. Бережков Н.Г. Хронология... С. 263, 269.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457; Бережков Н.Г. Хронология... С. 207.

²² Вокняжения в Киеве Святополка Изяславича 24 апреля 1093 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218; Т. 2. Стб. 209) и Ярополка Владимировича 17 апреля 1132 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294); свадьба сына Юрия Всеволодовича Всеволода 14 апреля 1230 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453–454).

²³ Второе вокняжение в Киеве Изяслава Ярославича 2 мая 1069 г., в субботу 3-й седмицы по Пасхе (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174; Т. 2. Стб. 163; Новгородская первая летопись... С. 191); сватовство Ярослава Святополчича к дочери Мстислава Великого 12 мая 1112 г., в воскресенье (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273; Бережков Н.Г. Хронология... С. 348).

бытий, но при этом акцентированной оказалась именно Неделя свв. Жен-мироносиц. Не исключено, что дело было в некоем календарном удобстве этого дня. После семинедельного поста и наполненного особым пасхальным ликованием периода от Пасхи до Антипасхи это было первое воскресенье, когда празднование Великого дня еще продолжалось, но напряжение церковной жизни несколько спадало, и другие дела, облаченные в форму многолюдных ритуалов, становились более уместными, не затмеваясь великопостными и пасхальными богослужениями и не затмевая их собой.

Немало мероприятий ожидаемо были назначены на кануны-предпразднства разбираемых праздников, тесно связанные с ними литургически²⁴. Это перенесение мощей прп. Феодосия Печерского 14 августа 1091 г., в четверг — в канун Успения, престольного праздника обители²⁵; княжеский съезд в Витичеве 14 августа 1100 г., во вторник — тоже в канун Успения (если верна версия Ипатьевской летописи; в Лаврентьевской указано 10 августа)²⁶; вход новопоставленного епископа Аркадия в Новгород 13 сентября 1158 г., в субботу — в канун Воздвижения²⁷; вокняжение в Новгороде Ярослава Владимировича 20 ноября 1187 г., в пятницу — в канун Введения²⁸; освящение Воскресенской церкви в Новгороде 13 сентября 1196 г., в пятницу — в канун Воздвижения²⁹; княжеский съезд в Суздале 7–8 сентября 1229 г., в пятницу и субботу — в канун и на сам праздник Рождества Богородицы³⁰. В отдельную подгруппу выделяется несколько освящений новопостроенных храмов в кануны-предпразднства их престольных праздников³¹: в предпразднство Успения, 14 августа, были освящены одноименный собор в Киево-Печерском монастыре в 1089 г. (во вторник)³² и соборы Святой Богородицы во

²⁴ О тесной богослужебной и символической связи кануна с праздником следующего дня см., например: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Время жить и время умирать: Текстология древнейших русских летописей или княжеская семейная традиция? // Факты и знаки. М., 2008. Вып. 1. С. 117.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211; Т. 2. Стб. 203; Т. 38. С. 85; Т. 41. С. 63; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 326, 328.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 248–249 (ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 273; Т. 38. С. 99); *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 348.

²⁷ Новгородская первая летопись... С. 30, 217; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 233.

²⁸ Новгородская первая летопись... С. 39, 229; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 234.

²⁹ Новгородская первая летопись... С. 42, 235; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 246–247.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 98.

³¹ См. также: *Виноградов А.Ю.* День освящения храма... С. 166–169.

³² БЛДР. Т. 4. СПб., 1997. С. 312, 314. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207–208.

Владимире в 1189 г. (в понедельник) и в Ростове в 1231 г. (в четверг)³³; в предпразднство Рождества Богородицы, 7 сентября 1219 г., в субботу, освятили одноименную церковь во Владимире³⁴. Обратим внимание, что ни один из перечисленных актов не пришелся на воскресный день, а некоторые были проведены даже в постные пятницы. Совершенно очевидно, что определяющим во всех этих случаях оказалось желание участников устроить мероприятие именно в канун праздника вопреки, как уже говорилось, распространенной, но совершенно необязательной практике воскресных приурочений. В трех случаях организаторов не смутили даже сложности проведения трапезы в постный день, каковая, без сомнения, непременно сопутствовала названным «пятничным» событиям: занятию князем стола, освящению новопостроенной церкви и открытию княжеского «снема».

За вычетом уже перечисленных у нас остались еще восемь событий, не попавших ни в одну из рассмотренных групп. Дни проведения этих событий не отличаются какой-либо очевидной календарной значимостью (привязкой к воскресенью или празднику), а потому представляют особый интерес для нашей работы.

1. 20 декабря 1110 г. поставленный в Киеве епископ Иоанн Попьян торжественно вошел в Новгород и занял свою кафедру³⁵. Учитывая, что подобные события почти всегда имели яркую праздничную приуроченность³⁶, выбор этого дня вызывает удивление: церемония пришлась на Рождественский пост, на будний день (вторник) и на память св. Игнатия Богоносца³⁷, о каком-либо особом почитании которого в Новгороде или среди русских князей ничего не известно. Правда, в свое время мы предполагали, что некую значимость этому дню в глазах новгородцев могло придавать припоминание, что восемью годами ранее именно 20 декабря (если доверять хронологической версии Лаврентьевского и Радзивиловского списков Повести временных лет вопреки версии Ипатьевского списка) новгородцы в ходе жаркой «при» с киевским князем Святополком Изяславичем одержали крупную политическую победу, отказавшись

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407, 459; Т. 41. С. 119; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 83–84, 108.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 106.

³⁵ Новгородская первая летопись... С. 19, 203; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 224.

³⁶ *Лаушкин А.В.* Вход новопоставленного епископа Пахомия в Ростов 28 января 1215 года: выбор дня для торжественной церемонии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019: Июль–август. Т. 89. С. 49–66.

³⁷ *Лосева О.В.* Русские месяцесловы... С. 228.

принять у себя на столе его сына вместо княжившего у них Мстислава Владимировича³⁸. Однако более «экономным» следует признать допущение, что выбор владыкой Иоанном 20 декабря был связан не с данным припоминанием, или же не только с ним, а с тем, что с указанного дня начиналось предпразднство Рождества Христова. В таком случае хронологический казус приобретает вполне обычный характер: вход епископа в город был, как и в других подобных случаях, приурочен к крупному празднику — только не к нему как таковому, а к началу богослужебного цикла его прославления.

2. 11 сентября 1113 г.³⁹, в четверг, на память прп. Феодоры Александрийской⁴⁰ Владимир Мономах «поя» за своего сына Романа дочь князя Володаря Ростиславича. Снова можно было бы подумать, что церемония прошла в совершенно рядовой с календарной точки зрения день. Однако это не совсем так: 11 сентября — разгар попразднства Рождества Пресвятой Богородицы, канун его Отдания.

3. Приуроченность к празднованию Рождества Христова, подобно занятию кафедры епископом Иоанном в 1110 г., демонстрирует еще одно новгородское событие, относящееся к разряду тех, которые имели ритуальное обрамление и часто сопрягались со значимыми вехами церковного календаря⁴¹. 31 декабря 1134 г. князь Всеволод Мстиславич отправился с новгородцами в поход на Суздаль⁴². В том году последний день декабря пришелся на понедельник, и в плане его календарной значимости можно было бы отметить лишь то, что он являлся кануном памяти свт. Василия Великого (1 января), которого чтители многие потомки князя Владимира-Василия, крестителя Руси⁴³. Между тем 31 декабря — это еще и торжественное, предполагающее повторение почти полного праздничного последования Рождества Христова, Отдание этого великого праздника. Отметим, что в месяцеслове Мстиславова Евангелия, созданного по воле отца Всеволода, дни Рождественского попразднства, завершавшегося 31 декабря, были отмечены особыми указаниями⁴⁴.

4. Не лишенный интереса случай находим и в летописном рассказе о съезде в 1195 г. братьев Рюрика и Давыда Ростиславичей, в то

³⁸ Лаушкин А.В. Вход... С. 51.

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276; Бережков Н.Г. Хронология... С. 348.

⁴⁰ Лосева О.В. Русские месяцесловы... С. 151.

⁴¹ Лаушкин А.В. Праздничные выходы на войну в домонгольской Руси // ДРВМ. 2019. Вып. 1 (75). С. 53–57.

⁴² Новгородская первая летопись... С. 23, 208; Бережков Н.Г. Хронология... С. 243.

⁴³ Лаушкин А.В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 47, 52–56.

⁴⁴ Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 244–245.

время — князей киевского и смоленского. Княжеские встречи, представлявшие собой в XII в. не только форму общения родственников, но действующий политический институт, тоже часто оказывались приурочены к крупным церковным праздникам либо ко дням, значимым для семейной памяти участников⁴⁵. О времени проведения съезда 1195 г. летописец сообщил лишь то, что открылся он в Вышгороде в «средоу Роусалной недѣль»⁴⁶. Если вслед за Н.Г. Бережковым полагать, что здесь имеется в виду неделя не после⁴⁷, а до праздника Троицы⁴⁸, то общение Ростиславичей началось 17 мая, в среду, — за два дня до Отдания Вознесения и за четыре дня до праздника Троицы. Судя по количеству перечисленных летописцем обедов, которые устраивали в этот и ближайшие дни сам Рюрик, его сын Ростислав и брат Давыд, а также киевляне (всего таких трапез было семь), визит Давыда продолжался не менее недели. А это значит, что он охватил и завершающие дни попразднства Вознесения, и Троицу с ее попразднством, частично или даже целиком (сомнительно, что званые обеды давались каждый день без перерывов, а значит их череда тянулась дольше недели — быть может, как раз до конца попразднства Троицы и до самого преддверья Петровского поста).

5. 10 января в 1197 г., в пятницу, на память св. Григория Нисского из Салоник во Владимир-на-Клязьме была доставлена чудотворная реликвия, связанная с вмч. Димитрием Солунским — небесным покровителем великого князя Всеволода Большое Гнездо, который и организовал перенесение святыни⁴⁹. Учитывая, что дни для таких событий подбирались на Руси с особой тщательностью и что организаторы обычно стремились создать для торжества яркий праздничный фон⁵⁰, дата встречи реликвии вновь может показаться слишком заурядной. Однако церемония пришлась на попразднство Богоявления — заключительный отрезок долгих рождественско-крещенских празднований. Это и могло создавать необходимый контекст для встречи великой святыни. Если же допустить, что чествование ре-

⁴⁵ Лаушкин А.В. «Приходи Ярополкъ...». С. 3–21.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 681–682.

⁴⁷ Ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 258.

⁴⁸ Бережков Н.Г. Хронология... С. 207. Основание для такого понимания Бережкову дала другая статья той же Ипатьевской летописи (6682 г.), где упоминание Русальной недели сопровождается точной датой (Там же. С. 161, 189, 194). См. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 197–198; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 5. М., 2002. С. 269.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414, 437; Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 122; Бережков Н.Г. Хронология... С. 85.

⁵⁰ Лаушкин А.В. Перенесение святынь...

ликвии продолжалось не один, а три дня, как это было с мощами свв. Бориса и Глеба в Вышгороде в 1115 г.⁵¹, то завершиться владимирское торжество должно было 12 января, в воскресенье, как раз накануне Отдания Богоявления.

6. К тому же крещенскому богослужебному периоду относится (третье) вокняжение в Новгороде князя Ярослава Владимировича в 1198 г. Новгородский летописец указывает срок водворения князя на столе несколько нечетко: «приде на зиму Ярославъ по Крещении за недѣлю и седе на столѣ своемъ»⁵². Но ясно, что речь идет о ближайшей неделе (седмице) после Богоявления⁵³, т.е. о днях крещенского поспразднства, которое продолжалось как раз семь дней. На эту приуроченность стоит обратить внимание, поскольку наблюдения за другими датированными случаями княжеских «интронизаций» в Новгороде приводят к выводу, что хотя вокняжение в праздник и не являлось императивом, именно такой выбор в большинстве случаев принимался и новгородцами, и князьями как наиболее правильный⁵⁴.

7. Еще одно вокняжение — Всеволода Константиновича в Переяславле Русском — произошло 15 сентября 1227 г., на память вмч. Никиты⁵⁵, в постную среду, которая должна была по понятным причинам ограничивать размах торжественного застолья по случаю произошедшего. Однако эта среда не была рядовой, а пришлась на Отдание Воздвижения Креста Господня. Помимо прочего в такие дни в храмах пелся праздничный тропарь «Спаси, Господи, люди Своя» с призыванием «побѣды князю на соупостаты»⁵⁶, и такое пение было более чем уместно в день занятия молодым князем своего стола, тем более — на опасном степном пограничье Руси.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282.

⁵² Новгородская первая летопись... 43, 237; *Бережков Н.Г. Хронология...* С. 234.

⁵³ Никоновская летопись указывает христианское имя князя — Иоанн (ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 9), и можно было бы думать, что князя мог бы привлечь для церемонии въезда в город празднующийся на следующий день после Крещения Собор св. Иоанна Предтечи (*Лосева О.В. Русские месящесловы...* С. 242–243). Однако свидетельства Никоновской летописи противоречат данным сфрагистики, заставляющие думать, что князя в крещении звали не Иоанн, а Михаил (*Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 623*).

⁵⁴ *Лаушкин А.В. Вокняжения в домонгольском Новгороде: выбор дней // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Т. 10. М., 2019. С. 113–114.*

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450; *Бережков Н.Г. Хронология...* С. 263

⁵⁶ Согласно Студийско-Алексиевскому типикону, праздник Воздвижения под влиянием богослужебного обычая константинопольского Софийского собора не имел формального поспразднства, но имел фактическое Отдание 15 сентября с повторением служб праздника (*Пентковский А.М. Типикон...* С. 283–284).

8. Третье вокняжение в нашем ряду — Ярослава Всеволодовича в Новгороде 30 декабря 1230 г.,⁵⁷ в понедельник, на память малоизвестной мч. Анисии Солунской⁵⁸ — пришлось на конец попразднства Рождества Христова, а точнее — на канун Отдания праздника. Интерес представляет не только сама эта дата, но и последующие события. Летописец сообщает, что князь после на stolования пробыл в Новгороде всего две недели, а далее вернулся в Переяславль Залесский, посадив вместо себя «сына своя 2» — Федора и Александра. Если летописец тут точен, что эти две недели должны были истечь как раз 13 января, на Отдание Богоявления, когда, вероятно, и состоялась некая церемония, связанная с посадением сыновей и прощанием новгородцев с Ярославом. Получается, что прибыв в Новгород под конец празднования Рождества, князь провел на берегах Волхова весь многодневный праздничный цикл следующего великого зимнего праздника и убыл с его окончанием.

Каждый из этих восьми случаев, взятый по отдельности, мог бы показаться малозначительным. Однако собранные вместе, они позволяют думать о некоей их связности. Похоже, что вкупе с более очевидной практикой канунных приурочений привязка важных мероприятий к иным дням пред- или попразднств имела единую цель — сопрячь события сакрального и земного времени и тем самым сугубо призвать помощь Божию и Его Матери. Любопытно, что из восьми рассмотренных случаев в пяти или даже шести даты церемоний попали в календарное соприкосновение с отдаением — богослужебным «эхом» праздника, праздничная значимость которого была явно не меньше, чем значимость кануна. Два мероприятия прились на сами эти дни (№ 3, 7), два — на их кануны (№ 2, 8), одно, многодневное, включило в себя отдаение (№ 4) и еще одно, возможно, тоже было многодневным и протянулось до кануна отдания (№ 5).

Конечно, рассмотренный в статье материал, несмотря на свое сравнительное обилие, недостаточно выразителен для того, чтобы делать однозначные выводы о месте предпразднств и попразднств в календарной практике князей и владык домонгольской Руси. И всё же с достаточной долей уверенности он позволяет полагать, что заданная типиконом богослужебная выделенность этих праздничных периодов не проходила мимо внимания представителей не только церковной, но и светской элиты.

⁵⁷ Новгородская первая летопись... С. 70, 278; *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 263, 269–270.

⁵⁸ *Лосева О.В.* Русские месяцесловы... С. 235.

References

Abramovich D.I. *Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* [Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and Their Services.]. Petrograd: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1916. XII, 207 p.

Artamonov Yu.A. *O vremeni soversheniya arkhieyereyskikh khirotoniy v Drevney Rusi* [On the Time of the Archbishopal Chirotonies in Old Rus'] // *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki* [Old Rus': Issues of Medievalism]. 2021. N 4 (86). P. 168–183.

Berezhkov N.G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of Russian Chronicle Writing]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. 376 p.

Karpov A.Yu. *Issledovaniya po istorii domongol'skoy Rusi* [Studies on the History of Pre-Mongol Rus']. Moscow: Kvadruga, 2014. 391 p.

Laushkin A.V. *K probleme pochitaniya knyagini Ol'gi i knyazya Vladimira v domongol'skoye vremya* [On the Veneration of Princess Olga and Prince Vladimir in Pre-Mongol Times] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Rus' Literature]. Vol. 63. Saint Petersburg: Nauka, 2014. P. 45–57.

Laushkin A.V. *Pereneseniye svyatyn' v domongol'skoy Rusi: kalendarnaya gran' tseremoniy* [Transfer of Relics in Pre-Mongol Rus': Calendar Facet of Ceremonies] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series II. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. March–April 2023. N 111. P. 11–30.

Laushkin A.V. *Prazdnichnyye vykhody na voynu v domongol'skoy Rusi* [Festive Heading off to War in Pre-Mongol Rus'] // *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2019. N 1 (75). P. 53–57.

Laushkin A.V. *“Prikhodi Yaropolk ko Vsevolodu na Velik den”*: *knyazheskiye s'yezdy domongol'skoy pory v zerkale tserkovnogo kalendarya* [“Come Yaropolk to Vsevolod on the Great Day”: Princely Congresses of the Pre-Mongol Period in the Mirror of the Church Calendar] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 3. P. 3–21.

Laushkin A.V. *Tserkovnyy kalendar' kak sredstvo zaboty o budushchem v domongol'skoy Rusi* [Church Calendar as a Means of Taking Care of the Future in Pre-Mongol Rus'] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2023. N 4. P. 12–16.

Laushkin A.V. *Ustravalili li triumfy russkiye knyaz'ya domongol'skogo vremeni?* [Did Pre-Mongol Russian Princes Arrange Triumphs?] // *Rossiyskaya istoriya*. 2022. N 3. P. 3–14.

Laushkin A.V. *Vkhod novopostavlennoho yepiskopa Pakhomiya v Rostov 28 yanvarya 1215 goda: vybor dnya dlya torzhestvennoy tseremonii* [The Entrance of the Newly Ordained Bishop Pakhomiy to Rostov on 28 January 1215: The Choice of the Day for the Solemn Ceremony] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series II. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. July–August 2019. N 89. P. 49–66.

Laushkin A.V. *Voknyazheniya v domongol'skom Novgorode: vybor dney* [Intronizations in Pre-Mongol Novgorod: The Choice of Days] // *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi. Sbornik materialov X mezhdunarodnoy konferentsii* [Complex Approach in the Study of Old Rus'. The Acta of the 10th International Conference]. Moscow: Indrik, 2019. P. 113–114.

Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Vremya zhit' i vremya umirat': tekstologiya drevneyshikh russkikh letopisey ili knyazheskaya semeynaya traditsiya?* [Time to Live and Time to Die: Textology of the Most Ancient Russian Chronicles or Princely Family Traditions].

tion?) // *Fakty i znaki* [Facts and Signs]. Issue 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. P. 108–121.

Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv.: dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The Name Choice among Russian Princes from the 10th through the 16th Century. Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow: Indrik, 2006. 904 p.

Loseva O.V. *Russkiye mesyatseslovy XI–XIV vekov* [Russian Menologia from the 11th through the 14th Century]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001. 419 p.

Loseva O.V. *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII — pervoy treti XV vekov* [Lives of Russian Saints as a Part of Old Rus' Prologues from the 12th through the First Third of the 15th Century]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 466 p.

Lukashevich A.A. *Otdaniye* [Leavetaking] // *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 53. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya", 2019. P. 486–489.

Lukashevich A.A. *Poprazdnstvo* [Afterfeast] // *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 57. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya", 2020. P. 475–477.

Lukashevich A.A. *Predprazdnstvo* [Prefeast] // *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 58. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya", 2020. P. 64–66.

Nazarenko A.V. *Boris i Gleb* [Boris and Gleb] // *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya", 2003. P. 44–49.

Pentkovskiy A.M. *Typikon patriarkha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi* [Typikon of Patriarch Alexios Stoudites in Byzantium and Rus']. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy patriarkhii, 2001. 428 p.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1912. 1683, 271, 13 p.

Vinogradov A.Yu. *Den' osvyashcheniya khrama v traditsii Vostochnoy tserkvi (IV–XIII veka.): strategii vybora* [The Day of the Church Consecration in the Tradition of the Eastern Church (4th–13th Centuries): Strategies of Choice] // *Sredniye veka: issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Middle Ages: Studies on the History of the Middle Ages and Early Modern Times]. Issue 73 (1–2). Moscow: IVI RAN, 2012. P. 154–177.

Vinogradov A.Yu. *Osobennosti borisoglebskikh torzhestv v svete vizantiyskoy traditsii* [Features of Borisoglebsk Celebrations in the Light of Byzantine Tradition] // *Slověne = Slovĕne: International Journal of Slavic Studies*. 2012. N 2. P. 117–134.

Поступила в редакцию
16 марта 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-19-33

Н.В. Козлова

**ОТПУСК НА ВОЛЮ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ
ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ РОССИИ XVIII В.**

N.V. Kozlova

**MANUMISSION OF HOUSE SERFS:
LEGISLATIVE NORMS AND EVERYDAY PRACTICES
IN THE 18th CENTURY RUSSIA URBAN ENVIRONMENT**

Аннотация. С конца XV в. и до податной реформы Петра I наряду с существовавшими издревле «полными» холопами имелись холопы кабальные, оказавшиеся в неволе по долговым и служилым кабалам. Первые переходили по наследству, а вторых после смерти владельца следовало отпускать на волю, оформив отпускную запись в Холопьем приказе. Соборное Уложение 1649 г. четко различало эти две категории холопов. С начала Северной войны Петр I повелел годных к службе дворовых людей, отпущенных после смерти владельцев, записывать в солдаты. Господские люди также могли по собственному желанию поступать в военную службу. После распространения подушной подати на «людей боярских» принимать их в службу было запрещено, и возобновилась практика освобождения дворовых с отпускными письмами. В отличие от законодательных норм, практическая сторона этого распространенного социального явления специально не изучалась. Сохранившиеся в фонде Юстиц-конторы РГАДА крепостные записи отпускных на дворовых за 1717–1780 гг., а также их челобитные и протоколы Юстиц-конторы позволяют выяснить обстоятельства и процедуру отпуска на волю дворовых, возникавшие при этом коллизии, а также перспективы их дальнейшего существования. Отпускные письма, написанные в домах, скреплялись подписью и личной печатью владельца

Козлова Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Kozlova Natalia Vadimovna, Doctor in History, Professor, Head, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

kozlova.n.v.i@gmail.com

ORCID 0000-0002-4607-4668

и удостоверялись свидетелями. В этом случае требовалась их регистрация в крепостных учреждениях, а затем представление в надворный суд или губернскую канцелярию для вынесения решения о судьбе отпущенного дворового. Податная реформа Петра I способствовала стиранию граней между холопами старинными и кабальными. Термин «холоп» вскоре был вытеснен термином «дворовый», а на свободу могли отпускать любого дворового человека. Большая часть отпущенных вновь добровольно записывалась «вечно» за старым или новым хозяином. Манифест 17 марта 1775 г. ориентировал отпущенных на волю крепостных вступать в мещанское или купеческое состояние, что отражало объективную необходимость изживания архаичных форм личной зависимости.

Ключевые слова: холопы старинные и кабальные, дворовые, отпускные письма, крепостные записи, подушная подать, духовное завещание.

Abstract. From the late 15th century until Peter the Great's tax reform, there were *cabala* bondmen (*kholopy*), who had lost their freedom by debt and service bondages (*cabalas*), along with the "full" bondmen that existed from ancient times. The latter were inherited, while the former had to be set free after the death of their owner, having formalized a manumission record in the *Kholopiy prikaz*. The 1649 *Sobornoe Ulozhenie* clearly distinguished between these two categories of bondmen. From the beginning of the Great Northern War, Peter I ordered to enroll in the army house serfs (*dvorovy*) fit for military service and set free after the death of their owners. Lord's men could also enroll in military service at will. After the extension of the per capita tax to the "boyar men" it was forbidden to enroll them in service, and the manumission of house serfs with manumission letters was resumed. Unlike legislative norms, the practical side of this widespread social phenomenon has not been adequately studied. The manumission records of house serfs in 1717–1780, preserved in the fonds of the Office of Justice in the Russian State Archive of Ancient Documents, as well as their petitions and the minutes of the Office of Justice allow us to elucidate the circumstances and procedure of manumission of house serfs, collisions that arose in this process, as well as the prospects of their further life. Manumission letters written at home were signed and sealed with the owner's personal seal and certified by witnesses. In this case, they had to be registered in the serfdom institutions and then submitted to a *Hofgericht* (*nadvorny* court) or provincial chancellery to decide on the fate of the manumitted serf. Peter the Great's tax reform contributed to the erasure of the distinction between old and *cabala* bondmen. The term *kholop* (bondman) was soon replaced by the term *dvorovyi* (house serf), and any house serf could be manumitted. Most of those manumitted again voluntarily signed up "forever" to the old or new master. The Manifesto of 17 March 1775 oriented the manumitted serfs to enter the petty bourgeoisie or merchant state and reflected the actual need to get rid of archaic forms of personal dependence.

Keywords: old and *cabala* bondmen, house serfs, manumission letters, serf records, per capita tax, last will.

Для современной отечественной и зарубежной историографии характерно пристальное внимание к различным проявлениям повседневной жизни людей разной социальной среды прошлых времен. Сосредоточение исследовательского фокуса на рассмотрении деталей повседневных практик в конкретной сфере их применения позволяет увидеть разнообразие существовавших социальных отношений в целом. В ходе податной реформы Петра I в состав тяглого населения наряду с иными группами, прежде свободными от тягла, были включены холопы («люди боярские»), жившие при сельских и городских усадьбах господ. Древний институт полного холопства, по наблюдению В.О. Ключевского, с конца XV в. дополняется категорией холопства кабального, формировавшегося за счет людей, входивших в долговые обязательства, «устанавливавшие неволю временную и условную»¹. В отличие от старинных холопов, переходивших по наследству, лица, находившиеся в холопстве по служилым кабалам, после смерти владельцев отпускались на волю. Эта норма была четко прописана в Уложении 1649 г.: «...всяких чинов людем холопи крепки по кабалам по смерть бояр своих» (гл. XX, ст. 63). Со второй четверти XVI в., т.е. задолго до законодательного закрепления этой нормы, практика отпуска холопов на волю, причем не только кабальных, но и полных, прослеживается по духовным служилых людей². Общей нормой было обязательное оформление кабальной, купчей или отпускной записи в Холопьем приказе, а по городам — в съезжих избах³.

С начала Северной войны Петр I серией указов взял под контроль учет имеющихся у помещиков и вотчинников, в том числе в московских дворах, дворовых и деловых людей; запретил на кабальных людей, освободившихся по смерти своих владельцев, совершать какие бы то ни было крепости и повелел приводить их с отпускными в Приказ холопьяго суда, а оттуда в Преображенское на Генеральный двор (с 1705 г. в Судный приказ) для записи в солдаты⁴. Подьячим местных съезжих изб вменялось в обязанность привозить в Судный приказ записные книги и пошлинные деньги, взимаемые за регистрацию отпускных в городах («с головы по три алтына и по две деньги»). Отпущенным людям в месячный срок предписывалось являться с отпускными под угрозой их отмены в случае неявки («и та отпускная

¹ Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VIII. Статьи / Под ред. В.Л. Янина. М., 1990. С. 134.

² Там же. С. 134–135.

³ ПСЗ. Т. II. № 869, 1073, 1246, 1278; Т. III. № 1364, 1490, 1499.

⁴ ПСЗ. Т. IV. № 1747, 1820, п. 11, 12, 15, 20; № 1923, 2035, 2190.

не в отпускную»)⁵. На протяжении всей Северной войны сохранялось обязательное освидетельствование «отпущенников», сочетавшееся со свободным приемом в армию волонтеров из холопов. Даже в 1721 г., незадолго до заключения Ништадтского мира, по именному указу господские люди могли по собственному желанию записываться в военную службу⁶. Вновь поступить «в услужение» к старому или новому хозяину отпущенный на волю холоп мог только после подтверждения его негодности к службе. Все эти меры, как уже отмечалось исследователями, вели к «сужению социальной базы холопства»⁷.

В ходе податной реформы дворовые были положены в подушный оклад, и тем самым стерлись правовые отличия между ними и крепостными крестьянами в отношении тягла и власти помещика. Указом 1727 г. принимать их в службу было запрещено, как и приводить дворовых людей после умерших помещиков в Военную коллегию для такого определения⁸. Ликвидация этого канала «вольницы», по мнению Е.В. Анисимова, лишила холопов последней возможности «избежать крепостной зависимости»⁹. Это замечание, справедливое относительно пресечения для холопов самостоятельной записи в военную службу как средства выхода из крепостной неволи, не стоит понимать в плане ликвидации для них вообще возможности обретения свободы.

Холопство как социальный институт, существовавший в России на протяжении сотен лет, проявляло себя и на «ментальном» уровне взаимоотношений дворового человека с его господином¹⁰. И один из уровней их взаимоотношений был связан с возобновлением в послепетровское время практики освобождения дворовых людей с отпускными письмами. Сенатский указ от 26 марта 1729 г. уже без всяких ограничений разрешал принимать отпущенных дворовых в другие дома при сохранении обязательств подушных платежей за старым владельцем (при переходе в другой уезд) или перевода подушной подати на нового хозяина (если платежи шли по тем же окладным книгам)¹¹. Тогда же было отменено взыскание за прошлые годы штрафов за необъявленных кабальных людей в видах их годности к военной службе.

⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8949. Л. 6 об. – 7.

⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3754.

⁷ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 155.

⁸ ПСЗ. Т. VII. № 5161.

⁹ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 164.

¹⁰ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. С. 106.

¹¹ ПСЗ. Т. VIII. № 5392.

В фонде Юстиц-конторы РГАДА (№ 285) сохранились более 70 «Книг записей отпускных на дворовых и крестьян за 1717–1780 гг.»¹². В каждую из них, обычно с января по декабрь, записывались отпускные, представленные в контору при челобитье дворового человека для регистрации и взятия с записки пошлин. В отдельные годы в книге могло быть от 8 до 30 записей. Помимо текста челобитной и копии отпускных на дворовых такие записи содержат выписки из журнала Юстиц-конторы и соответствующих указов, копию приговора. Множество записей приговоров Юстиц-конторы имеется также в ее протоколах¹³. В своей совокупности эти материалы позволяют выяснить обстоятельства, условия и процедуру отпуска на волю дворовых, а также перспективы их дальнейшей судьбы и занятий. В отличие от законодательных норм практическая сторона этого распространенного социального явления до сих пор специально не изучалась¹⁴.

Дворовые люди имелись в домах разных групп городского населения, их численность и происхождение существенно варьировались¹⁵. Но наиболее многочисленными дворовые слуги были во дворах знати. Среди них имелись как старинные крепостные люди владельца, крестьяне и дворовые, так и те, кто добровольно «с воли» дал на себя кабальную запись. Немалую часть среди них составляли выходцы из других дворянских домов, получившие «отпускную на волю» и купленные. Встречались также служившие по паспортам и записям отставные солдаты, дети священников, дьячков, пономарей, новокрещенные иноземцы¹⁶. Обеспечивая разнообразные нужды барской семьи, они использовались в качестве слуг, конюхов, по-

¹² «Книги отпускные» отсутствуют за 1728–1733 и за 1740–1741 гг. В одной книге наряду с записями об отпуске дворовых людей обычно присутствуют и записи о выводе дворовых и крестьянских «девок» замуж. Например, в «Книге записной рядным отпускным нынешнего 1717 году января 1 числа» 6 выводных записей и 8 отпускных на волю (Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 437); или в одном деле под названием «Книга записная на дворовых людей 1726 году» подшиты «Книга записи купчих о продаже дворовых», в ней 180 записей, и «Книга отпускным на дворовых людей», в ней 30 записей (Д. 450).

¹³ В фонде Юстиц-конторы содержатся протоколы за 1742–1782 гг. (Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 102–224).

¹⁴ Е.В. Анисимов в монографии, посвященной податной реформе Петра I и ее влиянию на изменения в социальной структуре российского общества, рассмотрел разборы отпущенных на волю холопов в годы первой ревизии в канцеляриях свидетельства душ ряда городов. См.: Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 160–162.

¹⁵ В Санкт-Петербурге в петровское время дворовые люди наряду с военными лидировали по численности среди местного населения. См.: Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 195.

¹⁶ См.: Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008. С. 115–116, 139–140, 157–158, 167–168, 174–176, 180–181 и др.

варов, садовников, лакеев, были певчими, ткачами, мастеровыми. В домах беспоместных дворян и мелких чиновников дворовые люди выполняли всю домашнюю работу.

Отпуск дворовых людей на волю на протяжении многих десятилетий XVIII в. оставался привычной и хорошо известной практикой для различных слоев населения. К ней обращались как лица титулованные и сановные, типа генерал-поручика князя С.Н. Трубецкого, обер-гофмаршала князя Н.М. Голицына или генерал-фельдмаршала графа К.Г. Разумовского, действительного камергера И.И. Бецкого, обер-гофмейстерины графини А.К. Воронцовой, так и рядовые чиновники и люди военнотружильные (сенатский секретарь, полковой корнет, секунд-майор и т.п.). Дворовых отпускали как сами их хозяева при своей жизни — и тогда в отпускную могла вноситься помета типа «за ево верную и радетелную ко мне службу», с добавлением «по желанию ево (дворового. — *Н.К.*)»¹⁷, — так и наследники владельцев в соответствии с укоренившимися в сознании нормами Уложения 1649 г., требовавшими, чтобы после смерти владельца наследники отпускали его кабальных холопов и давали им отпускные¹⁸. Укрепление их за наследниками умерших владельцев могло быть только в результате добровольного оформления ими новых служилых кабал (гл. X, ст. 61–64)¹⁹.

Отпускные на дворовых людей могли писаться «у крепостных дел», а могли и в домах «за своею рукою» с приложением личной печати владельца. Его подпись свидетельствовали либо духовные лица, либо кто-то из ближних родственников. Но тогда «домовые отпускные» следовало представить в Юстиц-контору (в Санкт-Петербурге) или в Юстиц-коллегию, а точнее в ее Московскую крепостную контору для регистрации и взятия с записки пошлин. Оформление и регистрация отпускных записей нередко возлагались на служителей, в источниках обозначаемых как «человек, который за дела ходит». Он подписывал от имени своего господина крепостные записи и затем принимал прошедшие регистрацию документы «для отдачи» хозяину. Право подписи подтверждалось формулой «по приказу господина своего». Например, 20 января 1719 г. «стольника князя

¹⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 10. Д. 9595. Л. 1 об.

¹⁸ Первоначально в отличие от старинных холопов, которым в этом случае выдавались отпускные, кабальным холопам достаточно было вернуть их кабалы.

¹⁹ Истоки этой нормы восходят к указам о холопях отпускных 1550-х гг., запрещавших холопам служить у своих господ после выдачи им отпускных грамот и аннулировавших отпускную при нарушении этого предписания. См.: *Панелях В.М.* Указы о холопях отпускных 50-х годов XVI в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки (к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина). Л., 1978. С. 109–110.

Ивана княж Осипова сына Щербатова человек ево Иван Сидоров сын Бурков отпустил по приказу господина своего дворовую ево девку Ирину Петрову дочь»; или «К сей записке (1723 г. — *Н.К.*) морского флота лейтенанта князя Александра Никитича Прозоровского человек ево, которой за дела ходит, Григорей Гаврилов сын Мокин вместо госпожи своей княгини Прасковьи Васильевны по приказу ее руку приложил, а подлинную для отдания ее к себе взял»²⁰. Именно их «рукоприкладствами» в крепостных книгах пестрят разнообразные записи. Отпускную при челобитье мог представлять и сам отпущенный на волю дворовый. Контора же, запросив приказных служителей и надсмотрщиков и получив их подписи, удостоверяющие, что у них на ту отпускную «по делам спору и челобитья и в письме крепостей на того дворового запрещения нет»²¹, выносила решение по силе указов 9 ноября 1704, 19 января и 12 марта 1705 г., а позднее 26 марта 1729 г. и «о крепостных делах статей». С отпускной за гербовую бумагу и записку брались пошлины, а в крепостной книге делалась соответствующая запись. Вся эта процедура записывалась на отпускной и затем возвращалась просителю с распиской. На этом процесс оформления отпуска дворового человека на волю не завершался, поскольку в крепостных учреждениях лишь писались и регистрировались тексты документов, а окончательное решение о судьбе отпущенного дворового выносили надворные суды, а по их ликвидации в 1727 г. губернские канцелярии²².

Несколько примеров. В феврале 1769 г. вдова вице-адмирала и кавалера Воина Яковлевича Римского-Корсакова Марья Иванова отпустила на волю «вечно» пятерых дворовых людей, а в июле того же года еще одного дворового Николая Васильева сына Шумилова, доставшегося ей после смерти мужа по разделу с сыном лейб-гвардии подпоручиком Петром Воиновым сыном Римским-Корсаковым. Среди дворовых были люди холостые и семейные. Всем им хозяйка за своей рукой выдала домовые отпускные. Во всех документах прописывалось, что «сей отпускной оной мой дворовой человек никому от меня не продан и не заложен и ни в каких кре-

²⁰ Цит. по: *Козлова Н.В.* «Человек ево, который за дела ходит...»: «люди боярские» в домах московских дворян петровского времени // *Козлова Н.В.* *Русский город XVIII века. Исследования разных лет.* СПб., 2023. С. 134.

²¹ Во второй половине XVIII в. запросы о дворовом человеке адресовались также в Санкт-Петербургское отделение Императорского Воспитательного дома и в контору Санкт-Петербургского государственного банка для дворянства. Юстиц-контору интересовало, «не состоит ли [в них] в закладе или по ком в поручительстве». См., например: Ф. 285. Оп. 1. Ч. 10. Д. 9495. Л. 2–4; Д. 9495. Л. 4-4об.; Д. 9498. Л. 5–6 и др.

²² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 200. 1773 г. Л. 186–186 об.

постях не креплен». «Вечная» воля подтверждалась обычной для всех отпускных фразой: «И впредь ей/ему... и наследникам ее/его (вариант — «и детям моим») до него (имя дворового, или «до той женки/девки»), до жены, до детей и до будущих потомков ево дела нет и не вступатся»²³. Все они только спустя три года представили свои отпускные в Юстиц-контору для регистрации. Причем один из них, холостой П.П. Амосов, вскоре запросил свою отпускную обратно, объявив при том, что он желает быть в услужении у жены межевой экспедиции майора Н.С. Волкова Прасковьи Воиновой дочери «по смерть ее». К этому времени Прасковья Воинова купила имение своей матери, его прежней госпожи М.И. Римской-Корсаковой, проданное с публичного аукционного торга за вексельные долги ее сына Петра. Новая владелица имения подтвердила, что отпускная, данная от ее матери дворовому человеку Амосову «со взятъем с нее в казну пошлин в крепостные книги уже записана», и она по его желанию приняла его к себе «во услужение». В итоге с соблюдением всех формальностей отпущенный на волю дворовый Павел Амосов предпочел сохранить прежнее положение, оставаясь дворовым в том же имении, хотя и сменившем владельца²⁴.

В отпускную другого дворового, Н.В. Шумилова, М.И. Римская-Корсакова внесла дополнительное условие: «С своею отпускною до смерти моей ему Шумилкову с женою ево жить в доме моем, а после смерти моей быть свободным, и сию отпускную явить ему, где по указом надлежит». Ситуация с этим дворовым отражает сохранение в сознании владельцев представлений о различиях между холопами старинными и кабальными, но в то же время и о происходящем процессе стирания граней между ними. С одной стороны, в отпускной подчеркивается, что он достался ей по разделу с сыном наследства мужа, что было характерно по отношению к старинным крепостным людям. Но в таком случае помещице, коль скоро она не хотела при жизни отпускать его на волю, незачем было и писать отпускную. То, что она это сделала, может свидетельствовать об отношении к нему как к кабальному холопу, для временного закрепления которого за собой и понадобилась особая приписка²⁵. В августе 1772 г.

²³ Там же. Д. 437. Л. 5, 7 об., 8, 10 и др.; Д. 450. Л. 128.

²⁴ Там же. Д. 198. Л. 108–109 об.

²⁵ Такого рода условия встречаются в духовных завещаниях. Так, стряпчий Кормового дворца Петр Тимофеев сын Гринев, сумевший при жизни расплатиться с кабальными и бескабальными долгами, но для этого заложивший подьячому за 50 руб. свой московский двор на Никитской улице, в 1717 г. завещал жене ее приданое и распорядился, чтобы дворовый человек Василий Васильев с женой и с детьми жил у жены его до ее смерти, а по ее кончине был отпущен с семьей на волю. В духовной же стольника И.Н. Бобринцева-Пушкина 1724 г. имевшиеся в

М.И. Римская-Корсакова обратилась в Нижегородскую губернскую канцелярию о записи отпускнуой, а та переслала ее для регистрации в Юстиц-контору. В результате их переписки выяснилось, что после смерти помещицы ее дворовый Н.В. Шумилов допросом в канцелярии выразил желание «быть в вечном услужении» у обер-секретаря Сената С.И. Шешковского. На это Юстиц-контора резонно заметила, что «не может уже одно ево, Шумилова, желание во исполнение приведено ... быть», и губернской канцелярии, прежде чем вынести решение, следует оповестить о том обер-секретаря, находившегося в Петербурге, и получить от него письменное согласие принять Шумилова с женой к себе в услужение²⁶.

Итак, чтобы получивший отпускнуую дворовый человек вновь мог поступить в услужение к кому-нибудь, требовалось не только подать о том челобитную, но и получить согласие принять его в вечное услужение от того, к кому он поступал. В случае утраты уже зарегистрированной отпускнуой бывший дворовый подавал челобитную в Юстиц-контору о выдаче ему с отпускнуой выписи. По запросу у крепостных дел надсмотрщика, если в записной на дворовых людей книге отыскивалась запись отпускнуой, то с нее снималась копия, которая и отдавалась просителю²⁷. Это предусматривалось указами от 23 сентября 1726 г. и 8 января 1739 г.²⁸

После введения подушной подати при отпуске «людей боярских» на волю требовалось урегулировать вопрос о податных обязанностях. Обычной практикой была плата за дворового человека до следующей ревизии подушных денег и всяких поборов в той вотчине, где он был положен в подушный оклад. Чаще всего владелец прямо указывал уезд и название села²⁹, реже, как это в 1776 г. записал в отпускнуой на своего дворового человека генерал-поручик князь С.Н. Трубецкой, ограничивался фразой общего характера³⁰.

его московском и вотчинном дворе кабальные дворовые люди, «у кого будут отпускныя ... за мою рукою», сразу исключались из наследства и отпускались на волю. См.: Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015. № 113. С. 196–197; № 314. С. 371–372.

²⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 198. Л. 313–314 об.

²⁷ Там же. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8905.

²⁸ Указы «О даче челобитчикам вместо сторевших и утраченных у них крепостей в Москве и в городах с записных книг выписей». См.: РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8905. Л. 3–6 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 198. Л. 109; Ч. 7. Д. 8949. Л. 2–3; Ч. 10. Д. 9496. Л. 3. Д. 9498. Л. 1 об. и др.

³⁰ «Подушные же деньги и всякие государственные поборы платить будут до будущей ревизии в моей вотчине, где он в подушной оклад положен» (РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 10. Д. 9495. Л. 1 об.).

Случалось, что условием отпуска дворового становилось принятие им на себя подушных и других податей. Правда, это обуславливалось особыми обстоятельствами, подобных тем, что стали известны из отпускного письма 1777 г. вдовы таможенного кассирского помощника Авдотьи Михайловой³¹. В нем речь шла о ее дворовом человеке Тимофее Моисееве, которого ей как незаконнорожденного во младенчестве отдала государственная крестьянка «по неимуществу ея для воспитания». Тимофей был закреплен за новой хозяйкой как ее дворовый человек и во время ревизии записан у нее «во владении». Содержа его на собственные средства, Авдотья обучила Тимофея парикмахерскому мастерству, что давало ему шанс употребить «себя в какое звание способен или в службу», а его бывшей хозяйке надеяться, что, отпуская его на волю, она обращает «его к пользе, какою он обществу служить может». В записи вдовы мелкого чиновника привлекает внимание обращенная к дворовому человеку риторика общественного служения, характерная для эпохи Просвещения.

Иначе вопрос о будущих платежах был решен женой секретаря Санкт-Петербургского почтамта Катериной Ивановой. Отпуская в 1771 г. на волю своего дворового человека Куприяна Тимофеева сына Шикова с его женой и двумя малолетними сыновьями, она в зачет будущих платежей подушных денег и всяких поборов взяла с него 5 рублей³². Этого дворового с семьей Катерина Иванова приобрела всего за год до этого по купчей у титулярного советника Главной дворцовой канцелярии А.А. Воинова. За ним по его сказке Куприян и был записан во время третьей ревизии в Санкт-Петербургской губернской канцелярии. После покупки дворового плата подушной подати перешла на новую хозяйку, которая и взыскала деньги с него за будущие годы. Правда, не очень понятно, зачем надо было покупать Куприяна с семьей, чтобы уже через год отпустить их на волю. Любопытно, что у дворового оказались денежные средства, позволившие ему решить со своей бывшей хозяйкой вопрос о податных платежах.

С давних времен отпуск на волю кабальных людей по смерти хозяина сопровождался выдачей им так называемого «наделка» в виде части имущества, которым они пользовались при жизни владельца, или денег³³. Тексты отпускных писем XVIII в. подобных упоминаний

³¹ Там же. Д. 9500. Л. 2–2 об.

³² Там же. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8905. Л. 2 об.

³³ Кошелева О.Е. «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 339–386.

не содержат. Однако о том, что такая практика сохранялась, хотя и не была обязательной³⁴, свидетельствуют духовные завещания. Так, известный еще со времен царя Алексея Михайловича московский дипломат, а при Петре I думный дьяк и «ближний советник» Прокофий Богданович Возницын к своей духовной, написанной 12 января 1702 г., приложил роспись, в которой наряду с определением средств, идущих на поминальные службы и на раздачу милостыни, выделил «и людям отхожего, кому что порознь дать»³⁵. В 1714 г. вдова стольника князя И.П. Львова княгиня Елена Семеновна оставшиеся после пожара московский двор и «малые» пожитки распорядилась употребить на погребение и «поминание», а людей «по домовым крепостям и приданных отпустить и дать по образу, какие будут в остатке»³⁶. В завещании («завете») секретаря С.А. Черкасова 1735 г. среди разных указаний и наставлений предусматривалось награждение «для поминовения души» каждого из отпускаемых им на волю крепостных людей с женами и детьми разными денежными суммами от 5 до 20 рублей («двум девкам, которые служили мне во время болезни моей, по 15 рублей»)³⁷. Наличие денежных средств помогало обустроиться в новой жизни.

Соборное Уложение 1649 г. предусматривало единственный вариант последующей судьбы дворового человека после выхода на свободу — закрепление за старым или новым владельцем. В ходе проведения 1-й ревизии и податной реформы, как показал Е.В. Анисимов, особенно строго реализовывались нормы указов начала XVIII в. об обязательном освидетельствовании отпущенных на волю дворовых. Осуществленный им анализ данных сводных ведомостей о почти 500 отпущенниках, учтенных в переписных канцеляриях Переяславля-Рязанского и Нижнего Новгорода в 1723–1724 гг., показал, что за вычетом определенных в армию (66 душ) и оставленных у прежних помещиков (133 души) «за малолетством» (до 15 лет) возможность распорядиться своей свободой получили 283 человека. Из них 138 отпущенных выразили желание вернуться к прежним владельцам, 14 душ пошли в дворцовые и архиерейские крестьяне и монастырские слуги, 11 душ были приписаны к посаду Нижнего

³⁴ Уложение 1649 г. запрещало давать суд по челобитьям холопов, предъявивших иски к наследникам умерших их господ «в животах или грабежах», т.е. в присвоении или насильственном отнятии принадлежащего холопам имущества (гл. X, ст. 65).

³⁵ Роспись распоряжений П.Б. Возницына в крепостной записи, кратко передающей содержание его духовной, отсутствует. См.: Дворяне Москвы. № 8. С. 126. Комментарий. С. 718–719.

³⁶ Дворяне Москвы. № 62. С. 155–156.

³⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 785. Л. 12 об. – 15 об.

Новгорода и трое определены в богадельни. В итоге к помещикам попала 271 душа, т.е. более половины из 482 отпущенников (56,2%)³⁸. В дальнейшем указ 1729 г. закрепил детей отпущенников, за малыми летами временно возвращенных прежним владельцам, за ними³⁹. Очевидно, что из оказавшихся на воле дворовых в армию попадали наиболее здоровые и крепкие, а для тех, кто по возрасту или болезням был признан негодным к службе, предпочтительным было возвращение к своим помещикам или выбор нового господина. Причем его обретение не обязательно происходило посредством крепостной записи и возврата в прежнее состояние крепостной зависимости. Если поступление в услужение к новому хозяину оформлялось жилой записью, то бывший дворовый, находясь у него в работе только в течение договорного срока, в дальнейшем мог именовать себя «послужильцем» такого-то⁴⁰. В этом случае он, подобно другим дворовым служителям, обозначаемым как «человек такого-то», пополнял собой пеструю и не вполне законодательно определенную, но постоянно восполняемую в реалиях XVIII столетия социальную группу разночинцев.

Манифест 17 марта 1775 г., изменивший структуру посадской общины и определивший состав гильдейского купечества, затронул и судьбу отпускаемых на волю крепостных людей. Отныне всем отпущенным от помещиков с отпускными письмами разрешалось впредь ни за кого не записываться, а во время очередной ревизии объявлять, «в какой род службы или в мещанское, или купеческое состояние войтить желают по городам»⁴¹. Указ 10 апреля того же года разъяснял, что за отпущенных людей до будущей ревизии подати платятся от их бывших помещиков, а в ходе ревизии даже при собственном желании лиц, уже отпущенных и из подушного оклада исключенных, вновь в подушную подать не записывать и тем самым «вечно не укреплять».

В отпускных письмах, написанных до 1770-х гг., перспектива дальнейшей жизни и занятий вышедших на волю дворовых обозначалась кратко: «и жить ей/ему, где она/он похочет с ее отпускной». Такую запись, к примеру, находясь в сентябре 1717 г. в Санкт-Петербурге, сделал в отпускной стольник Алексей Тимофеев сын Волков на дворовую свою крепостную девку Ярославского уезда

³⁸ В приведенных исследователем данных нет информации о судьбе еще 120 отпущенников. См.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 155, 160–161.

³⁹ ПСЗ. Т. VIII. № 5392.

⁴⁰ *Козлова Н.В.* «И всякая служня работа работать...»: «послуживцы» в домах жителей Москвы первой четверти XVIII в. // *Козлова Н.В.* Русский город XVIII века. Исследования разных лет. С. 143–156.

⁴¹ ПСЗ. Т. XX. № 14275, п. 46.

Жерской волости с. Глухарева Марфу Автомонову дочь; или в том же году тайный советник граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин в отпускной на волю дворовой женки вдовы «татарской породы» Платониды Ивановой⁴². Получившая отпускную незамужняя дворовая могла уже самостоятельно устраивать свою личную жизнь: «И буде ее, Дарью, для услужения или кто на ней пожелает женитца, и в том дозволяется, понеже отпущена от меня вечно», — записал в отпускной 1763 г. на дворовую Дарью Феилову лейб-гвардии Конного полка корнет⁴³. Позднее в отпускных уже конкретно, подобно тому, как это сделано в Манифесте 1775 г., перечисляются занятия, которые были доступны отпущенному на волю дворовому человеку и крестьянину: «и вольно ему записаться в военную или статскую службу, и к кому во услужение, или ж записаться в купечество и в цех». Именно так обозначили перспективы дальнейшей судьбы для своих дворовых людей — в 1773 г. вдова вице-адмирала В.Я. Римского-Корсакова Марья Ивановна, в 1777 г. лейб-гвардии Измайловского полка прапорщик А.В. Зыбин, в 1771 г. жена секретаря Санкт-Петербургского почтамта Катерина Иванова, граф К.Г. Разумовский и другие⁴⁴. Причем все перечисленные занятия отпущенника соотносились со статусом человека, не обремененного личной зависимостью, и в текстах отпускных они закрепились еще до Манифеста 1775 г.

Сделанные наблюдения показывают, что на протяжении XVIII в. сохранялась традиционная практика отпуска дворовых людей на волю после смерти владельца. Однако она не получила большого распространения: среди известных и опубликованных 345 духовных завещаний или их крепостных записей дворян первой четверти XVIII в. только в 9 имеются соответствующие указания. В записных же книгах на дворовых людей записей купчих о продаже дворовых в 5–6 раз больше, чем записей отпускных на волю. При этом стирались различия между лично не свободными дворовыми людьми разного происхождения. Соборное уложение 1649 г. четко различало кабальных и старинных холопов, в одну группу с которыми включало докладных, пленных и купленных людей, определяя для них возможность разной судьбы после смерти владельца и наследственных прав по отношению к ним. Так, только полных, купленных холопов и полоняников позволялось включать в приданое и передавать женам, детям и внукам. После податной реформы Петра I, распространившей подушную подать на «боярских людей», живущих во дворах

⁴² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 437. Л. 2, 3 об., 5, 7, 7 об., 8, 10 и др.

⁴³ Там же. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8907. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 198. Л. 108 об.; Ч. 7. Д. 8905. Л. 2 об; Д. 8949. Л. 2–3.

своих господ, во-первых, термин «холоп» вскоре был вытеснен термином «дворовой», а, во-вторых, в отпускных по отношению к дворовому употреблялась обобщенная формулировка, независимо от того, каков был источник его несвободы: «отпустила крепостного своего двороваго человека»; отпустил «доставшегося ... по купчей двороваго человека», отпустила «доставшегося ... после мужа по разделу с сыном ... двороваго человека», «дворовых людей, которые даны ей в приданое» (курсив мой. — Н.К.)⁴⁵. В итоге отпускать или оставлять у себя дворовых, передавать их по наследству или включать в состав приданного за дочерьми зависело от желания и воли их владельца⁴⁶. На протяжении XVIII в. большая часть отпущенных на волю дворовых вновь решала жить «вечно» за старым или новым хозяином. Однако объективные социально-политические процессы и потребности развития городской жизни вели к изживанию архаических форм личной зависимости. Неслучайно провозглашение в 1775 г. верховной властью право отпущенных на волю не вступать вновь в крепостную зависимость и ни за кого не записываться произошло одновременно с законодательным определением состава мещанского и купеческого состояния, на причисление к которому им и следовало ориентироваться.

References

Anisimov E.V. *Podatnaya reforma Petra I. Vvedeniye podushnoy podati v Rossii 1719–1728 gg.* [Peter I's Tax Reform. The Introduction of Per Capita Tax in Russia in 1719–1728]. Leningrad: Nauka, 1982. 296 p.

Dvoryane Moskvy: svadebnyye акты i dukhovnyye zaveshchaniya petrovskogo vremeni [Moscow Nobles: Wedding Acts and Last Wills under Peter the Great] / Comp. and comm. by N.V. Kozlova and A.Yu. Prokof'yeva. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 911 p.

Kamenskiy A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century (An Attempt at Holistic Analysis)]. Moscow: RGGU, 1999. 575 p.

Klyuchevskiy V.O. *Proiskhozhdeniye krepostnogo prava v Rossii* [Origin of Serfdom in Russia] // Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya* [Works]. In 9 vols. Vol. VIII. Articles / Ed. by V.L. Yanin. Moscow: Mysl', 1990. P. 120–193.

Kosheleva O.E. *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of Saint Petersburg Island under Peter the Great]. Moscow: OGI, 2004. 488 p.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 198. Л. 109, 313–314 об.; Ч. 7. Д. 8905. Л. 2 об.; Дворяне Москвы. № 232. С. 301.

⁴⁶ К примеру, в 1722 г. жена стольника Н.И. Слепушкина Василиса Никифорова часть дворовых, доставшихся ей в составе приданого (вдове с дочерью), отпустила на волю, а часть (ее двух сыновей с женами и детьми) передала в наследство племяннику. Решение о таком разделе семьи, возможно, принималось с учетом происходившего в это время прибора отпущенных дворовых в армию и возраста вдовы, имевшей взрослых сыновей. См.: Дворяне Москвы. № 232. С. 301.

Kosheleva O.E. "Otkhodya ot sveta sego...". *Chastnaya zhizn' moskovskoy elity XVII veka cherez prizmu zaveshchaniy* ["Departing from This World...": Private Life of the Moscow Elite in the 17th Century according to Wills] // *Chelovek v mire chuvstv. Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Yevrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala novogo vremeni* [Man in the World of Feelings. Essays on the History of Private Life in Europe and Some Asian Countries before the Beginning of the Modern Time] / Ed. by Yu.L. Bessmertny. Moscow: RGGU, 2000. P. 339–386.

Kozlova N.V. "Chelovek yevo, kotoryy za dely khodit...": "lyudi boyarskiye" v domakh moskovskikh dvoryan petrovskogo vremeni ["His Man Who Goes for Service...": "Boyar People" in the Houses of Moscow Nobles of the Petrine Time] // Kozlova N.V. *Russkiy gorod XVIII veka. Issledovaniya raznykh let* [Russian Town of the 18th Century. Studies of Different Years]. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 132–142.

Kozlova N.V. "I vsyakaya sluzhnyaya rabota rabotat'...": "posluzhivtsy" v domakh zhiteley Moskvy pervoy chetverti XVIII v. ["And to Work Any Service Work...": "Posluzhivtsy" in the Households of Moscow Residents in the First Quarter of the 18th Century] // Kozlova N.V. *Russkiy gorod XVIII veka. Issledovaniya raznykh let* [Russian Town of the 18th Century. Studies of Different Years]. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. P. 143–156.

Paneyakh V.M. *Ukazy o kholop'ikh otpusknykh 50-kh godov XVI v.* [Edicts on Manumission of Bondmen in the 1550s] // *Iz istorii feodal'noy Rossii. Stat'i i ocherki (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.V. Mavrodina)* [From the History of Feudal Russia. Articles and Essays (On the 70th Anniversary of Professor V.V. Mavrodin)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1978. P. 103–110.

Tikhonov Ya.A. *Mir veshchey v moskovskikh i peterburgskikh domakh sanovnogo dvoryanstva (po novym istochnikam pervoy poloviny XVIII v.)* [The World of Things in Moscow and Petersburg Houses of the Nobility (According the New Sources of the First Half of the 18th Century)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 352 p.

Поступила в редакцию
6 июля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-34-49

А.Г. Суслина

**«...ОПРЕДЕЛЕННЫ МЫ УЕЗДОМ ВО ГРАД ГОРОХОВЕЦ,
В КОТОРЫЙ НАМ БЫТЬ СОВСЕМ НЕ ЖЕЛАЛОСЬ»:
УЕЗДНЫЙ ЦЕНТР В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА
(НА ПРИМЕРЕ С. ПАЛЕХА НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.)**

A.G. Suslina

**“... WE WERE DETERMINED BY THE UYEZD TO BE
IN THE TOWN OF GOROKHOVETS, WHERE WE DID
NOT WANT TO BE AT ALL”: THE DISTRICT CENTER
IN THE LIFE OF THE PEASANT COMMUNITY
(THE CASE OF THE VILLAGE OF PALEKH AT
THE TURN OF THE 18th AND 19th CENTURIES)**

Аннотация. В данной работе на микроисторическом уровне изучаются стратегии крестьянского мира и вотчинной администрации по взаимодействию с уездной властью. Исследование проведено на основе материалов архива Палехской вотчины Бутурлиных — расходных книг и первичной расходной документации о тратах в поездках, расписание уездных властей о получении повинностей, мирских приговоров. Проведен анализ законодательной базы и реальной практики, выяснено, что крестьяне почти не отходили от существовавших законодательных норм. Вместе с тем они старались оптимизировать расходы (не прибегать к суду уездных властей, ездить в город по нескольким делам одновременно). В работе реконструирован график и примерный размер временных затрат на поездки. Рассмотрено, какие должностные лица и рядовые крестьяне были задействованы при взаимодействии с уездными властями в зависимости от ситуации.

Суслина Анастасия Геннадьевна, заместитель начальника Отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива древних актов

Suslina Anastasia Gennad'evna, Deputy Head, Scientific Reference Department, Russian State Archive of Ancient Acts

anastasia_sus@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4612-8598

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00391 «Губернская реформа Павла I: Историко-картографическое исследование»).

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-00391 “Paul I’s Gubernaya Reform: Historical and Cartographic Study”).

Установлено, что на поездки в уездный город тратилась значительная часть времени вотчинных властей. Для оценки транспортных издержек жителей Палеха проанализированы маршруты, которыми они добирались в соседние города — Гороховец, Вязники, Владимир и Шую. Главным критерием удобства уездного города для крестьян были надежность и непродолжительность пути к нему. На примере проведения административной реформы 1796–1797 гг. во Владимирской губернии рассмотрено, как палешане пытались предотвратить отнесение их вотчины к менее привлекательному для них уездному городу. Доказано, что попытки крестьян не могли иметь успеха, поскольку реформа проводилась на губернском уровне (крестьяне же обращались к уездным властям), а решения были приняты еще до того, как крестьяне попытались вмешаться в ситуацию. Делается вывод, что законодательство второй половины XVIII — начала XIX в. в общем виде шло навстречу крестьянам и было направлено на уменьшение транспортных издержек для них, но при формировании конкретных административных границ мнение жителей не учитывалось.

Ключевые слова: расходные книги, вотчинный архив, административная реформа Павла I, крестьянская община, уездные власти, пути сообщения, Владимирская губерния, Палех.

Abstract. The study examines the strategies of interaction of the peasant community and manorial administration with the uyezd authorities at the micro-historical level. It is based on the materials of the archive of the Buturlins' Palekh manor, i.e. expenditure books and primary documentation on travel expenses, duty receipts of the uyezd authorities and community sentences. Upon studying the legislative base and practice, the author concludes that peasants almost did not deviate from legislative norms. They tried to optimize their expenses, for example, they did not resort to the uyezd court or they visited the town for several cases at the same time. The article reconstructs the schedule and approximate travel time consumption, examines which officials and peasants were involved in interaction with the uyezd authorities depending on the situation. The author establishes that a considerable part of the time of the manorial administration was spent on traveling to the uyezd town. She estimates the transport costs of Palekh residents to the neighboring towns — Gorokhovets, Vyazniki, Vladimir and Shuya. The main criterion of convenience of a uyezd town for peasants was reliability of the way to it and its proximity to their village. The case of the administrative reform in 1796–1797 in Vladimir guberniya allows us to consider how Palekh residents tried to prevent their manor from being assigned to a less attractive uyezd town. It is proved that peasants' attempts could not succeed, because the reform was carried out at the guberniya level (while peasants appealed to the uyezd authorities), and the decisions were made before peasants tried to intervene. The author concludes that the legislation in the second half of the 18th and early 19th centuries worked in favor of peasants and it was aimed at reducing transportation costs for them, but their opinion was not taken into account in the formation of specific administrative boundaries.

Keywords: expenditure books, manor archive, Paul I's administrative reform, peasant community, uyezd authorities, communication routes, Vladimir guberniya, Palekh.

Полноценное рассмотрение вопросов государственной политики, ее реализации невозможно без изучения повседневной практики взаимодействия властей низового уровня и общества. В дореформенной России взаимодействие государства и большинства подданных происходило на уровне уездных властей и представителей сельских общин. Это касается, в том числе, крепостных крестьян, поскольку в большинстве случаев от лица помещика действовали мирские и вотчинные власти (последние нередко выбирались и/или назначались из числа тех же крестьян). Сфера этого взаимодействия рассматривалась в трудах В.А. Александрова, С.Л. Хока¹. В их работах показано, что вотчинная администрация сама отчасти играла роль государственного управленческого аппарата: собирала налоги с крестьян, отвечала за соблюдение законов в вотчине, не говоря уже о выполнении многочисленных натуральных повинностей.

В данной статье рассматривается не изучавшийся ранее географический аспект проблемы, насколько удаленность уездного города от вотчины затрудняла взаимодействие уездных властей и крестьянского мира. При архаичном состоянии путей сообщения² вопрос транспортной доступности уездного центра и транспортных издержек мог быть существенным фактором не только в Сибири, но и в Центральной России. Насколько крестьяне сами считали его значимым? Каким образом сокращали транспортные издержки? Как формулировали и отстаивали свои интересы, связанные с поездками в уездный город? Насколько их действия были эффективны, а интересы воспринимались и учитывались в законодательстве и при проведении административных реформ?

Вышеперечисленные вопросы рассматриваются на примере Палехской вотчины Бутурлиных. Во второй половине XVIII в. — начале XIX в. Палех несколько раз менял административную принадлежность. До екатерининской реформы она находилась во Владимирском уезде, потом короткое время, с 1779 г. по 1782 г., — в Ковровском, в 1782–1797 гг. входила в состав Вязниковского уезда,

¹ Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 114–116, 161–162, 315–316.; Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 129, 133, 135.

² Редин Д.А. Транспортные коммуникации Сибири XVIII в. как элемент системы управления: (постановка вопроса и проблема источников) // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 1: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. Материалы Международного симпозиума. Екатеринбург, 2006. С. 138–140, 154–157; Марасинова Л.М. Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. Ч. 1. М., 1985. С. 257–284.

а по административной реформе 1796–1797 гг. была включена в Гороховецкий уезд. В 1803 г. она была снова отнесена к Вязниковскому уезду. В рассматриваемый период Бутурлины (до 1790 г. коллежский асессор Д.И. Бутурлин, позже его внук, капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка П.М. Бутурлин) владели половиной с. Палеха и пяти соседних деревень. Они жили в Москве, контролируя происходящее в вотчине через назначенного ими из числа местных крестьян бурмистра³. Их архив по Палехской вотчине сохранился, что позволяет реконструировать поездки вотчинной администрации в уездный город и их взаимодействие с местными властями. Расходные книги старост, сохранившиеся за 1760–1800-е гг. почти без лагун⁴, фиксировали все мирские траты, в том числе на поездки в уездный центр: в них указывались цель поездки, кто ее совершил и расходы на поездку. Отчасти сохранилась и первичная расходная документация, где детали трат в поездках расписывались в подробностях. Проверить эти данные и определить точное время поездок позволяют расписки от уездных властей в получении повинностей. Картину дополняют мирские приговоры, переписка вотчинной администрации с помещиком и другие подобные документы.

Данные вотчинного архива сопоставляются с законодательством того времени. Закон предусматривает множество случаев, по которым обращение к уездным властям было обязательным. Подушную и другие денежные подати надо было привозить в уездное казначейство дважды в год — в периоды с начала января по 1 марта и с октября по 15 декабря⁵. Рекрутские наборы проводились почти каждый год в ноябре–декабре⁶. В уездном городе объявлялись рекрутские квитанции, а с 1797 г. туда (а не только в губернский город) можно было привозить и самих рекрутов⁷. Уездным властям везли явочные челобитные о совершенных преступлениях и самих преступников и беглых. Они же решали вопросы, связанные с ревизиями и исключением/включением в подушный оклад. В уездный город крестьяне подавали различные прошения, там же получали плакатные паспорта⁸. Чаще всего в город был обязан ездить сотский — выборное лицо, выполнявшее в основном полицейские обязанности.

³ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 236, 237, 309, 310.

⁴ Там же. Д. 165, 198, 231, 268, 339.

⁵ ПСЗ-1. Т. 18. № 13300.

⁶ ПСЗ-1. Т. 21. № 15832; Т. 22. № 16064, 16253, 16437, 16565, 16579, 16705; Т. 23. № 16796, 16905.

⁷ ПСЗ-1. Т. 24. № 18126, 18215, 18646, 20411, 20994.

⁸ ПСЗ-1. Т. 7. № 4533, п. 13.

Согласно «Инструкции сотскому с товарищи», он переизбирался ежегодно, лично приезжал в город для дачи присяги и получения инструкции, ежемесячно подавал отчеты, а в случае какого-либо важного происшествия должен был сообщать о нем в уезд незамедлительно⁹.

Для сопоставления законодательных норм с реальной практикой нами был проанализирован массив расходной документации за 1760-е — 1800-е гг., а также рекрутские квитанции и расписки уездных властей о получении от палешан различных повинностей. Из этих документов следует, что помимо вышеперечисленных причин поездок к уездным властям было еще несколько, прямо не прописанных в законе. К наиболее частым относится подача ежегодных сказок об урожае хлеба: губернаторы были обязаны подавать ведомости об урожае на всю губернию¹⁰ и, по крайней мере, во Владимире со старост собирали первичную информацию¹¹. Также крестьяне везли в город дополнительные денежные сборы. Из них особо стоит упомянуть «почтовые» или «подводные» деньги: по указу от 19 января 1797 г. содержание почты становилось общественной повинностью и ложилось на плечи местных жителей¹². Палешане оплачивали эту повинность деньгами, передавая их дважды в год уездным властям.

Как видно из перечисленного, законы и практика сбора повинностей учитывали сельскохозяйственный цикл, и большинство поездок приходилось на зиму и позднюю осень. В свою очередь и палешане старались придерживаться вышеперечисленных законодательных норм, платя в срок подати. Исключение составляла выплата первой части подушных — в половине случаев палешане платили в марте, на несколько дней позже положенного срока. Стоит отметить, что закон от 19 мая 1769 г., регулировавший сроки уплаты подушных, ужесточал их по сравнению с предыдущими нормами — регламентом Камер-коллегии от 23 июня 1731 г. Последний позволял платить

⁹ ПСЗ-1. Т. 19. № 14231.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 9. № 6859; Т. 15. № 11093; Т. 23. № 16837; Т. 26. № 19323.

¹¹ Факт сбора этих данных фиксируется и для Тамбовской губернии (см.: *Хок С.Л.* Указ. соч. С. 133) и вносит важное дополнение в дискуссию о достоверности губернских отчетов в части урожая зерновых, поскольку подтверждает, что информация об урожайности собиралась на самом низовом уровне (подробнее о дискуссии см.: *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки: Научно-практический журнал.* 2016. № 2 (38). С. 5–24).

¹² ПСЗ-1. Т. 24. № 17744.

подушную не только в январе–феврале, но и в марте¹³. Складывается ощущение, что палешане как бы игнорировали новый закон, продолжая платить в привычное для них время — в конце февраля или начале марта.

Главное же, что бросается в глаза, это стремление крестьян минимизировать, насколько это возможно, количество поездок, решить сразу несколько дел за один раз. Вместе с подушными деньгами старались отвозить и иные денежные подати, сказку об урожае в большинстве случаев привозили вместе со второй половиной подушных. Также палешане предпочитали подавать явочные челобитные о беглых или о каких-то других случаях, когда ездили в город еще и с какими-то другими целями, даже если с момента происшествия уже прошло несколько месяцев¹⁴.

Напротив, не зафиксировано ни одного случая, когда бы отдачу рекрутов крестьяне сочетали с какими-то другими делами. Отдача рекрутов требовала сложной организации, покупки провианта и одежды, к рекрутам приставляли караул¹⁵. При этом часто рекрут сдавался по указанию помещика или покупался¹⁶, выбранных или купленных в рекруты людей также до отдачи держали под караулом¹⁷, поэтому «подгадать» отдачу рекрута к уплате очередной подати и т.п. было проблематично. Поскольку продажа рекрутов в период набора запрещалась, то часто крестьяне и сдавали купленных рекрутов заранее, вне времени наборов. Это означало, что они должны были везти его не в уездный, а в губернский город и обеспечивать дополнительным провиантом на 10 месяцев¹⁸, но в данном случае крестьяне пренебрегали расходами.

Помимо совмещения нескольких дел в одной поездке крестьяне использовали и другие способы уменьшить транспортные издержки. Так, в 1789 г. из-за роста числа дворов в селе уездные власти потребовали выбирать от Палешской вотчины Бутурлиных не одного, а двух сотских¹⁹, поскольку сотский выбирался на 100 дворов, а в Палехской вотчине к тому моменту было уже более 150 дворов²⁰. Кроме того, по мирским приговорам видно, что сотский у Палехской

¹³ ПСЗ-1. Т. 8. № 5789.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 148, 201.

¹⁵ Хок С.Л. Указ. соч. С. 142–143.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 172. Л. 6, 16, 21; Д. 203. Л. 21; Д. 232. Л. 3; Д. 236. Л. 11, 16, 26, 30, 38, 65; Д. 244; Д. 269. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 172. 203. Л. 22.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 20. № 14852.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 231.

²⁰ Там же. Д. 233.

вотчины Бутурлиных был общий с несколькими небольшими соседними деревнями²¹. Сотские, как уже оговаривалось, должны были ездить в город чаще всего. Поэтому не случайно, что в расходной книге за этот же год есть такая статья расхода: «подъячему Григорию Берескинскому за отправу вместо соцкого месячных рапортов во весь нынешний год»²². По всей видимости, речь идет как раз о втором сотском, рапорты которого в город палешане вполне могли посчитать излишними.

В расходных книгах также встречаются записи, согласно которым сотские получали ежегодную инструкцию или передавали рапорт не в городе, а когда земский исправник проезжал или останавливался в Палехе. Например, одна из статей расхода за апрель 1800 г.: «испрачено на приест исправника, овес, и сено, и людям... ему ж поднесено за ... рапорты соцкаго»²³. То же самое касается «почтовых» или «подводных» денег, которые часто не везлись в город, а передавались проезжавшим мимо дворянским заседателям (Палех находился на большой дороге из Шуи в Нижний Новгород, так что различные чиновники бывали здесь проездом довольно часто).

Еще один способ уменьшить взаимодействие с уездными властями — вовсе к ним не обращаться, как это часто было с судебными делами. Община сама разрешала дела по ссорам и дракам²⁴, воровству. Сохранилось упоминание о специфическом именно для Палеха местном воре, кравшем иконы и оклады и перепродававшем их. Его не передали властям, а обязали пойти в рекруты или сдать рекрута за себя²⁵.

Интересен факт разрешения конфликтов между соседними помещичьими вотчинами без обращения к уездным властям. Так, палешане, поймав шесть лошадей в своей пустоши, отдали их владельцам, взяв с них 30 руб.; они же отдали на расписку крестьян, порубивших у них лес, их вотчинным властям; сотский соседней вотчины, поймав сбегавшую из Палеха крестьянку, привел ее не в уездный город, а в ее село²⁶, хотя и обязан был сообщить уездным властям. К вотчинной администрации и миру обращались в качестве управы на крестьян, сотские проводили допросы и повальный обыск, а до разрешения споров пойманного крестьянина из соседней

²¹ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 149. Л. 8; Д. 172. Л. 24, 25.

²² Там же. Д. 231.

²³ Там же. Д. 339. Л. 3.

²⁴ Там же. Д. 180. Л. 6; Д. 203. Л. 1, 26.

²⁵ Там же. Д. 203. Л. 11–13.

²⁶ Там же. Д. 134. Л. 1; Д. 319, Л. 11; Д. 180, Л. 1, 2, 5.

вотчины могли посадить на цепь в мирской избе²⁷. Таким образом, существовавшие в крестьянской общине механизмы действенного разрешения конфликтов²⁸ давали возможность крестьянам не тратиться для разрешения судебных дел ни на дорогу, ни на волокиту, ни на судебные пошлины.

И все же, несмотря на все вышеуказанные ухищрения, крестьяне ездили в город достаточно часто. За 1780-е — 1800-е гг. вотчинные власти каждый год бывали в уездных учреждениях от 3 до 12 раз, в среднем же у них выходило по 5–6 поездок в год²⁹. Сюда не включены регулярные рапорты сотских, количество которых не удастся рассчитать по имеющимся документам (расписок по ним не сохранилось, а в расходных книгах они часто указываются общим словом «за рапорты соцкому» или даже в целом «соцкому» — за всю его работу). Также в это число не входят поездки за паспортами, за которыми крестьяне ездили лично, не за мирской счет. Паспортов, судя по поручным книгам³⁰, крестьянам из вотчины Бутурлиных ежегодно выдавалось порядка 50-ти (правда, часть из них могла относиться к «письменным», дававшимся на короткое расстояние и не требовавшим заверения уездных властей³¹). При том что Палехская вотчина Бутурлиных включала в это время более 150 дворов³² и насчитывала 267 душ м. п. на момент пятой ревизии³³, бывать в уездном городе ежегодно приходилось до 19 % мужского населения вотчины. Такая доля отходников характерна для помещичьих крестьян Центрально-го Нечерноземья и отражает картину по региону в целом³⁴.

* * *

С учетом вышесказанного понятна важность для крестьян местонахождения их уездного центра. Цитата, вынесенная в заголовок, взята из письма палешан своему помещику П.М. Бутурлину, в котором они жалуются на смену их административного центра

²⁷ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 261. Л. 1, 2, 3.

²⁸ Соколова Н.В. Крестьянская община сквозь призму «теории конфликта»: источниковедческий аспект (на материалах монастырской деревни Центра России XVII — середины XVIII в.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 147–158.

²⁹ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 212, 213, 231, 254, 268, 317, 339.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 235, 270.

³¹ ПСЗ-1. Т. 7. № 4533.

³² РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 264, 334.

³³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 301. Д. 197. Л. 348–382.

³⁴ Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974. С. 200–202.

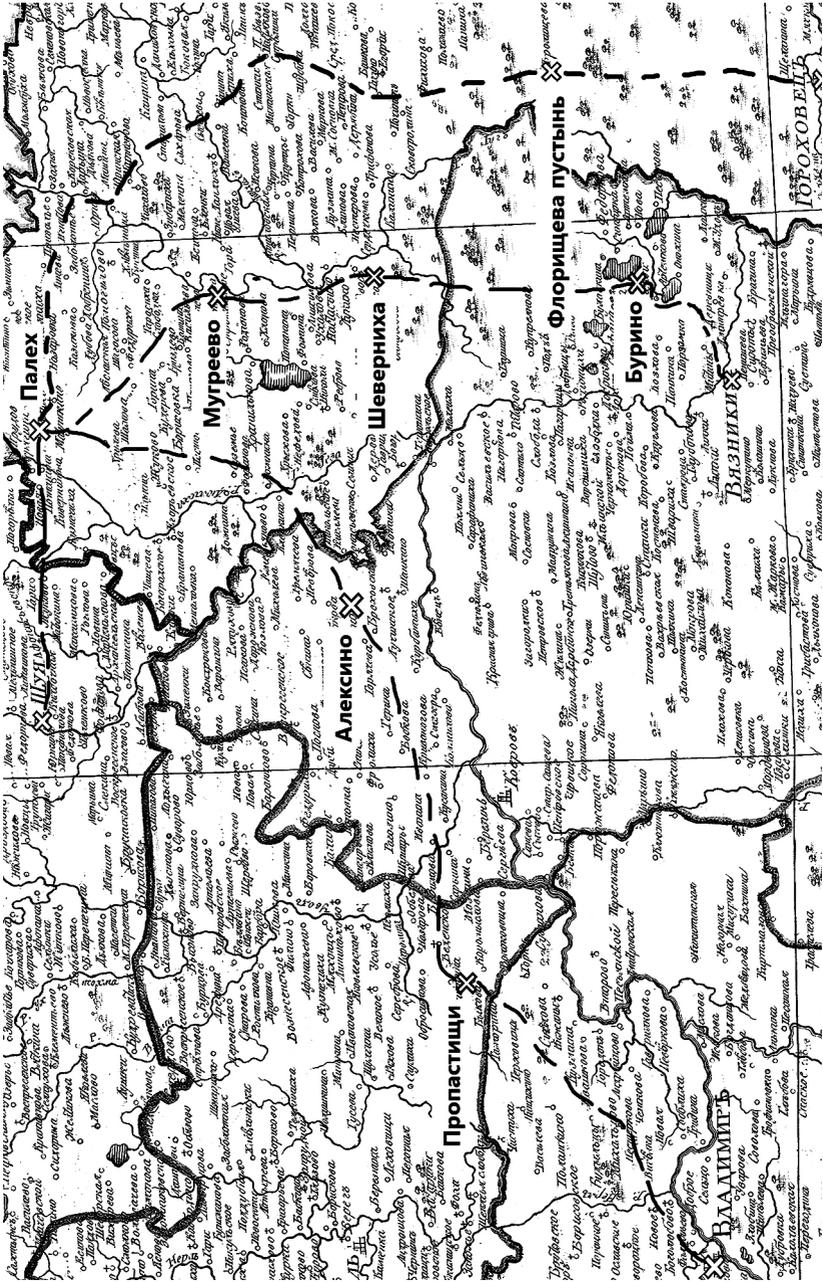

Рис. 1

с г. Вязников на г. Гороховец. В письме жители Палеха приводят два аргумента против Гороховца: первый — «онный город от нас состоит в далном ростоянии», второй — «притом же и за болшими реками». Рассмотрим эти утверждения, обратившись к карте и расходным документам Палешской вотчины (см. рис. 1³⁵).

Теоретически палешане могли попасть в Гороховец двумя путями. Во-первых, через Вязники. Как они ехали в Вязники, известно благодаря отчетному документу о тратах в поездке в этот город³⁶. В документе не указана дата и цель поездки, но по расходным книгам он идентифицируется как «особливая записка, как повезли в Вязники милиционеров» за весну 1807 г.³⁷ (речь о земском войске, созданном по указу «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции» от 30.11.1806 г.³⁸). В ней крестьяне расписывают свои траты по дороге в Вязники так, что мы можем проследить весь маршрут их путешествия: «в Мугрееве ночевали», «в Севернихе завтракали», «обед в Бурине» и т. д. Всего маршрут составлял минимум 71 версту, если предположить, что между указанными пунктами палешане шли строго по прямой. Но поскольку дорога на карте не отмечена, то протяженность пути можно оценить лишь приблизительно. Из Вязников же в Гороховец крестьяне могли доехать по большой дороге Владимир — Нижний Новгород, этот отрезок пути составлял 36,5 верст³⁹. Итого — минимум 107,5 верст.

Благодаря этой записке можно оценить время, которое тратили палешане на дорогу. Согласно записке до перевоза на р. Клязьме шесть «милиционеров» и провожавшие их ехали на нагруженных подводах, весь путь до Вязников занял у них два дня. Обратные провожающие возвращаются также два дня: пешком они доходят до середины пути (Севернихи) за 1,5 дня и еще полдня едут на подводе. Если бы не большое количество людей и грузов в одну сторону и отсутствие подвод на части обратного пути, дорога должна была

³⁵ В качестве подложки для рисунка использована часть карты Владимирской губернии 1804 г. (из: Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну Губернию Империю разделяющий. СПб.: Географический Департамент, 1800). Пунктиром обозначены дороги от Палеха до четырех соседних городов: Шуи, Гороховца, Вязников и Владимира. В случае с Вязниками и Владимиром, путь к которым лежал по необозначенным на карте проселочным дорогам, пунктирная линия носит условный характер — точно известно только то, что дорога проходила через отмеченные на карте населенные пункты.

³⁶ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 341. Л. 33.

³⁷ Там же. Д. 339. Л. 65.

³⁸ ПСЗ-1. Т. 29. № 22374

³⁹ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 34.

занять меньше времени. Для сравнения посмотрим на путь палешан во Владимир (через села Алексино и Пропастищи), известный по двум аналогичным запискам по отдаче рекрута и объявке рекрутских квитанций⁴⁰. Путь во Владимир составлял не менее 112 верст, т.е. примерно в полтора раза больше, чем в Вязники. Он также пролегал по проселочным дорогам, при этом пересекая две некрупные речки. По нему на конях крестьяне ехали из Палеха два дня. Помимо дороги, длины пути и способа передвижения на длительность поездки должно было влиять и время года. Все упомянутые поездки совершались в межсезонье, когда реки не сковывало льдом (во всех записках указаны перевозы).

Второй вариант маршрута из Палеха в Гороховец — через Флорищеву пустынь. Именно его, скорее всего, и использовали палешане. Информация об этом по более раннему периоду есть в материалах Гороховецкой воеводской канцелярии. В них содержится сообщение об ограблении 29 июня 1775 г. двух палешан, ехавших из Флорищево в Гороховец⁴¹. Информация по этому делу есть и в материалах палешского архива⁴². Согласно карте, при таком маршруте палешане сначала ехали по проходящей через Палех дороге до с. Пестяков, а оттуда по Флорищевскому тракту до Гороховца. Участок дороги Флорищево — Гороховец составлял 26 верст⁴³, а весь путь, согласно длине этого пути по карте, — порядка 102–108 верст⁴⁴. При этом в одной из рекрутских квитанций, взятой палешанами в Гороховце в 1799 г., есть указание, что «из вотчины до Гороховца... 106 верст»⁴⁵.

Этот маршрут действительно, как жаловались крестьяне, пролегал через несколько рек: р. Лух и несколько ее притоков и через крупнейшую в губернии реку Клязьму. С одной стороны, в отличие от предыдущего маршрута, путь проходил по большим дорогам и, согласно распоряжениям местных властей, по ним через реки и топкие места должны были быть устроены мосты и гати⁴⁶. С другой стороны, отчеты тех же самых местных властей пестрят фактами о неудовлетворительном состоянии этих мостов, а то и полном их

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 269. Л. 13, 23.

⁴¹ РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 404. Л. 23–27.

⁴² РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 182. Л. 2–3.

⁴³ Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир, 1906. С. 64.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 34. Оценка расстояния по карте наша.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 258. Л. 9–10.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 55–60; Д. 530 Л. 466.

отсутствии⁴⁷. Учитывая, что дорога проходила «лесами и местами низкими»⁴⁸, это могло быть весьма существенным препятствием. Кроме того, через Клязьму в районе Гороховца не было моста⁴⁹ — местные купцы обязаны были обеспечивать лишь паромную переправу⁵⁰. С этим маршрутом были и другие сложности. В частности, выше был риск грабежей, поскольку, как сообщалось в одном из отчетов местной канцелярии, «оная Флорищевская дорога весма в лесистом и пустом... и от воровских людей опасном месте»⁵¹.

* * *

В уже цитировавшемся письме помещику палешане добавляют, что от отнесения Палехской вотчины к Гороховецкому уезду «отбыть никак не возмogli». Это не фигура речи: крестьяне действительно предприняли попытку повлиять на планы властей, чему находится подтверждение в расходных книгах: миром было потрачено 1 руб. 8 коп. «для справки уезда, что нам в Гороховец не жалалось»⁵². Чтобы понять, какие шансы на успех имела их попытка, проследим реализацию павловской административной реформы во Владимирской губернии.

В декабре 1796 г. — январе 1797 г. выходит ряд указов о сокращении губерний, упразднении наместников и части присутственных мест, об укрупнении уездов и о новых губернских штатах⁵³. При этом насчет административного деления точные указания давались лишь по числу уездов: во Владимирской губернии их количество должно было сократиться с 14 до 10. Какие именно уезды будут упразднены и где пройдут границы оставшихся — всё это отдавалось на откуп губернаторам. Изначально им предлагалось сделать всю работу к 1 мая 1797 г., т.е. менее чем за 4 месяца⁵⁴. В случае с Владимирской губернией дело осложнялось тем, что в то же время, 6 января 1797 г., туда были назначены новый губернатор П.С. Рунич и новый вице-губернатор

⁴⁷ Там же. Д. 514. Л. 37–42; Д. 515. Л. 3–6.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 513. Л. 204.

⁴⁹ *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Мосты, перевозки и сборы с них в XVIII в. // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. XXXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 53.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 517. Л. 59–60; Д. 530. Л. 466.

⁵¹ Там же. Д. 515. Л. 5.

⁵² РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 268. Л. 21 об.

⁵³ ПСЗ-1. Т. 24. № 17634, 17677, 17702, 17735.

⁵⁴ Там же. № 17677.

Н.Д. Граве⁵⁵. При этом указ о реформе, в том числе об упразднении наместников, и указ о назначении нового губернатора и вице-губернатора во Владимирском наместническом правлении слушались в один день — 30 января 1797 г. Таким образом, наместник утратил свои полномочия, а новый губернатор и вице-губернатор еще не приехали во Владимир⁵⁶. Как утверждает сам П. С. Рунич в своем письме Сенату, он «вступил в управление» только 5 мая 1797 г.⁵⁷

В связи с этим реализовывал основную часть реформы предыдущий губернатор П.Г. Лазарев. В своем отчете от 27 февраля 1797 г., написанном через месяц после чтения указа, он рассказывает о проделанной работе: об упразднении четырех городов и ряда присутственных мест, оговоренных в указе, а также о введении новых штатов⁵⁸. Новые границы уездов были приняты к этому времени, во всяком случае — не позднее 10–11 марта, поскольку за это время сохранилось прошение губернского землемера Г.И. Осипова, где тот упоминает, что П.Г. Лазарев приказал ему сделать «наивернейшие каждому уезду карты в трехверстном масштабе»⁵⁹. Кроме того, тогда же Казенной палате было дано предписание сделать ведомость о числе душ по последней ревизии в каждом из 10 уездов «по новому окружных границ положению»⁶⁰. В 20-х числах в губернском правлении рассматривается ряд дел, решения по которым пересылаются в суды уже согласно новому областному делению⁶¹.

Значит, принципиальное решение о новых уездных границах было принято в течение не более чем полутора месяцев и, по всей видимости, без согласования с центральными властями. Так, в письме, полученном во Владимире 22 февраля 1797 г., Межевая канцелярия Сената пишет, что ей всё еще ничего не известно о том, где должны проходить новые границы уездов во Владимирской губернии и просит прислать ей все необходимые сведения для составления карты⁶². Вышеупомянутый отчет П.Г. Лазарева являлся, по всей видимости, ответом на данное письмо. И в отчете, и в дальнейшей переписке Сената и его Межевой канцелярии с владимирским губернатором нет никаких следов согласования или правки со стороны центральных

⁵⁵ ГАВО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 135. Л. 744.

⁵⁶ Там же. Л. 743–750.

⁵⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 40. Л. 11 об.

⁵⁸ Там же. Л. 2, 5.

⁵⁹ Там же. Д. 7. Л. 302–303.

⁶⁰ Там же. Д. 12. Л. 1184.

⁶¹ Там же. Д. 7. Л. 785–787 об., 996–997.

⁶² Там же. Д. 12. Л. 1183.

властей. Очевидно, что скорость, с которой проводилась реформа, просто не оставляла времени на существенные изменения. Таким образом, во время административной реформы Павла I губернские власти были вынуждены принимать ключевые решения самостоятельно. Этим она сильно отличается от екатерининской реформы, когда императрица лично переписывалась с наместниками, а местные дворяне как минимум принимали участие в сборе необходимых сведений⁶³.

Тем более в этой поспешности никто бы не стал прислушиваться к мнению палешан. По расходным книгам нельзя точно определить, когда палешане подали справку о нежелании быть в Гороховецком уезде. Однако сделать они это могли уже только после решения о разделении границ (иначе они не знали бы, что их собираются отнести в Гороховец). Работа же по составлению окладных книг и карт началась почти сразу же после принятия данного решения. Кроме того, справку крестьяне подали не во Владимир, а в один из уездных органов, который никакого участия в решении о проведении новых границ не принимал. Крестьяне, по всей видимости, просто не знали подобных тонкостей, так что их попытка была заранее обречена на неудачу.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в целом интерес сельских жителей не оставался незамеченным. Это проявилось и в губернской реформе 1775 г., разукрупнившей уезды, и в фактической отмене в 1803 г. административной реформы 1796–1797 гг.⁶⁴ Благодаря последнему закону палешане всё же были возвращены в Вязниковский уезд. Учитывал интересы крестьян и упоминавшийся уже закон Павла I от 1797 г. о приеме рекрут не только в губернских, но и в уездных городах. Правда, он был отменен в 1802 г., но тут же возвращен при следующем рекрутском наборе 1803 г. Примечательно обоснование этого возвращения: «желая доставить помещикам и поселянам всевозможное облегчение в сей государственной повинности и зная, что от свода рекрут в одни губернские города происходили разные для помещиков и поселян неудобства»⁶⁵.

Остается добавить, какой уездный центр предпочли бы сами палешане. Прямых свидетельств они не оставили, но есть следующий факт: из всех городов для отправки писем и оброка помещику

⁶³ *Абрамов Д.А., Исаев А.П.* Управление Калужским наместничеством в последней четверти XVIII века. СПб., 2008. С. 58–65; *Тригорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. С. 317–318.

⁶⁴ ПСЗ-1. Т. 27. № 20099.

⁶⁵ Там же. № 20994.

в Москву они выбирали не Вязники, не Владимир, не Гороховец, а Шую⁶⁶. Географически ближе всего к Палеху находилось именно она. До Шуи можно было доехать напрямую по большой дороге, которую пересекали лишь несколько небольших рек⁶⁷, при этом мост и переправу через одну из них обеспечивали сами палешане⁶⁸. Несмотря на это, Шуя никогда не была уездным центром для села Палеха.

Подведем итоги. Вотчинные власти достаточно добросовестно выполняли возложенные на них обязанности по взаимодействию с государственной властью, регулярно ездили для исполнения различных повинностей и подачи отчетов в уездный город. При этом они воспринимали траты, связанные с дорогой, как существенные и избегали лишних поездок. Проблема транспортных издержек осознавалась и государством и обычно учитывалась в законодательстве и при проведении административных реформ. В то же время, механизм проведения административных реформ не предусматривал учета частных интересов местных жителей, что было наглядно показано на примере проведения административной реформы 1796–1797 гг. во Владимирской губернии.

References

Abramov D.A., Isayev A.P. *Upravleniye Kaluzhskim namestnichestvom v posledney chetverti XVIII veka* [Administration of Kaluga Namestnichestvo in the Last Quarter of the 18th Century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SZAGS, 2008. 222 p.

Aleksandrov V.A. *Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII — nachala XIX v.)* [Rural Community in Russia (from 17th through the Early 19th Century)]. Moscow: Nauka, 1976. 323 p.

Fedorov V.A. *Pomeshchich'i krest'yane Tsentral'no-promyshlennogo rayona Rossii kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX v.* [Landowner Peasants of the Central Industrial Region of Russia in the Late 18th and First Half of the 19th Centuries]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1974. 308 p.

Grigor'yev V.A. *Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II* [Reform of Local Administration under Catherine II]. Saint Petersburg: Russkaya skoropechatnya, 1910. 387 p.

Khitrov D.A., Golubinskiy A.A., Chernenko D.A. *Mosty, perevozy i sbory s nikh v XVIII v.* [Bridges, Transports and Fees in the 18th Century] // *Fiskal'naya politika i nalogovo-povinnostnyye praktiki v agrarnoy istorii Rossii X–XXI veka. XXXIV sessiya Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy: tezisy dokladov i soobshcheniy. Samara, 23–26 sentyabrya 2014 g.* [Fiscal Policy and Tax Provincial Practices in the Agrarian History of Russia from the 10th through the 21st Century. The 34th Session of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe: Abstracts of Reports and

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 320. Л. 1; Д. 339. Л. 56, 57 об., 64 об., 79 об.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 34.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1365; Оп. 1. Д. 203. Л. 7; Д. 268. Л. 9 об., 21, 30 об., 32 об.; Д. 339. Л. 2 об., 26, 54.

Communications. Samara, 23–26 September 2014]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2014. P. 52–55.

Khok S.L. *Krepostnoye pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii. Petrovskoye, selo Tambovskoy gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia. Petrovskoye, a Village in Tambov Guberniya]. Moscow: Progress-Akademiya, 1993. 191 p.

Marasynova L.M. *Puti i sredstva soobshcheniya* [Ways and Means of Communication] // *Ocherki russkoy kul'tury XVIII v.* [Essays on Russian Culture in the 18th Century] / Ed. by B.A. Rybakov. Part 1. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985. P. 257–284.

Minakov A.S. *Vsepoddanneyshiye otchety gubernatorov Rossiyskoy imperii: sovremennyye problemy istoriografii* [Reports to the Emperor of the Governors of the Russian Empire: Contemporary Issues of Historiography] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki: nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2016. N 2 (38). P. 5–24.

Redin D.A. *Transportnyye kommunikatsii Sibiri XVIII v. kak element sistemy upravleniya: (postanovka voprosa i problema istochnikov)* [Transport Communications in Siberia in the 18th Century as an Element of the Administrative System: (Question Statement and the Problem of Sources)] // *Tri stoletiya akademicheskikh issledovaniy Yugry: ot Millera do Shteynitsa* [Three Centuries of Academic Research of Ugra: From Miller to Steinitz]. Part 1. *Akademicheskiye issledovaniya Severo-Zapadnoy Sibiri v XVIII v.: istoriya organizatsii i nauchnoye nasledie: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Academic Research of North-West Siberia in the 18th Century: A History of Organization and Academic Heritage: The Acta of the International Symposium]. Ekaterinburg: Volot, 2006. P. 138–161.

Shevchenko E.A. *Voronezhskoye namestnichestvo (1779–1796 gg.): sistema upravleniya* [Voronezh Namestnichestvo (1779–1796): Administrative System]. Voronezh: Istoki, 2010. 301 p.

Sokolova N.V. *Krest'yanskaya obshchina skvoz' prizmu "teorii konflikta": istochnikovedcheskiy aspekt (na materialakh monastyrskoy derevni Tsentra Rossii XVII — srediny XVIII v.)* [Peasant Community according to the Conflict Theory: Source Study Aspect (according to the Materials of the Monastic Village in Central Russia in the 17th and 18th Centuries)] // *Aktual'nyye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy X–XXI vv. Istochniki i metody issledovaniya. Materialy XXXII sessii Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy* [Actual Issues of Agrarian History of Eastern Europe from the 10th through the 21st Century. Sources and Research Methods. Proceedings of the 32nd Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe]. Ryazan': RGU, 2012. P. 147–158.

Поступила в редакцию
14 марта 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-50-67

А.В. Антощенко

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА АКАДЕМИКА П.Г. ВИНОГРАДОВА

A.V. Antoshchenko

STUDENT YEARS OF ACADEMICIAN P.G. VINOGRADOFF

Аннотация. В статье характеризуется значение периода студенческой учебы в Московском университете для будущей карьеры российско-британского историка Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925), ставшего членом Петербургской Академии наук и Лондонского королевского общества. Источниковую основу исследования составили официальные документы из фонда Московского университета и эго-документы — переписка, дневники и воспоминания. Результаты исследования представлены в форме «насыщенного описания», раскрывающего культуру высшего образования в Российской империи начала 1870-х гг. Домашняя подготовка под руководством отца, а также окончание Московской 4-й мужской гимназии с золотой медалью стали надежным основанием для овладения Павлом Виноградовым университетским курсом на историко-филологическом факультете Московского университета. Автор характеризует не только успехи в изучении отдельных дисциплин, но и влияние на молодого студента профессоров, а главное — практик их образовательной деятельности и взаимоотношений. Среди профессоров особое влияние на него оказали те, кто вел активную исследовательскую работу, — С.М. Соловьев, Ф.И. Буслав и, особенно, В.И. Герье, чьим учеником Павел Виноградов стал с первого года обучения. Под влиянием В.И. Герье определились научные интересы студента. Система лекционных курсов и недавно внедренные в практику преподавания семинары учителя стали образцом, который будет совершенствовать ученик, сам ставший впоследствии профессором Московского университета. Домашние собрания Н.И. Стороженко были воспроизведены П.Г. Виноградовым в начале 1890-х гг., создав основу для оформления Исторического общества при Московском университете. Автор статьи приходит к выводу, что именно овладение образовательными практиками, а не оценочные показатели успехов по тем или иным дисциплинам имели

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Петрозаводского государственного университета
Antoshchenko Aleksandr Vasil'evich, Doctor in History, Professor, Department of Russian History, Petrozavodsk State University
antoshchenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2366-3750

решающее значение для успеха дальнейшей карьеры историка. Разойдясь с учителем в теоретико-методологических взглядах на принципы изучения прошлого, он, тем не менее, стал продолжателем дела В.И. Герье, совершенствуя приемы научно-педагогической школы «всеобщих историков» Московского университета.

Ключевые слова: Московский университет, историко-филологический факультет, университетский устав 1863 г., семинарские занятия, В.И. Герье, С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев, Н.И. Стороженко.

Abstract. The article reveals the importance of the period of student studies at Moscow University for the future career of the Russian and British historian Pavel Gavrilovich Vinogradoff (1854–1925), who became a member of Saint Petersburg Academy of Sciences and the Royal Society of London. The research source base was made up of official documents from Moscow University collection and ego-documents, i.e. correspondence, diaries and memoirs. The results are presented in the form of a “thick description”, revealing the culture of higher education in the Russian Empire in the early 1870s. Home training under the guidance of his father, as well as graduation from the 4th men’s gymnasium in Moscow with a gold medal became a reliable basis for Pavel Vinogradoff’s mastery of the university course at the Department of History and Philology at Moscow University. The author characterizes not only the successes in the study of individual disciplines, but also the influence of professors, and most importantly, practices of their educational activities and relationships. He was especially influenced by those professors who were active in research — S.M. Solovyov, F.I. Buslaev, and, especially, V.I. Guerrier, whose disciple Pavel Vinogradoff became from the first year of his study. His scientific interests were formed under Guerrier’s influence. The system of lecture courses and the professor’s seminars recently introduced into the practice of teaching became a model to be perfected by the student, later himself a professor at Moscow University. N.I. Storozhenko’s home meetings were renewed by P.G. Vinogradoff in the early 1890s and created the basis for the Historical Society at Moscow University. In the author’s opinion, it was the mastery of educational practices, rather than evaluative indicators of success in certain disciplines that were crucial to the success of Vinogradoff’s future career. Diverging from his teacher’s theoretical and methodological views on the principles of studying the past, nevertheless he, as a successor of Guerrier’s work, improved the methods of the scientific and pedagogical school of Moscow University’s “world historians”.

Keywords: Moscow University, Faculty of History and Philology, 1863 University Statute, seminar classes, V.I. Guerrier, S.M. Solovyov, F.I. Buslaev, N.I. Storozhenko.

* * *

Студенческие годы воспринимаются не только как яркий, незабываемый период жизни, но и как время определения будущего жизненного пути. Особую роль они играют в судьбах тех, кто впоследствии добивается значительных успехов в выбранной в молодости специальности. Если последняя связана с наукой, то

показателем правильности сделанного в юности выбора и успешности ученого является признание заслуг, которое в исключительных случаях может выражаться в избрании его членом Академии наук. Это в полной мере относится к известному российско-британскому историку и правоведу Павлу Гавриловичу Виноградову (1854–1925), ставшему членом Петербургской Академии наук и Лондонского Королевского общества. В многочисленных статьях и монографиях о знаменитом ученом его учеба в Московском университете упоминается как период, определивший его последующую судьбу¹. Однако конкретных данных даже о результатах учебы не приводится, кроме указания на роль учителя — профессора Владимира Ивановича Герье². Предлагаемая вниманию читателей статья нацелена на устранение этого пробела. Вопросы, на которые она отвечает: каково было значение студенческих лет П.Г. Виноградова для его будущей научной и педагогической карьеры, что он вынес из четырехлетнего обучения в Московском университете помимо полученных знаний? Источниковой базой для исследования послужили как официальные документы, отложившиеся в фонде этого университета в Центральном государственном архиве города Москвы (Ф. 418), так и эго-документы — воспоминания, переписка и дневники самого П. Г. Виноградова, а также тех, кто хорошо знал его в годы учебы и позже. Методологической основой изучения материала послужили положения «персональной истории»³, а результаты представлены с использованием нарратологической техники «насыщенного описания».

¹ См. подробную библиографию в монографии: Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 9–16. Ср. с новейшими публикациями: Котова Е.С., Ширяева С.В. Всеобщая история права профессора Павла Гавриловича Виноградова // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2015. № 4. С. 74; Речкович С.А. Политико-правовые взгляды Павла Гавриловича Виноградова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 44–45; Аргунов Б.Б. Теоретико-методологические основы концепции общей теории права П.Г. Виноградова: основные этапы формирования // Право и государство: теория и практика. 2016. № 11 (143). С. 10; O'Brien N. "In vino veritas": truth and method in Vinogradoff's historical jurisprudence // Journal of Legal History. 2008. Vol. 29. N 1. P. 44; Terradas Saborit I. Paul Vinogradoff (1854–1925) y la antropología jurídica // Ius fugit. Revista interdisciplinar de estudios histórico-jurídicos. 2015. N 18. P. 11.

² Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 82–83; Он же. Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // Terra Eupora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. М., 2014. С. 129–130; Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 175–176.

³ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 55–74.

Начальное обучение Павла Виноградова проходило дома под руководством его отца — Гавриила Киприановича, выпускника столичного Педагогического института, преподавателя истории, а затем и директора Костромской мужской и ряда женских гимназий в Москве⁴. Исходя из собственного опыта, во главу угла домашних занятий сына он поставил изучение иностранных языков, способность к успешному овладению которыми проявилась у него самого еще в годы учебы в институте. Г.К. Виноградов знал 12 иностранных языков (древних и новых, как их классифицировали тогда). Павел «с пяти лет знал по нем[ецки] и франц[узски], с 15-ти — по англ[ийски], итал[ьянский] изучил уже в университете»⁵. К концу жизни он достиг отца по числу изученных иностранных языков⁶.

За языками следовали остальные науки. Искусства тоже входили в программу образования, как называли в то время процесс формирования личности ребенка, что предполагало не простое овладение им знаниями, но и нравственное и эстетическое его совершенствование. Поэтому в детские годы Павел учился под руководством специально приглашенных учителей рисованию, каллиграфии, музыке, танцам, гимнастике, а также фехтованию⁷. Последнее занятие было в какой-то мере данью традиции дворянского воспитания.

Павлу шел двенадцатый год, когда он, успешно сдав экзамены, был зачислен в четвертый класс Московской 4-й мужской гимназии. Хотя у него был учитель, который преподавал ему русский язык (студент Богоявленский), отец сам подготовил сына к экзаменам в гимназию по русской словесности, истории и латыни⁸. В гимназии Павел учился вполне успешно. В аттестате, подписанном директором и всеми преподавателями гимназии летом 1871 г., отмечались не только отличные успехи по всем предметам, что давало ему «право поступления в студенты университета» без дополнительных испытаний, но и то, что педагогический совет «удостоил его награды золотой медалью, каковая награда на основании § 121 Устава гимназии, дает право Виноградову на чин XIV класса при вступлении в гражданскую службу. Поведения он во время учения в гимназии был отличного»⁹, — так завершалась его характеристика в выпускном свидетельстве.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 80.

⁵ *Соболев А.Л.* Дневниковые записи М.О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907) // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 25.

⁶ *Круг Е.Н.* Детство и отрочество П.Г. Виноградова (из семейной хроники) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 295, 302.

⁷ Там же. С. 302.

⁸ Там же. С. 307.

⁹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 3–3 об.

Хотя блестящий гимназический аттестат давал право на продолжение образования, первое прошение о зачислении его в Московский университет было отклонено «за молодостью лет», поскольку П.Г. Виноградову было лишь 16, тогда как в университет по уставу зачислялись «молодые люди, достигшие 17-тилетнего возраста»¹⁰. Юноша собрался было поступить в Александровское военное училище, но, в конечном счете, после вторичного ходатайства его отца Министерство народного просвещения дало распоряжение принять Павла Виноградова на историко-филологический факультет Московского университета.

В соответствии с требованиями «Правил о приеме в студенты», к прошению на имя ректора были приложены помимо аттестата «копия с протокола о дворянстве, выданная из Костромского Дворянского Депутатского Собрания», и «метрическое свидетельство о рождении, выданное из Костромской Духовной Консистории». Правилами предусматривалось также предоставление свидетельства о хорошем поведении от местной полиции, что, впрочем, не требовалось от тех, кто поступал «немедленно по выходе из казенного учебного заведения, которое обозначает их поведение в аттестате»¹¹. Однако «на основании § 100 Университетского Устава» вчерашний гимназист дал «подписку в том, что во все время пребывания в Университете будет подчиняться правилам и постановлениям Университетским»¹². Последнее, впрочем, было излишним, так как главное внимание начинающий студент сосредоточил на учебе. «Уже тогда, — вспоминал его университетский друг-старшекурсник, а впоследствии коллега и известный историк Николай Иванович Кареев, — в нем и внешним образом проявилась известная степенность (солидность) взрослого человека, знающего себе настоящую цену, а товарищи прямо даже говорили о его важности и ею объясняли то, что он держал себя далеко от увлечений тогдашней студенческой молодежи. Я не говорю уже об увлечениях политических, которые были ему совершенно чужды»¹³.

Университетский устав 1863 г., при действии которого П.Г. Виноградов учился и делал первые шаги на преподавательском поприще в Московском университете, обычно справедливо характеризуют в

¹⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. 1863. С. 624.

¹¹ См. о требованиях: Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета (далее — Отчет...) в 1868–69 академическом и 1869 гражданском году. М., 1870. С. 30.

¹² ЦИА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 2.

¹³ Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Г. Виноградове // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 1. С. 81.

исследовательской литературе как либеральный¹⁴. При этом отмечаются черты относительной автономии профессорской корпорации, осуществлявшей самоуправление через систему выборных должностей и органов. Однако либерализм устава, как представляется, следует рассматривать шире, поскольку речь должна идти также о самопополнении корпорации профессоров в условиях утверждения классической модели университетского обучения, предполагающей образование через науку, соединение преподавания и исследовательской работы. Последняя невозможна без свободного, творческого и в то же время критического отношения к действительности, которая служит основой для формирования предметов исследования.

Именно направленность на усиление научной подготовки в университетах следует учитывать в первую очередь при рассмотрении причин принятия и результатов воздействия устава 1863 г. на университетское образование в России, а не студенческие волнения или трансферт на российскую почву тех или иных особенностей западноевропейских учебных систем. В пользу такого взгляда свидетельствует даже простое внешнее сравнение текстов университетских уставов 1835 и 1863 гг. Если первый из них среди предметов «ведения» факультетов, в рамках которых строился процесс обучения, предполагал лишь три, в той или иной степени связанных с исследовательской деятельностью, то второй — не только закрепил их, но и почти утроил. Среди такого рода предметов «занятий факультетских собраний» назывались: «меры к усилению учебной деятельности студентов»; «одобрение сочинений, издаваемых университетом»; «предположения о разделении факультета на отделения, соединении и разделении кафедр и замене одних из них другими, и определение, которые из предметов преподавания должны быть обязательными для студентов»; «выбор лиц для оставления при университете в качестве стипендиатов»; «избрание лиц, предназначенных к посылке за границу для приготовления к профессорскому званию»; «одобренные или неодобренные диссертации на ученые степени»; «избрание задач, назначаемых для соискания премий от университета за общие ученые труды, также и ежегодных задач, предлагаемых на решение

¹⁴ *Зайцева Л.А.* Общий устав университетов 1863 г.: предыстория, характеристика, значение // *Lex Russica (Русский закон)*. 2016. № 9 (118). С. 214–229; *Киселев И.В.* Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. // *Universum: общественные науки*. 2022. № 4 (83). С. 4–6; *Макимова В.М.* Система управления Московским университетом по уставу 1863 г. // *Вестник Московского университета*. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 110–133; *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Т. 1. № 4. С. 18–31; *Томсинов В.А.* Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // *Университетская реформа 1863 года в России*. М., 2012. С. LXVIII–CXVII.

студентам и суждение о представляемых на оные суждениях»; «назначение стипендий и присуждение медалей студентам»¹⁵.

П.Г. Виноградов начал учиться в Московском университете в 1871 г., когда рассчитанный на четыре года процесс введения устава 1863 г. формально уже завершился. Однако утверждение его духа продолжалось, в чем значительную роль играли профессора историко-филологического факультета. В их списке значились имена доктора исторических наук, политической экономии и статистики Сергея Михайловича Соловьева, также «исполнявшего должность» ректора; доктора русской истории Нила Александровича Попова, бывшего деканом историко-филологического факультета; доктора всеобщей истории Владимира Ивановича Герье, доктора римской словесности Гавриила Афанасьевича Иванова, доктора санскритской словесности Павла Яковлевича Петрова, доктора философии Михаила Семеновича Куторги, докторов русской словесности Федора Ивановича Буслаева и Николая Саввича Тихомирова, доктора славянский наречий Александра Львовича Дювернуа, доктора теории и истории искусств Карла Карловича Герца и магистров богословия Александра Михайловича Иванцова-Платонова и Памфила Даниловича Юркевича.

Отмечая тех, кто оказал наиболее значимое влияние на него в годы студенчества, П.Г. Виноградов называл профессоров, которые сочетали преподавательскую работу с исследовательской деятельностью¹⁶. Прежде всего это был С.М. Соловьев, который параллельно чтению лекционных курсов по русской истории ежегодно публиковал новый том «Истории России» (в эти годы вышли тома XXI–XXIV) и очерки «Наблюдения над исторической жизнью народов» в «Вестнике Европы», а также прочитал в 1872 г. публичный курс лекций о Петре Великом, где обобщил исследования реформаторских преобразований первого российского императора. У Ф.И. Буслаева начинающий студент прослушал курс, представлявший результаты сравнительного изучения профессором народного быта и поэзии. Под его руководством было написано курсовое сочинение о Беовульфе на втором курсе¹⁷. Много позже, вскоре после смерти Федора Ивановича, П.Г. Виноградов вспоминал: «Он был одним из тех избранных, которые умеют вдохнуть свои идеи ученикам и возбудить в них горячую любовь к делу. <...> На одном из тех “воскресений”, в которые у Федора Ивановича собирались и студенческая молодежь,

¹⁵ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. 1863. С. 624–625.

¹⁶ См.: Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук (далее — Материалы ...). Т. 3. Ч. 2. Пг., 1917. С. 293.

¹⁷ См.: *Соболев А.Л.* Указ. соч. С. 26.

и известные ученые, мне пришлось слышать, как Федор Иванович с восторгом говорил о Якове Гримме. Он выражал удивление его громадной работе, захватившей и язык, и мифологию, и народную поэзию, и юридические древности. Сам Федор Иванович был своего рода Яковом Гриммом для России»¹⁸. Нетрудно заметить, что отмеченная П.Г. Виноградовым «поразительная многосторонность и плодovitость», как и «цельность души и таланта» Ф.И. Буслаева, стали для него образцом для подражания.

Однако наиболее важными для студента являлись занятия под руководством тогда еще сверхштатного ординарного профессора В.И. Герье, у которого Павел последовательно прослушал лекции по всем разделам всеобщей истории — древней, средней и новой. Оценивая позже влияние своего учителя, П.Г. Виноградов, будучи уже зрелым ученым, отмечал: «Я слушал Вас в “Словесной внизу”, когда в эту небольшую аудиторию собирался весь филологический факультет. Вы излагали предмет просто, дельно, безыскусственно, не стремясь привлечь внешними прекрасными и блестящими. Но в Вашем изложении было столько правды и смысла, богатое содержание так тесно облегало руководящие идеи курсов, что аудитория у Вас не таяла, как это слишком часто бывает, а с возрастающим интересом следила за развитием исторической драмы»¹⁹. Действительно, В.И. Герье удалось, по справедливому замечанию Д.А. Цыганкова, создать целостную систему «соподчиненных» лекционных курсов²⁰, в чтение которых со временем предстояло включиться и его ученику. Причем способность читать лекции по любому из разделов всеобщей истории позволяла им подменять друг друга, создавая условия для длительных командировок за границу для работы в архивах и библиотеках изучаемых стран.

Сформировавшееся еще на студенческой скамье убеждение в важности значения лекций как формы обучения, пробуждающей интерес к знаниям, представляющей слушателям образец обобщения результатов исследований коллег и, возможно, своих собственных, дающей четкое представление о приемах аргументации в науке, П.Г. Виноградов отстаивал впоследствии. «Лекции, — замечал он в 1901 г., — всегда сохраняют свое громадное значение для общего ознакомления с науками <...>. Ни книги, ни учебники никогда их не заменят. Помимо личной талантливости изложения, которая играла

¹⁸ Виноградов П.Г. Памяти Буслаева // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С. 43–44.

¹⁹ Виноградов П.Г. Речь на обеде по случаю 40-летней годовщины ученой деятельности В.И. Герье // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 68. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

²⁰ Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 53.

и играет слишком видную роль в университетской жизни, чтобы ее можно было игнорировать, — профессорские курсы, даже средние, представляют незаменимое руководство, потому что каждый из них является в результате не только научного знания, но приспособления к условиям данного времени и места, чем не может быть книга даже отличная»²¹.

Указание на значение книг, изучения научной литературы для формирования умения самостоятельно ставить исследовательские проблемы опять же отсылало к студенческому и даже гимназическому опыту начинающего историка. Ученик П.Г. Виноградова, выполнявший некоторое время обязанности его личного секретаря, Михаил Осипович Гершензон зафиксировал в своем дневнике после посещения дома учителя: «В университете он много читал. Я видел несколько тетрадей, озаглавленных: Memoranda, с номерами 39 и 40 и т. д., содержащих изложение прочитанного; здесь Lesky, Neumann (история Америки), речи лорда Чатама, антропология и проч. Три тома Лекки были прочитаны, если хорошо помню, между 3 и 21 июля 1872 (3?) года; на каждой тетради надпись, когда начато, когда окончено»²². Упоминание о раннем, с гимназической скамьи, пристрастии к чтению «серьезных» книг и влиянии самостоятельно изученных работ известных историков на формирование научного мировоззрения П.Г. Виноградова в студенческие годы содержится во всех очерках его биографии²³.

Однако более важными, чем лекции или самостоятельное изучение научной литературы, для пробуждения исследовательского дара учащегося стали семинарские занятия. «Семинарии», как их называли тогда, для историков в Московском университете были введены В.И. Герье по примеру немецких коллег, с опытом которых он познакомился во время заграничной стажировки в 1862–1865 гг. Примером ему послужили занятия, проводимые в Берлинском университете Леопольдом фон Ранке, который на своем еженедельном публичном курсе заставлял студентов читать и объяснять немецкого летописца XI в. Адама Бременского. «Слушатели обязаны также, — отмечал в отчете о ходе стажировки В.И. Герье, — представить в течение полугодия по одному сочинению (обыкновенно критическая разработка какой-нибудь летописи), которое разби-

²¹ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Русская мысль. 1901. Т. V. Октябрь. С. 569.

²² Соболев А.Л. Указ. соч. С. 25–26.

²³ Ср.: Кареев Н.И. Виноградов, Павел Гаврилович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 6. СПб., 1904. С. 68; Он же. Из воспоминаний о П.Г. Виноградове. С. 75; Материалы... С. 293; Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff: A Memoir // Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. New York, 1995. P. 6; и др.

рается публично»²⁴. Позже, в воспоминаниях, он отметил значение для формирования своей методики проведения занятий значение семинария Рудольфа Кёпке, учившегося в свое время у Л. фон Ранке и разбиравшего на занятиях со студентами летописи Лиудпранда (X век)²⁵. Аналогичным образом В.И. Герье стал проводить семинарии со студентами историко-филологического факультета Московского университета после своего возвращения в Россию в 1865 г.²⁶

В 1871/1872 академическом году, т.е. в первый год обучения Павла Виноградова в Московском университете, «на историко-филологическом факультете к существующим уже мерам для развития деятельности студентов присоединились, по утверждению г. Министром, разделения 4-го курса на специальные отделения»: классическое, русское и историческое, что обеспечило 1) увеличение числа часов исторического и русского семинария; 2) назначение ежегодно трех тем для соискания медалей, вместо одной»²⁷. В результате у В.И. Герье появилась возможность придать систематический характер, вслед за лекциями, и семинарским занятиям. Надежную документальную основу для их проведения составили подготовленные молодым профессором и опубликованные в эти годы хрестоматии²⁸, которые заменили изданные ранее Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем сборники материалов, содержавшие множество ошибок.

Это позволило П.Г. Виноградову с первого курса сосредоточить свои занятия в семинарии В.И. Герье, где он с увлечением втянулся в работу над источниками и литературой. «Как руководитель этих занятий, — оценивал позднее роль учителя его уже зрелый ученик, — Вы сумели достигнуть двух трудно соединимых вещей: по-

²⁴ Извлечения из отчетов лиц, отправленных министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1 (август 1862 г. по март 1863 г.). СПб., 1863. С. 423.

²⁵ *Герье В.И.* Детство. Учение до получения кафедры // *История и историки*. М., 1990. С. 427.

²⁶ См.: *Корева Н.С.* Заграничные командировки и их роль на пути к «нелегкому и ответственному профессорству»: В.И. Герье // *История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье*. М., 2008. С. 84–94; *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 81–89; *Цыганков Д.А.* Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е — начале 1870-х гг. // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 53–54.

²⁷ Отчет... в 1871–72 академическом и 1872 гражданском году. М., 1873. С. 17.

²⁸ См.: “*Leges barbarorum*” и «Хрестоматия средневековых исторических и юридических памятников» в «Московских университетских известиях» за 1870–1872 гг. Позже, уже став признанным специалистом по ранней средневековой истории, П.Г. Виноградов сам издал в соавторстве с М.Ф. Владимирским-Будановым аналогичный сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права / Изд. под ред. П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирско-Буданова. Т. 1–3. Киев, 1906–1908.

становкой тем, ведением прений Вы придавали серьезное научное направление всему делу и в то же время предоставляли широкий простор собственной инициативе участников и свободе мнений»²⁹. Так поставленный семинарий выступал формой обучения умению не только критиковать и интерпретировать исторические источники, но и вести научные диспуты, отстаивать собственные положения и выводы. Позже, обогатив свой опыт работы в семинарах у немецких историков Т. Моммзена и Г. Бруннера во время стажировки в Берлинском университете, П.Г. Виноградов усовершенствовал систему «семинариев» своего учителя, а после отставки и переезда в Англию ввел ее и в Оксфордском университете.

Об успехах первого года учебы в университете студента Павла Виноградова свидетельствовал «Сводный список баллов студентов историко-филологического факультета за все четыре курса». Напротив всех предметов, изученных в этот год — богословие, латинский, греческий и церковно-славянский языки, истории древнерусской и новой русской литературы, древняя и средняя истории, красовалась красная «пятерка»³⁰.

Лето после завершения первого года обучения Павел провел за городом, в селе Медведково, которое тогда еще отделялось от Москвы обширным и красивым сельским ландшафтом. Виноградовы впервые выезжали тогда на дачу, потом они ездили на эту дачу несколько лет подряд. Юноша, попав первый раз в жизни в деревню, наслаждался окружающей его природой. По свидетельству племянницы П.Г. Виноградова Елены Николаевны Круг: «Ширь и простор полей, красота среднерусского пейзажа очаровывают его на всю жизнь. В дальнейшем он ищет новых и новых впечатлений. Он неутомимый путник по пешеходным дорогам, великолепный пловец, наездник, охотник... Он всегда готов странствовать... Весной трудно его удержать в Москве, в городе. “Нет лучше нашей русской весны в деревне”, — всегда говорил он»³¹. Однако летние месяцы отдавались не только отдыху на природе или игре в крокет со сверстниками. Захватив с собой коробку с книгами, Павел изучил их за летние месяцы, готовясь к занятиям следующего академического года.

На втором курсе его знания латинской поэзии, логики (включая сочинение), психологии, русской истории и истории русской литературы, древней и средней истории были вновь оценены высшим баллом — 5, правда, по латинскому (проза и упражнения) и греческому языкам он получил 4.

²⁹ Виноградов П.Г. Речь на обеде... Л. 2.

³⁰ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 22.

³¹ Круг Е.Н. Указ. соч. С. 309.

Сам П.Г. Виноградов в своих воспоминаниях особо отметил появление в тот год на историко-филологическом факультете молодого доцента Николая Ильича Стороженко, увлеченного изучением жизни и творчества великого английского драматурга У. Шекспира: «Новый доцент говорил о задачах и методах изучения словесности, настаивал на историческом характере этого изучения. В то время под влиянием Тэна сильно выдвигалась необходимость исследования среды и культурных традиций для объяснения великих произведений литературы»³². И хотя начинающий историк относился к ставшему популярным в то время французскому историку И. Тэну и его теории «случая» в отношении к шекспировским трагедиям без особого пиетета, чтение работ Г. Ульрици и Г.Г. Гервинуса об У. Шекспире, дававших их психологическую интерпретацию, так же не удовлетворяло его из-за произвольности и беспочвенности их построений. Поэтому «появление молодого ученого, изучавшего Шекспира в связи с его предшественниками и на культурном фоне эпохи Елизаветы, было встречено с живейшим интересом и сочувствием»³³. Хотя к этому времени Павел Виноградов уже четко определился с направленностью своих занятий, выбрав историческое, а не филологическое отделение факультета, тем не менее, он решил прослушать лекции Н.И. Стороженко, читанные им для студентов-первокурсников. Предметом курса являлась литература итальянского Возрождения, что позволило Виноградову расширить кругозор за пределы изящной словесности до горизонтов общей истории культуры.

С именем Н.И. Стороженко в воспоминаниях П.Г. Виноградова связывалось и другое новшество в жизни преподавателей и студентов историко-филологического факультета, которое оказалось значимым для Павла Гавриловича как зарождение новой традиции взаимоотношений между ними. Сам он позже стал ее продолжателем. Речь идет о так называемых журфиксах (от французского “jour fixe”, т.е. установленный для собраний день). Указывая на слабое развитие общения между профессорами и студентами в годы его учебы в Московском университете, П.Г. Виноградов всё же отмечал некоторые особенности «собраний на дому» у разных профессоров. Его восприятие отличалось от достаточно скептического отношения Н.И. Кареева к собраниям у их учителя В.И. Герье в Гагаринском переулке, на которых старший ученик не захотел «показывать себя перед барышнями» как «занимающийся молодой человек», отказав-

³² Виноградов П.Г. Воспоминания о Н.И. Стороженке // Памяти Н.И. Стороженка. М., 1909. С. 79–80.

³³ Там же.

шись участвовать в них³⁴. П.Г. Виноградов считал эти собрания интересными, но имеющими «скорее характер учебных “практических занятий”»³⁵. Уже упоминавшиеся воскресные собрания у Ф.И. Буслаева, по мнению П.Г. Виноградова, имели тот недостаток, что на них бывал лишь кое-кто из студентов, а главными гостями являлись профессора и начинающие ученые. Следствием такого состава было то, что «здесь дело сводилось главным образом к непринужденной беседе, в которой естественно преобладали сам Федор Иванович и старшие из гостей»³⁶. Журфиксы у Н.И. Стороженко, напротив, напоминали П.Г. Виноградову «нечто вроде кружка самообразования с равноправным участием профессоров и их учеников», собрания которого устраивались «для чтения и обсуждения рефератов на самые разнообразные темы из круга общественных наук, литературы, философии»³⁷. Именно таким образом стал проводить уже у себя на дому собрания с лучшими студентами и недавними выпускниками Московского университета сам П.Г. Виноградов в начале 1890-х гг.³⁸ Участники этих собраний, с гордостью называвшие себя по имени учителя «павликианами», составили в начале 1893 г. основу Исторического общества при Московском университете.

На третьем году обучения Павла Виноградова постиг самый крупный провал — «тройка» по латинским упражнениям (как знать, может быть неудача при прохождении формальных основ классических языков стала одной из латентных психологических причин его резко отрицательного отношения к классическим основаниям гимназического образования и довольно терпимого отношения к незнанию греческого языка абитуриентами историко-филологического факультета). Успехи в овладении остальными предметами (русская и всеобщая истории, история новой философии, греческий язык и чтение латинских писателей) вновь были оценены «пятеркой»³⁹.

Наиболее значимым успехом четвертого, завершающего года обучения Павла Виноградова в университете стало присуждение ему золотой медали за конкурсное сочинение «Землевладение в эпоху Меровингов»⁴⁰. Поощрение в виде медалей за успехи в овладении науками являлось давней традицией в Московском университете,

³⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 133.

³⁵ Виноградов П.Г. Воспоминания о Н.И. Стороженке. С. 80.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Материалы... С. 296.

³⁹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 22, 22 об.–23.

⁴⁰ Там же. Оп. 43. Д. 231. Л. 23, 44.

утвердившейся сразу же после его открытия в 1755 г.⁴¹ Университетские уставы 1804 г. закрепили и распространили эту практику на все российские университеты⁴². Общеуниверситетский устав 1835 г. модифицировал и детализировал опыт награждения медалями студентов: если раньше речь шла о поощрении студентов, «отличившихся добронравием и успехами», проявленными по итогам ежегодных испытаний, то теперь предполагалось ежегодно предлагать специально «задачи» от каждого факультета «с назначением, за удовлетворительное во всех отношениях по каждой задаче сочинения, золотой, а за лучшее после того, если оно близко к требуемому достоинству, серебряной медали». И далее подчеркивалось: «При сем будут принимаемы в соображение успехи и нравственность студентов»⁴³. Уставом также была определена процедура подачи и оценки конкурсных сочинений, которые должны были предоставляться декану «в свертке» под девизом с указанием в отдельном запечатанном конверте, кто скрывается под данным девизом. После анонимной оценки сочинения в заседании факультета профессорский совет утверждал это решение и объявлял имена победителей, вскрыв конверт с девизом и соответствующим ему именем. «Раздача медалей» производилась «в торжественном собрании по прочтении составленных в факультетах обозрений содержания присланных на задачи ответов»⁴⁴. Наконец, уставом «дозволялось» печатать по решению совета победившие сочинения «на счет университета»⁴⁵.

Университетский устав 1863 г. вполне в духе времени закрепил эти положения, поместив их в отделение «О сроке учебного курса, испытаниях и поощрительных мерах к учению»⁴⁶ и добавив к медалям еще один, своеобразный вид награждения — «почетный отзыв». Однако более важным было не это расширение поощрительных форм, а повышение их значимости: сочинение, удостоенное медали или поощрительного отзыва, засчитывалось как кандидатская диссертация, что позволяло ее автору при окончании всех испытаний «с отличным успехом» завершить университетское образование со степенью кандидата⁴⁷. Теперь совет решал не только вопрос о публикации таких сочинений, но и о количестве задач, предлагаемых факультетами своим учащимся, что значительно увеличило число конкурсных сочинений.

⁴¹ Букатина Г.Е. Награды императорского Московского университета // Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 22.

⁴² См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 28 (1804–1805). С. 582 (§118), 600 (§115), 613 (§115).

⁴³ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 10 (1835). Ч. 1. С. 849 (§103).

⁴⁴ Там же. С. 850 (§105).

⁴⁵ Там же. С. 850 (§106).

⁴⁶ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38 (1863). Ч. 1. С. 632 (§ 96–97).

⁴⁷ Там же. С. 632 (§ 94. Примечание).

Павел подал свое сочинение в установленный срок (до 1 ноября 1874 г.) и оказался единственным претендентом, выполнившим исследование по теме, предложенной по кафедре всеобщей истории В.И. Герье, тогда как на тему, назначенную К.К. Герцем по кафедре теории и истории искусств, было написано две работы⁴⁸. В соответствии с условиями конкурса об анонимности он подал сочинение декану историко-филологического факультета под девизом «Open» (предзнаменование, знак (*лат.*) — А.А.). Однако письмо ученика учителю, отправленное осенью 1874 г., свидетельствует, что В.И. Герье, несомненно, знал, кто скрывался под этим девизом. В нем Павел Виноградов писал, что надеялся, как в предыдущие два лета, собрать необходимый для исследования материал, но этому помешала болезнь. Из-за нервного напряжения у него произошло «расстройство печени», грозящее в случае отсутствия отдыха от занятий стать хроническим. Вынужденный на летнее время прекратить подготовку к написанию сочинения, он вернулся к нему в начале осени. «Теперь я чувствую себя гораздо лучше: лихорадка, сопровождавшая расстройство печени, прекратилась, и я снова могу приняться за работу, но силы мои пока так незначительны, что, даже если бы не было предписания доктора, я не в состоянии был бы заниматься много, — писал он учителю. — Поэтому, чтобы закончить сочинение, я должен оставить перевод, половина которого уже готова⁴⁹. Даже в сочинении я принужден буду ограничиться одними франками и не успею написать последнего отдела, относящегося до сравнения землевладения франков с землевладением у англосаксов, готов и лангобардов. Вы говорили, давая мне тему, и повторили мне потом, что эта часть необязательна, так что я хоть с формальной точки зрения имею право опустить ее. Я вполне понимаю, какие важные результаты может дать сравнение для понимания состояния землевладения у самих франков, насколько оно должно расширить кругозор, но делать нечего: приходится отказать от многого, чтобы привести в исполнение что-нибудь»⁵⁰. Как видим, успехи в учебе давались отнюдь не легко, но стоили того. В это время у студента Виноградова уже сложилось представление о методологической основе исследования и перспективах сравнительного изучения генезиса феодальных

⁴⁸ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 1. Л. 24–24 об.

⁴⁹ По рекомендации В.И. Герье П.Г. Виноградов выполнял перевод первой книги Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» для издательства К.Т. Солдатенкова, что давало ему определенный доход, необходимый для покупки книг, а позже позволило поехать в Германию на стажировку в Берлинском и Боннском университетах.

⁵⁰ Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924). СПб., 2020. С. 172.

отношений, за чем отчетливо выдвинулись позитивистские принципы изучения исторического материала.

Заключительный год учебы Павла Виноградова в университете был ознаменован также высшими баллами по русской и всеобщей историям, церковной истории и истории древнехристианского искусства, политической экономии, которую читал незадолго до этого ставший сторонним преподавателем университета Виктор Александрович Гольцев, с которым у него впоследствии установились дружеские отношения. В результате Павел окончил курс первым по списку с общим баллом 136 и средним — $4\frac{24}{28}$ ⁵¹. Именно средний балл определял положение в списке выпускников. В этом же году ему была предоставлена «стипендия Потомственного Почетного Гражданина Константина Абрамовича Попова» в размере 300 руб., основанная в 1873 г. для «недостаточных студентов всех факультетов, преимущественно из уроженцев Костромской губернии»⁵².

На основании итогов обучения выпускнику был выдан аттестат: «По Указу Его Императорского Величества от Совета Императорского Московского Университета, Дворянину Павлу Виноградову, в том, что он, по окончании полного курса учения в 4-й Московской Гимназии, с золотою медалью, в Августе месяце 1871 года принят был в число студентов сего Университета, где, при очень хорошем поведении, окончил курс по Историко-Филологическому Факультету, и, за оказанные им отличные успехи, определением Университетского Совета, 31-го Мая сего года состоявшемся, утвержден в степени кандидата. При вступлении в службу, на основании Свода Законов, Том III, Устава о службе гражданской ст. 172 (Изд. 1857 года) он принимается на оную 10-м классом; права же при вступлении в военную службу и на производство его в офицеры согласно § 143, Высочайше утвержденному 18-го Июня 1863 года, общего Устава Университетов, определяются существующими по военному ведомству правилами»⁵³.

Таким образом, за годы университетской учебы П. Г. Виноградов шагнул на четыре ступеньки вверх по служебной лестнице и обрел возможность при желании получить офицерское звание. Однако важнее для него была возможность продолжить самостоятельную научную работу, которой он начал заниматься в семинаре под руководством В.И. Герье. Здесь же определились его исследователь-

⁵¹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 22 об.–23.

⁵² Ср.: Там же. Оп. 40. Д. 278. Л. 12; Оп. 476. Д. 2. Л. 22 об.; Сборник сведений о стипендиях, пособиях и премиях, находящихся при императорском Московском университете. М., 1901. С. 81.

⁵³ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 10; Оп. 46. Д. 181. Л. 3–3 об., 10.

ские интересы. Посвященное изучению становления феодальных отношений сочинение П.Г. Виноградова, как уже отмечалось, было удостоено золотой медали, что освободило его при присуждении степени кандидата от написания кандидатской диссертации⁵⁴. Влияние В.И. Герье выразилось скорее в определении тематики научных занятий П.Г. Виноградова. В отношении приемов исследования исторического материала учитель и ученик разошлись. Если В.И. Герье был гегельянцем в своих взглядах на природу исторического процесса, то П.Г. Виноградов увлекся позитивизмом. И хотя он критически относился к стремлениям позитивистов построить целостную философскую систему, их методологические принципы казались ему вполне применимыми к изучению исторического материала. Поэтому, если оценивать значение обучения П.Г. Виноградова в университете с учетом его последующего лидерства в школе московских историков, то придется констатировать, что важнее оказались не усвоенные в годы учебы теоретико-методологические принципы познания прошлого, а те практики, которые цементировали эту школу: включенность в лекционную систему, в рамках которой он вслед за учителем читал лекции по всем разделам всеобщей истории; овладение методическим мастерством проведения семинарских занятий, усовершенствованным затем в немецких университетах; участие в домашних собраниях, ставших позже и его собственной практикой как их организатора, из которой выросло Историческое общество при Московском университете.

References

Antoshchenko A.V. *Russkiy liberal-anglofil Pavel Gavrilovich Vinogradov* [Russian Liberal Anglophile Pavel Gavrilovich Vinogradoff]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2010. 344 p.

Argunov B.B. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy kontseptsii obshchey teorii prava P.G. Vinogradova: osnovnyye etapy formirovaniya* [Theoretical and Methodological Foundations of the Concept of the General Theory of Law by P.G. Vinogradoff: Main Stages of Formation] // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016. N 11 (143). P. 10–13.

Bukatina G.E. *Nagrady imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Awards of the Imperial Moscow University] // *Nauka i zhizn'*. 2005. N 3. P. 22–26.

Ivanova T.N. *Vladimir Ivanovich Guerrier: portret rossiyskogo pedagoga i organizatora obrazovaniya* [Vladimir Ivanovich Guerrier: A Portrait of the Russian Teacher and Organizer of Education]. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2009. 382 p.

Ivanova T.N., Myagkov G.P. *Shkola V.I. Guerrier: osnovnyye cherty i mesto v nauchnom prostranstve Rossii* [V.I. Guerrier's School: Main Features and Place in the Russian Scientific Space] // *Dialog so vremenem*. 2013. Issue 43. P. 165–185.

⁵⁴ Там же. Оп. 476. Д. 2. Л. 20 об.

Kiselev I.V. *Obshchiiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov ot 18 iyunya 1863 g.* [General Statute of the Imperial Russian Universities of 18 June 1863] // *Universum: obshchestvennyye nauki*. 2022. N 4 (83). P. 4–6.

Koreyeva N.S. *Zagranichnyye komandirovki i ikh rol' na puti k "nelegkomu i otvetstvennomu professorstvu"*: V.I. Guerrier [Foreign Trips and Their Role on the Way to "Not Easy and Responsible Professorship": V.I. Guerrier] // *Istoriya idey i vospitaniye istoriyey: Vladimir Ivanovich Guerrier* [History of Ideas and Education by History: Vladimir Ivanovich Guerrier] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: IVI RAN, 2008. P. 84–94.

Kotova E.S., Shiryayeva S.V. *Vseobshchaya istoriya prava profesora Pavla Gavrilovicha Vinogradova* [World History of Law by Professor Pavel Gavrilovich Vinogradoff] // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2015. N 4. P. 73–78.

Maksimova V.M. *Sistema upravleniya Moskovskim universitetom po ustavu 1863 g.* [The System of Administration at Moscow University under the 1863 Statute] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 21. *Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2017. N 2. P. 110–133.

Novikov M.V., Perfilova T.B. *Universitetskiy ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya* [The 1863 University Statute: The Limits of Academic Self-Governance] // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2013. Vol. 1. N 4. P. 18–31.

O'Brien N. *"In Vino Veritas": Truth and Method in Vinogradoff's Historical Jurisprudence* // *Journal of legal history*. 2008. Vol. 29. N 1. P. 39–61.

Rechkovich S.A. *Politiko-pravovyye vzglyady Pavla Gavrilovicha Vinogradova* [Political and Legal Views of Pavel Gavrilovich Vinogradoff] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Politologiya. Religiovedeniye". 2015. Vol. 13. P. 44–51.

Repina L.P. *Ot "istorii odnoy zhizni" k "personal'noy istorii"* [From the "History of One Life" to "Personal History"] // *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through Personality: Historical Biography Today] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: Krug, 2005. P. 55–74.

Terra Europa: intellektual'noe prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroj poloviny XIX veka [Terra Europa: Intellectual Space of Moscow Historians of the Second Half of the 19th Century] // Ed. by D.A. Tsygankov. Moscow: ROSSPEN, 2014. 671 p.

Terradas Saborit I. *Paul Vinogradoff (1854–1925) y la Antropología Jurídical // Ius fugit. Revista interdisciplinar de estudios histórico-jurídicos*. 2015. N 18. P. 11–43.

Tsygankov D.A. *Professor V.I. Guerrier i yego ucheniki* [Professor V.I. Guerrier and His Disciples]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 503 p.

Tsygankov D.A. *Seminar kak novoye yavleniye na istoriko-filologicheskoy fakul'tete Moskovskogo universiteta v 1860-ye — nachale 1870-kh gg.* [Seminar as a New Phenomenon at the Faculty of History and Philology at Moscow University in the 1860s and Early 1870s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2023. N 1. P. 47–62.

Universitetskaya reforma 1863 goda v Rossii [University Reform in 1863 in Russia] / Compiled and introduced by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2012. 480 p.

Zaytseva L.A. *Obshchiiy ustav universitetov 1863 g.: predystoriya, kharakteristika, znacheniyey* [The 1863 General Statute of Universities: Prehistory, Characterization, Significance] // *Lex Russica (Russkiy zakon)*. 2016. N 9 (118). P. 214–229.

Поступила в редакцию
3 марта 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-68-90

И.В. Шильникова

**«ОЗДОРОВЛЕНИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ
НЕ ТЕРПИТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ»:
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В БОРЬБЕ
С ЗАГРЯЗНЕНИЕМ РЕК
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

I.V. Shilnikova

**“URBAN REHABILITATION
IN RUSSIA BROOKS NO DELAY”:
STATE AND SOCIETY IN THE FIGHT
AGAINST RIVERS POLLUTION AT THE END
OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES**

Аннотация. Происходивший на рубеже XIX–XX столетий рост численности городского населения, активное развитие городской инфраструктуры сопровождались появлением экологических проблем, включая рост уровня загрязнения рек, в том числе служивших источниками водоснабжения городов. К решению этих проблем привлекались органы управления в центре и на местах, а также представители различных общественных, научных, профессиональных организаций и предпринимательских кругов. Порядок взаимодействия их мог быть различным, но именно совместные проекты позволяли добиваться наиболее заметных результатов в деле борь-

Шильникова Ирина Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной и экономической истории России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Shilnikova Irina Veniaminovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Social and Economic History of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

shilnikova.i@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3854-3073

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

The article was prepared within the framework of research of RANEPА's state assignment.

бы с загрязнениями рек промышленными и бытовыми отходами, определять приоритеты в системе водоохраных мероприятий, а также улучшать снабжение населения пригодной для питья водой. Благодаря деятельности таких организаций, как Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, Русские водопроводные съезды, городские санитарные станции, Временный комитет по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения, в рассматриваемый период был проведен достаточно обширный комплекс мероприятий по изучению свойств, характера и степени загрязнения воды в реках, служивших источниками водоснабжения горожан, а также в ходе экспериментов определены наиболее эффективные методы очистки стоков в зависимости от их состава. Были выработаны практические рекомендации по использованию наиболее действенных способов очистки промышленных стоков, применению очистных сооружений с учетом их эффективности, а также расчетной стоимости установки и обслуживания. К решению обозначенных проблем привлекались лучшие отечественные специалисты, использовавшие как зарубежный, так и российский опыт. Сдерживающим фактором стало отсутствие достаточного финансирования водоохранной деятельности, вследствие чего некоторые полезные инициативы не были реализованы либо их удалось осуществить лишь частично. Кроме того, целый ряд запланированных в этой сфере практических мероприятий пришлось отложить по причине начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны.

Ключевые слова: экология российских городов, городские санитарные станции, Русские водопроводные съезды, водные ресурсы, санитарные нормы, водоснабжение городов, водоохранная политика.

Abstract. At the turn of the 19th and 20th centuries, the growth of urban population and development of urban infrastructure were accompanied by the emergence of environmental problems, including the increase of river pollution, which might cause water supply difficulties. The central and local authorities, as well as representatives of various public, scientific, professional organizations and business circles, were involved in solving these problems. The order of their interaction could be different, but these joint projects made it possible to achieve the best results in combating river pollution caused by industrial and domestic waste, to determine priorities in the system of water protection and to improve the supply of potable water to the population. Thanks to the activities of such organizations as the Society for Assistance to the Improvement and Development of Manufacturing Industry, Russian Water Supply Congresses, sanitary stations, and the Provisional Committee for the Development of Measures to Protect the Water Bodies of the Moscow Industrial District from Pollution, a rather extensive set of measures was carried out to study the properties, nature, and degree of water pollution in the rivers that served as sources of water supply for city dwellers, and the most effective methods of water purification were determined in experiments. Practical recommendations were developed on the use of the most effective and cost-efficient methods and facilities for industrial

wastewater treatment. The best domestic specialists were involved in solving the identified problems, who utilized international and Russian experience. The lack of sufficient funding for water protection activities resulted in some initiatives not being or being only partially implemented. In addition, a number of practical measures which had been planned in this area had to be postponed because of the outbreak of World War I in 1914.

Keywords: Russian urban ecology, urban sanitary stations, Russian Water Supply Congresses, water resources, sanitary norms, urban water supply, water protection policy.

* * *

Процессы модернизации, набравшие обороты в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., приводили к росту численности городского населения, концентрации в городах промышленных производств, развитию городской инфраструктуры. Все эти обстоятельства способствовали тому, что города становились более комфортными для жителей, предоставляя больше возможностей для самореализации, заработка, проведения досуга, но оборотной стороной этих процессов становились экологические проблемы. В конце XIX — начале XX столетия этот факт не просто осознавался властями (как в центре, так и на местах), но и обсуждался в публичном пространстве на разных уровнях, включая профильные министерства, различные общественные, профессиональные и предпринимательские организации. Первоочередное беспокойство было связано с состоянием городских источников водоснабжения — грунтовых и артезианских колодцев, прудов, но, в первую очередь, ставились вопросы защиты рек от сбрасываемых в них стоков, значительный объем которых мог не проходить предварительной очистки.

В последнее время исследователи всё чаще обращаются к экологическим вопросам развития российских городов в период дореволюционной модернизации. В фокус внимания авторов попадают вопросы загрязнения различных водных объектов в городах¹, общего экологического состояния городских центров, расположенных в раз-

¹ *Афанасьев Г.Ю.* Невская вода и загрязнения большого города: к вопросу об экологических аспектах истории Санкт-Петербурга конца XIX — начала XX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4. С. 40–46; *Давыдов А.Н.* Борьба вокруг экологических последствий предпринимательской деятельности в Московском промышленном районе в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 1. С. 116–125; *Гудова М.Г.* Проблема загрязнения водных ресурсов города в контексте становления санитарного законодательства в России во второй половине XIX — начале XX веков // Аграрное и земельное право. 2019. № 10. С. 27–28 и др.

личных регионах Российской империи², формирования и деятельности органов санитарного надзора³.

В данной статье ставится задача проанализировать механизмы и результаты взаимодействия государства и общества в вопросах охраны рек, прежде всего участвовавших в снабжении городского населения пригодной для питья водой, от загрязнения промышленными и бытовыми отходами, а также определить приоритеты в системе водоохраных мероприятий в России в конце XIX — начале XX в. Основой источниковой базы стали опубликованные материалы различных учреждений и организаций, занимавшихся вопросами городской экологии, и в частности, водоохранной политикой в рассматриваемый период. В первую очередь, отметим такие издания, как «Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», «Труды русских водопроводных съездов», ежегодные отчеты Московской городской санитарной станции, «Отчеты Временного Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов».

* * *

В одном из своих публичных докладов инженер-технолог Ф.А. Данилов, занимавший должность инженера Московского уездного земства, отмечал: «Оздоровление русских городов не терпит отлагательств, и требуется немедленная энергичная совместная работа представителей общественных самоуправлений, чистой науки и

² Кискидосова Т.А. Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 49–53; Тяпкина О.А., Тяпкин М.О. Экологическое состояние малых городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 6. С. 89–97; Агафонова А.Б. Экологические проблемы городской среды в XIX — начале XX веков // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 28–32; Ланкина Ю.С. Санитарно-гигиеническое состояние городов юга Дальнего Востока России как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX — начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология. Вып. 35. № 13 (210). Сентябрь 2015. С. 138–142; Сергиенко М.А. Санитарно-гигиеническое состояние городов Курской губернии как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX — начале XX вв. // Там же. С. 142–147 и др.

³ Шерстнева Е.В. Первые городские санитарные станции в России: история создания и основные направления деятельности (к 125-летию со времени основания) // Гигиена и санитария. 2017. № 96 (2). С. 187–189; Она же. Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX — начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 2. С. 52–56; Горбушина А.А. Проблемы санитарного благоустройства городов на страницах городской врачебно-санитарной печати России начала XX века // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С.132–136; и др.

практической санитарии для создания здоровых условий городской жизни»⁴. Отметим, что приведенная цитата принадлежит опытному специалисту в вопросах конструкции и сооружения различных городских коммуникаций, включая водопровод и канализацию. Кроме того, Ф.А. Данилов являлся автором целого ряда публикаций по данной тематике. Он регулярно выступал как в столице, так и в других городах с публичными докладами, где в центре внимания находились проблемы состояния городских рек и других водоемов, оценивались различные способы очистки бытовых и промышленных стоков.

Действительно, беспокойство по поводу высокой степени загрязнения российских рек промышленными и бытовыми стоками высказывали в конце XIX — начале XX в. как представители государственных органов, так и общественность. Прежде всего, внимание привлекали реки, являвшиеся источниками водоснабжения городского населения. В частности, данная проблема регулярно поднималась в периодических изданиях, издававшихся различными российскими научными обществами, профессиональными организациями, санитарными службами и организациями по охране водоемов. Впервые, здесь следует упомянуть издания Императорского Русского технического общества и Императорского Русского географического общества. В частности, в «Известиях Императорского Русского Географического общества» (1870–1914) публиковались статьи о состоянии водоемов в различных регионах Российской империи. Обычно это были сообщения о результатах научных экспедиций, организованных для обследования этих водоемов и прилегающих территорий. Большой интерес представляют издания региональных отделений Русского технического общества, особенно Московского, Саратовского, Екатеринославского, Пермского и Нижегородского. Эти издания выходили в начале XX в. на регулярной основе и содержали иногда целые серии статей, посвященных санитарному состоянию городов и рек, на которых они располагаются, строительству водопроводов и систем канализации для сброса промышленных отходов, хозяйственных и бытовых стоков, а также строительству очистных сооружений. В таких статьях, помимо прочих сведений, содержится информация о состоянии, степени и характере загрязнений местных водоемов и мер, предпринимаемых для их защиты. Такого рода публикации нередко становились стимулом для привлечения внимания властей и общественности к тем городам, где ситуа-

⁴ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического Съезда в Риге. 1913. Вып. I. М., 1913. С. 113.

ция с состоянием рек и других водоемов, в том числе используемых для обеспечения водой местного населения, была неблагоприятной.

Однако только обсуждением дело не ограничивалось. И на рубеже XIX — XX вв. всё большие усилия направляются на практическую реализацию мер, направленных на улучшение экологической ситуации в городах, охрану рек от загрязняющих их стоков и развитие городской инфраструктуры в части строительства водопровода, канализации и очистных сооружений.

Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности

Внимание к необходимости очистки промышленных сточных вод проявляли представители предпринимательских кругов, владельцы предприятий. Подобные вопросы не раз становились предметом обсуждения на собраниях предпринимательских сообществ. В контексте нашего исследования представляют интерес издания предпринимательских организаций, среди которых особого внимания заслуживают «Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности». Помимо прочего, здесь были опубликованы несколько докладов, сделанных специалистами (инженерами-технологами) общим собраниям этого Общества, о проблемах загрязнения российских водоемов промышленными сбросами, а также наиболее эффективных методах очистки сточных вод. Так, 20 сентября 1892 г. на общем собрании Общества А.А. Яковкин сделал доклад «К вопросу о загрязнении Москвы-реки»⁵. Необходимо отметить, что к этому времени Александр Александрович Яковкин уже имел высокую репутацию как химик-технолог, имевший опыт практической работы, с одной стороны, на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска, а с другой — в лаборатории аналитической и органической химии в Московском университете.

Исследования, послужившие основой для доклада А.А. Яковкина, проводились в лаборатории Общества с июля по сентябрь 1892 г. Основной их целью было определение состава сточных вод предприятий, располагавшихся по берегам Москвы-реки в пределах городской черты. Уже после старта работ было решено также провести анализ бытовых стоков, попадающих в реку. По ходу исследований сточных вод лаборатория определяла «количество сухого остатка до и после прокаливания, количество взвешенных веществ органических и минеральных, количество органического углерода, входящего

⁵ Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. Том II. Статья 1. М., 1892. С. 1.

в состав растворенных веществ, количество азота (органического и аммиачного) и окисляемости воды по Кубелю». В отдельных случаях производился также анализ воды на содержание неорганических веществ («кремнезема, глинозема, окиси железа, извести, магнезии, калия, натра, хлора, серной кислоты и азотной кислоты»)⁶. При проведении этих работ забор воды производился в 22 точках, включая устья рек Неглинки, Яузы, Даниловки, а также в местах сброса бытовых и фабричных стоков. Это позволило выявить специфический состав загрязняющих веществ в зависимости от типа стоков. Так, в бытовых стоках содержание азота многократно превышало количество углерода, в фабричных — наоборот. В категории взвешенных веществ в бытовых стоках преобладали органические вещества, в промышленных — неорганические⁷. Эти заключения использовались на следующем этапе исследований для определения наиболее эффективных способов очистки различных типов стоков и для выбора соответствующего очистного оборудования.

В тот же день, когда состоялся доклад А.А. Яковкина, на общем собрании упомянутого выше Общества было заслушано еще одно выступление по близкой тематике. О. Миллер, также опираясь на результаты лабораторных исследований, представил доклад «К оценке способов очистки фабричных сточных вод». В ходе опытов использовались сбросы предприятий разных отраслей: набивных, красильных и шерстяных фабрик, пивоваренных, сахарных, кожевенных и клееваренных заводов, а также бойни⁸. Проверялась эффективность механического, химического, биохимического способов очистки, в результате чего предпочтение было отдано последнему⁹. Результаты подобных экспериментов имели практическое значение, поскольку те предприниматели, которые принимали решение об установке на своих фабриках и заводах очистных сооружений, по сути, ориентировались именно на них.

Со временем стали практиковаться работы, направленные на оценку эффективности не просто технологий очистки стоков, а конкретного оборудования, работающего на их основе. Так, 19 марта 1895 г. на общем собрании Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности был сделан еще один доклад А.А. Яковкина «Результат очистки фабричных сточных вод по способу MATHER и PLATT». В основу доклада были положены результаты исследований в лаборатории Общества сточных жид-

⁶ Там же. С. 2–3.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. Том II. Статья 2. С. 3.

⁹ Там же. С. 18–19.

костей, сбрасываемых ситцевыми, отбельными и красильными фабриками, а также результатов их очистки установкой достаточно известной тогда фирмы «Mather & Platt». Эти устройства уже были апробированы на крупной текстильной фабрике Э. Циндель, правление которой активно сотрудничало в данном вопросе, предоставляя необходимый доступ к установке и возможности забора проб воды¹⁰. Сам Яковкин лично контролировал забор воды, следил за процедурой очистки и другими работами. Результаты проведенных анализов дали основание для серьезных сомнений по поводу эффективности очистки, результаты которой были признаны неудовлетворительными при достаточно высокой стоимости их для предприятия¹¹.

Русские водопроводные съезды

В конце XIX — начале XX в. с периодичностью раз в два года стали проводиться Русские водопроводные съезды¹². До начала Первой мировой войны состоялось 11 съездов, проходивших в крупных городах империи (Москва, Санкт-Петербург, Варшава, Одесса, Киев, Тифлис, Рига). В центре внимания собравшихся были различные аспекты строительства новых водопроводов и усовершенствование уже работающих, а также вопросы канализации городов.

Первым, кто стал активно продвигать идею о необходимости проведения «периодических съездов специалистов водопроводного дела», был заведующий водопроводом Новочеркаска В.И. Зуев. Официальное же ходатайство о разрешении проведения первого такого собрания подготовил один из руководителей строительства Мытищинского водопровода Николай Петрович Зимин — известный российский инженер-гидротехник, впоследствии занимавшийся разработкой проекта Москворецкого водопровода, а также конструкций водопроводов в Самаре, Тамбове, Рыбинске, Тобольске и других российских городах. Подготовив предварительную программу первого Русского водопроводного съезда, проводить который предполагалось в Москве, Н.П. Зимин обратился к московскому городскому голове Н.А. Алексееву с просьбой поддержать данную инициативу. Аргументируя необходимость подобных собраний специалистов, он обращал внимание, что опыт сооружения водопровода в Москве показал, насколько это сложная задача. На местах же

¹⁰ Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. Т. III. Статья 8. М., 1895. С. 1.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² С 1913 г. стали называться Всероссийскими водопроводными и санитарно-техническими съездами.

проблем встречалось еще больше, а значит, водопроводные съезды должны стать важной площадкой, где инженеры и технические специалисты смогут обсуждать имеющийся российский и зарубежный опыт строительства водопроводов, контроля качества подаваемой в него воды и способов ее очистки. Н.А. Алексеев поддержал данную идею и 30 сентября 1892 г. обратился с ходатайством о проведении первого съезда в Москве к московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. Инициатива была одобрена императором, о чем Н.А. Алексеев получил уведомление 24 ноября 1892 г. Первоначально первый Русский водопроводный съезд планировалось провести в декабре 1892 г., однако в связи с долгим рассмотрением вопроса времени на подготовку почти не осталось. Поэтому дату проведения перенесли на март следующего года, а 3 февраля 1893 г. министр внутренних дел назначил Н.А. Алексеева председателем первого Русского водопроводного съезда. По фатальному стечению обстоятельств Н.А. Алексеев сам наметил дату открытия съезда — 14 марта 1893 г., но этот день стал датой похорон московского городского головы¹³, который за несколько дней до этого, 11 марта, был смертельно ранен прямо в здании Думы.

Тем не менее, совместные усилия властей и равнодушных представителей сообщества российских инженеров дали результат, и Русские водопроводные съезды стали собираться регулярно. «Положение», на основании которого они действовали, ограничивало сферу обсуждаемых вопросов «технической, экономической и санитарной сторонами дела»¹⁴. Обычно на съездах присутствовало несколько сот человек, представлявших десятки городов империи, каждый участник должен был заплатить взнос в сумме 10 руб., который шел на организацию мероприятия. При этом участникам предоставлялось право на льготный проезд к месту проведения съезда и обратно. Поскольку съезды проводились один раз в два года, было создано Постоянное бюро, являвшееся, по сути, исполнительным органом в период между двумя съездами. Состояло Бюро из четырех человек, состав которых периодически менялся. Помимо прочих обязанностей, Бюро занималось и подготовкой к публикации докладов, сделанных участниками, а также результатов различных анкетных и других обследований, проводившихся с целью получения сведений о составе стоков, о степени и характере загрязненности

¹³ Труды русских водопроводных съездов. Съезд первый. 15–21 марта 1893 года. М., 1895. С. 4–6; Краткий обзор первого десятилетия деятельности Русских водопроводных съездов. 1893–1903. М., 1903. С. 5.

¹⁴ Труды русских водопроводных съездов. Съезд второй. 19–25 марта 1895 года. М., 1897. С. 5.

рек в различных городах России, а также на строительных и транспортных объектах.

По итогам каждого съезда издавались «Труды», куда включались тексты докладов участников, стенограммы обсуждений, резолюции и другие материалы. В докладах большое внимание уделялось как зарубежному, так и российскому опыту в вопросах организации водоснабжения городов. Часто к публикациям прилагались карты, чертежи водопроводных, канализационных и очистных сооружений разных типов в российских городах. Нередко тексты содержат результаты анализов речной воды в местах ее забора для водоснабжения населенных пунктов. Поэтому благодаря данному источнику можно составить представление о состоянии и степени загрязнения вод целого ряда российских рек (как правило, небольших, но есть, например, и данные по Днепру, Волге, Оке и др.).

В целом «Труды» Русских водопроводных съездов разных лет, помимо массы технических деталей, подробнейших результатов бактериологических и химических анализов, дают представление и об основных дискуссиях, разворачивавшихся в профессиональной среде по вопросам контроля за качеством речной воды и эффективности методов ее очистки. На их основе формируется представление об активной экспериментальной работе, проводившейся в разных городах России, с целью поиска оптимальных способов борьбы с загрязнениями водных ресурсов.

Так, в докладе упоминавшегося выше Н.П. Зимина на VI Русском водопроводном съезде в 1903 г. «О новейших исследованиях и успехах в деле очищения воды для водоснабжения городов», текст которого позднее был опубликован как отдельное издание¹⁵, был представлен анализ результатов опытных работ по оценке эффективности американских механических фильтров. Испытания эти проходили в Москве в 1900 г. «под руководством профессора гигиены» Сергея Федоровича Бубнова, известного в России специалиста по вопросам городского благоустройства и водоснабжения. Эти исследования были организованы Московским городским управлением, для чего при городской санитарной станции создали специальную Комиссию под председательством С.Ф. Бубнова. Опыты сначала проходили на испытательной станции на Девичьем поле на Москвореке, где состав воды мог стремительно меняться под влиянием фабричных и бытовых стоков. В 1901 г. испытательная станция была перенесена на Рублевскую насосную станцию (место водозабора для Москворецкого водопровода) для выявления сравнительной эффек-

¹⁵ Зимин Н.П. О новейших исследованиях и успехах в деле очищения воды для водоснабжения городов. М., 1903.

тивности американского и английского способов водоочистки¹⁶. Аналогичные опыты, направленные на выяснение эффективности американского метода, проводились в 1900 г. в Нижнем Новгороде, Купавне под руководством санитарного врача В.М. Фивейского и в 1902 г. в Рыбинске под руководством доктора Ф.М. Блюменталя. Характеризуя результаты проведенных экспериментов, В.М. Фивейский писал, что «наиболее рациональным способом в деле очистки воды является фильтрация ее через механические фильтры американской системы», а фильтр «Джуэлль» работает «удовлетворительно и является несомненно полезным в деле очистки воды». Эти выводы были основаны на подробных результатах анализов воды, сделанных в ходе эксперимента¹⁷.

Однако исследования С.Ф. Бубнова дали противоположные результаты, и в его заключении проводилась мысль, что американский способ очистки и американское оборудование вряд ли могут найти широкое применение в России в силу низкой эффективности. Н.П. Зимин в своем докладе на VI Русском водопроводном съезде достаточно жестко раскритиковал эту позицию, и, изучив описание работ С.Ф. Бубнова, заметил, что эксперимент проводился с нарушением необходимых условий, и это негативно повлияло на результаты. Заметим, что к этому времени американские фильтры были установлены почти на 200 городских водопроводах в Европе и в России¹⁸. В частности, такие системы фильтрации работали на городских водопроводах (в Купавне, Тобольске, Царицыне, Рыбинске, Балашове, Армавире, Владимире), а также на отдельных крупных промышленных предприятиях (на Новой Костромской мануфактуре, в Ярославле на заводе Н. Понизовкина сыновей, на Тверской мануфактуре, на Никольской мануфактуре Морозовых и др.). Опыты по оценке эффективности американских фильтров «Джуэлль» проводились и в странах Западной Европы, получив там положительные отклики. Н.П. Зимин полагал, что выводы С.Ф. Бубнова сильно задержали распространение американских фильтров в России, что пагубно сказывалось на развитии практических вопросов очистки бытовых и производственных стоков. При этом английские фильтры, дававшие также хорошие результаты очистки, были дороже и требовали большей площади для установки¹⁹.

¹⁶ Зимин Н.П. О новейших исследованиях и успехах в деле очищения воды для водоснабжения городов. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹ Там же. С. 53.

Время и дальнейшие эксперименты подтвердили правоту Н.П. Зимина. В частности, спустя несколько лет на VIII Русском водопроводном съезде были представлены результаты эксперимента по сравнительной оценке эффективности американских («Джуэлль») и английских фильтров, проведенного в Кронштадте. В вопросах бактериологической очистки обе системы показали близкие результаты, а по способности удалять химические загрязнения американские очистные устройства выглядели предпочтительнее при более низкой их стоимости²⁰.

Еще одной проблемой, которая находилась в центре внимания участников Русских водопроводных съездов, стал контроль за состоянием действующих водопроводов, как имевших очистные сооружения, так и работавших без таковых. На XI Водопроводном съезде состоялся доклад уже упоминавшегося Ф.А. Данилова «Водопроводы русских городов по данным второй анкеты». Анкетирование проводилось в 1912 г. по решению Постоянного бюро. В частности, Ф.А. Данилов отметил: «Изучение санитарного состояния русских городов является насущной необходимостью, но то, что мы знаем об этом предмете, очень безотраднo». Сравнивая показатели смертности городских жителей в России и в Европе, он подчеркнул, что российский показатель вдвое превосходит европейский. Ф.А. Данилов акцентировал внимание на том, что основными причинами общей высокой смертности в России являлись детская смертность и «смертность от заразных и желудочных заболеваний»²¹, что, помимо прочих обстоятельств, объяснялось и плохим качеством используемой в пищу воды. Согласно данным сборника «Города России в 1910 году»²², подготовленного Центральным статистическим комитетом МВД, к этому времени водопроводы имелись в 219 городах, а вот канализированы были всего 30 городов. Эксперты в вопросах городской санитарии того времени неоднократно отмечали, что во многих городах вскоре после проведения канализации наблюдалось снижение показателей смертности, особенно от брюшного тифа.

В докладе Ф.А. Данилова также отмечалось, что используемые в водопроводах российских городов английские и американские фильтры дают в целом хороший результат очистки, однако в ряде городов (в том числе в С.-Петербурге) вода «не вполне отвечает

²⁰ Труды Восьмого Русского водопроводного съезда в С.-Петербурге в 1907 г. М., 1909. С. 283.

²¹ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического Съезда в Риге. 1913. Вып. I. М., 1913. С. 92–95.

²² Города России в 1910 году. СПб., 1914.

требованиям гигиены». Ф.А. Данилов обращал внимание на крайне медленные темпы присоединения частных домов к водопроводной сети, даже в крупных городах. На основе материалов второй анкеты получалось, что только в Гельсингфорсе почти все дома имели водопроводы. К водопроводным коммуникациям в таких городах, как Варшава, Одесса, Ялта было подключено 80–89% домов, в Александровске — 65%, в Саратове, Екатеринославе, Москве — 40–49%, в Тифлисе, Нижнем Новгороде, Казани, Двинске, Армавире, Новгороде — 30–39%, в Ростове-на-Дону, Севастополе, Херсоне, Николаеве, Кишиневе, Владикавказе, Тирасполе, Люблине, Архангельске, Балашове и Умани — 20–29%, в Оренбурге, Царицыне, Томске, Ярославле, Сызрани, Елисаветграде, Смоленске, Костроме, Вятке, Феодосии, Хабаровске, Батуме, Ростове, Белгороде — 10–19%²³.

По данным анкеты 1912 г., 82 городских водопровода (что составляет 78% от их количества, вошедших в программу анкетирования) принадлежали городским управлениям, остальные 23 (22%) — частным обществам и лицам. Водопровод являлся одним из городских предприятий, которые приобретали всё большее значение в структуре городских бюджетов. Удельный вес статьи «от городских предприятий» постепенно возрастал в структуре городских доходов²⁴. Оценивая стоимость «устройства» водопровода, Ф.А. Данилов подчеркивал, что самый дорогой (с учетом его производительности) был водопровод в Железноводске (11,11 руб. на одного жителя), затем идет водопровод в Красноводске — 10,53 руб. на одного горожанина, в Батуме — 10,13 руб., Ростове (Ярославская губ.) — 9,26 руб., Козлове — 9,18 руб., Перми — 8,43 руб., Твери — 7,69 руб., Кисловодске — 7,22 руб., Грозном — 7,14 руб., Белгороде — 7,11 руб. Далее стоимость еще пяти городских водопроводов находилась в интервале 6–7 руб. на одного жителя, еще восьми — 5–6 руб., 13-ти водопроводов — 3–4 руб., 23-х водопроводов — 2–3 руб., 16-ти водопроводов — 1–2 руб., пять водопроводов стоили менее 1 руб. в расчете на одного городского жителя (Малмыж, Ревель, Сенгиля, Оренбург, Кострома).

После запуска водопроводов они могли становиться доходной статьей городских бюджетов (в случае, если находились в собственности городских властей). По данным за 1909 и 1910 гг. в десяти городах (в 1909 г. было получено 50 ответов, в 1910 г. — 73) водопровод являлся убыточным сооружением городской инфраструктуры.

²³ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического Съезда в Риге. 1913. Вып. I. С. 98–101.

²⁴ Там же. С. 105.

Наиболее прибыльными для городской казны были водопроводы в Одессе (1,09 руб. на одного жителя в год), Севастополе (1,03 руб.), Ялте (1,02 руб.), С.-Петербурге (0,87 руб.), Полтаве (0,81 руб.), Тифлисе (0,66 руб.), Варшаве (0,66 руб.), Пятигорске (0,60 руб.), Калуге (0,58 руб.), Ревеле (0,56 руб.)²⁵. При сравнении затрат на содержание водопровода городских управлений и частных компаний чаша весов склоняется в пользу первых. Чаще всего разница объяснялась тем, что в случае частных водопроводов стоимость содержания Правления обществ и прочие подобные расходы относились на счет водопровода, чего не происходило, если коммуникации строились и обслуживались городскими властями.

Участники XI Водопроводного съезда обращали особое внимание на то, что при заборе воды для городских водопроводов из открытых водоемов нельзя полагаться исключительно на работу используемых очистных сооружений (фильтров). В резюмирующих тезисах акцентировалось внимание на необходимости организации санитарно-технического надзора за самими источниками выше мест забора воды, а также при создании новых водозаборных коммуникаций тщательно планировать место водозабора и проводить предварительный анализ состава воды в этих точках²⁶.

Московская городская санитарная станция

В Москве большой объем работ по контролю за состоянием воды в местах водозаборов выполняла Московская городская санитарная станция, которая действовала при Гигиеническом институте Императорского Московского университета. Годовые отчеты о результатах ее работы публиковались отдельными изданиями под редакцией заведующих станцией: сначала эту должность занимал бывший профессор Московского университета Ф.Ф. Эрисман, а затем — уже упоминавшийся профессор С.Ф. Бубнов.

2 июня 1900 г. городская управа направила отношение Московской городской санитарной станции следующего содержания: «По § 3-му обязательных постановлений о мерах к охранению целости городской канализационной сети и т.д. «воспрещается отводить в канализационную сеть всякие жидкости и воды, содержащие свыше 5% кислот и щелочей»²⁷. На основании этого постановле-

²⁵ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического Съезда в Риге. 1913. Вып. I. С. 106–107.

²⁶ Там же. С. 134.

²⁷ Девятый годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета, за 1900 год. М., 1902. С. 54.

ния химический состав планируемых к спуску в канализацию вод должен был проверяться до утверждения городской управой проектов канализации тех районов, где расположены промышленные предприятия, аптеки и другие заведения, которые по характеру своей деятельности могли давать кислотные или щелочные сбросы. Канализационный отдел городской управы специальным циркуляром от 24 мая 1900 г. поручил заведующим канализационными участками Москвы отправлять на городскую санитарную станцию исследуемые сточные жидкости для химического анализа. Со своей стороны сотрудники станции должны были передавать результаты исследований полученных проб воды непосредственно в городскую управу. Санитарная станция по своей инициативе решила расширить программу исследований таких проб и включить в нее анализы на предмет нахождения в них «ядовитых металлов» (мышьяк, сурьма, медь, свинец)²⁸.

Основной объем работы сотрудники Московской городской санитарной станции выполняли по поручению городской управы. Кроме того, проводились исследования по инициативе сотрудников самой станции, а также выполнялись исследования по запросам частных лиц. В последнем случае услуга была платной. На станции производились анализы воды из артезианских колодцев, прудов, рек. Воду проверяли на возможность использования как для пищевых нужд, так и в бытовых и производственных целях (например, для «питания паровых котлов»), в том числе, например, для устройства купален. Кроме того, на анализ отдавались и сточные воды на предмет допустимости их сброса в водоемы. Часто результаты анализов признавались удовлетворительными, но иногда заключение экспертов санитарной станции в достаточно категоричной форме не рекомендовало использование воды в тех целях, для которых она предназначалась, или планируемая к сбросу в Москву-реку жидкость по своим характеристикам не соответствовала требованиям и должна была предварительно проходить очистку.

Так, например, анализ сточных вод Трехгорного пивоваренного завода, проводившийся в 1893–1894 гг. для оценки их влияния на загрязнение Москвы-реки, позволил сотрудникам станции сделать заключение, что при сравнении результатов анализа этих стоков с данными, полученными «некоторыми германскими химиками при исследовании таких же вод с пивоваренных заводов», оказалось, что

²⁸ Девятый годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета, за 1900 год. М., 1902. С. 54.

последние более загрязнены: «Во всяком случае, можно утверждать с положительностью, что проба воды, взятая у самого устья главной сточной трубы Трехгорного завода, много чище исследованных немецкими учеными сточных вод германских пивоваренных заводов»²⁹.

В 1900 г. городская санитарная станция проверяла сточные воды фабрики Товарищества «Эйнем». Несмотря на то, что состав стоков был далек от идеальных показателей, в целом он отвечал требованиям, предъявляемым к сбрасываемым в канализацию жидкостям, по содержанию свободных кислот, а ядовитых веществ обнаружено не было³⁰. В 1901 г. производилось исследование проб, взятых из водосточного колодца на Берсенеvской набережной, принадлежащего С.И. Смирнову. По официальной версии, это были сбросы после мытья посуды на водочном заводе. Однако экспертиза показала, что помимо «промывной воды» стоки содержали большое количество взвешенных веществ, хлора, азота, аммиака, органических веществ, и, по мнению сотрудников станции, «спуск такой жидкости в Москву-реку не может быть допущен»³¹.

При этом тот факт, что вопросы санитарного надзора за состоянием водоемов в черте города находились в ведении разных учреждений, видимо, препятствовал формированию единой программы обследований и своевременному принятию соответствующих мер. В частности, в отчете Московской городской санитарной станции за 1901 г. указывалось, что в результате проведенных анализов воды Москвы-реки, когда пробы брались в разных местах по ее течению в пределах городской черты, была выявлена «загрязняющая роль» реки Неглинной, где в начале XX в. регулярно констатировалось большое количество «домовых отбросов». Однако последняя находилась в ведении Московского городского санитарного надзора, и Городская санитарная станция была в данном случае ограничена в своих действиях³².

Начиная с 1898 г. регулярно проводились проверки москворецкой воды, в том числе с целью определения уровня ее жесткости.

²⁹ Третий годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета (май 1893 г. — январь 1895 г.). М., 1895. С. 83.

³⁰ Там же. С. 58.

³¹ Десятый годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета, за 1901 год. М., 1904. С.40–41.

³² Там же. С. 232; Двенадцатый годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета, за 1903 год. М., 1906. С. 237.

Делалось это по инициативе городской управы. А пробы брались в черте города около Каменного, Москворецкого, Краснохолмского и Новоспасского мостов, а также из р. Неглинной в месте ее впадения в Москву-реку. Проверка этой воды началась в связи с проектированием, а затем строительством второго московского водопровода, вода в который должна была поступать из Москвы-реки. В 1902 г., как и в предыдущие, было сделано заключение, что эта вода «с санитарной точки зрения все еще представляется водою доброкачественною, вполне пригодною для городского водоснабжения, хотя и не столь вкусною водою, каковою она была до 1898 года»³³. В частности, специалисты отмечали возрастающую жесткость этой воды.

Одной из проблем при реализации мероприятий по охране речных вод от загрязнения было, как и в случае с водопроводами, финансирование данных мероприятий. На функционирование Московской городской санитарной станции Городской думой ежегодно ассигновывались определенные суммы, однако их, как правило, было недостаточно. Так, например, в 1895 г. было выделено 7835,41 руб. (в том числе 5720 руб. — зарплата сотрудникам). Причем, в начале года Думой было ассигновано, как и в 1894 г., 7185 руб., однако затем потребовалось дополнительное ассигнование в размере 650 руб. Дополнительные средства потребовались для приобретения микроскопа, поскольку до этого сотрудники станции пользовались микроскопом Гигиенического института. Размер жалования сотрудников станции был острой проблемой, так как он не соответствовал уровню подготовки и нагрузке специалистов, работавших на станции. А из-за сильной занятости они были лишены возможности подработать на стороне. В частности, жалование 1500 руб. в год признается в отчете «абсолютно недостаточными, так как даже при весьма скромных потребностях семья интеллигентного, получившего высшее образование человека, на эти средства жить в Москве не может»³⁴. Увеличение финансирования позволило бы расширить программу изучения речной воды, а также сточных вод, сбрасываемых городом в водоемы.

³³ Десятый годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета, за 1901 год. М., 1904. С. 236.

³⁴ Четвертый годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом Институте Императорского Московского Университета, за 1895 год. М., 1897. С. 15–16.

Временный Комитет по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнений сточными водами и отбросами фабрик и заводов

Ведя речь о совместных усилиях властей и различных общественных групп, включая предпринимателей и специалистов, в борьбе за улучшение состояния водных ресурсов, нельзя не упомянуть о Временном комитете по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнений сточными водами и отбросами фабрик и заводов, отчеты которого за 1912–1915 гг. были опубликованы.

История создания Временного комитета началась в конце 1910 г. с докладной записки Московского биржевого комитета и Комитета торговли и мануфактур в Иваново-Вознесенске, поданной на имя министра торговли и промышленности, в которой обращалось внимание на необходимость урегулирования различных вопросов, касающихся спуска сточных вод в водоемы, требований к ним, а также предотвращения загрязнения рек. Составители этой записки обращали внимание министра на тот факт, что выработанные Медицинским департаментом и действовавшие на тот момент требования к промышленным стокам для большинства предпринимателей являются невыполнимыми. При этом владельцы предприятий готовы финансировать очистные работы, однако они не имеют возможности получить компетентные рекомендации о способах очистки фабричных стоков с учетом их состава. Следствием этой инициативы со стороны предпринимателей стало поначалу создание при Министерстве торговли и промышленности «Совещания для обсуждения мер к упорядочению вопроса об очистке спускаемых в реки сточных вод промышленных заведений». Участники Совещания пришли к выводу, что содержащееся в докладной записке предложение о создании «порайонных экспертных комиссий» в случае его реализации не даст ожидаемого эффекта, поэтому решили организовать в качестве пилотного проекта Временный комитет по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов. «Положение» об этом Комитете было высочайше утверждено 12 июля 1911 г.

Согласно «Положению», Временный комитет находился в ведении Министерства торговли и промышленности, а его деятельность охватывала Московскую, Владимирскую и Тверскую губернии. Председателем становился Окружной фабричный инспектор Московского округа, а в его состав входили 20 человек, представ-

лявшие ключевые министерства (внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, путей сообщения), Главное управление землеустройства и земледелия, Московское городское управление и Московское губернское земство, а также шесть представителей от предпринимательских кругов и трех экспертов («химик», «биолого-бактериолог», «представитель санитарной науки»). Именно на экспертов предполагалось возложить основные задачи по формированию программы исследований и анализу полученных результатов. Первый состав экспертов выглядел следующим образом: «профессор химической технологии Императорского Московского Технического Училища» С.П. Ланговой, «специалист по биологии и бактериологии» Я.Я. Никитинский и санитарный врач Московского губернского земства М.Ф. Соснин. Размер годового жалования каждого эксперта составлял 3600 руб.³⁵ В целом же на деятельность Временного комитета в 1912 г. было ассигновано 56 тыс. руб., в 1913 г. — 66 тыс., в 1914 г. — уже 70 тыс. руб.³⁶

До начала деятельности Временного комитета большой объем подготовительных работ осуществил Московский биржевой комитет, а также привлеченное им Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности³⁷. Изначально вообще предполагалось, что Московский биржевой комитет полностью возьмет на себя финансирование нового учреждения, но по результатам первого года работы стала очевидна необходимость привлечения средств из других источников, в частности руководство Временного комитета обратилось за финансовой поддержкой к правительству.

Первое заседание Временного комитета состоялось 12 декабря 1911 г., после чего потребовалось время на решение организационных и финансовых вопросов. Поэтому лаборатории Комитета открылись только спустя почти год — в начале октября 1912 г. В частности, были организованы химическая и микробиологическая лаборатории, а также гидрологический отдел. С самого начала перед вновь учрежденным Комитетом были поставлены три основные задачи: 1) изучение водоемов, 2) характеристика сточных вод

³⁵ Отчет Временного Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов за 1912 год. М., 1913. С. 10.

³⁶ Там же. С. 147, 152; Отчет Временного Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов за 1913 год. М., 1914. С. 36.

³⁷ Отчет Временного Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов за 1912 год. С. 8–9.

по их составу и свойствам, 3) анализ эффективности различных методов очистки сточных вод в зависимости от их характеристик³⁸. Программы исследований формировались на основе аналогичных работ, проводившихся в других странах. Исследования проводились в разное время года в специально организованных пунктах забора проб. Гидрологический (инженерный) отдел занимался также составлением карт исследуемых рек (с нанесением на них промышленных предприятий, плотин), чертежей очистных установок различных фабрик и заводов, составлением проектов опытных установок. Отчеты Комитета содержат информацию о степени и характере загрязнений таких рек, как Москва-река и нескольких ее притоков (Яуза, Сетунь), Нара (приток Оки), рек Уводь и Теза (притоки Клязьмы — крупнейшего левого притока Оки). Часть проб бралась и непосредственно из Оки.

Поскольку на оборудование собственной опытной станции средств не хватало, Временный комитет договаривался с владельцами промышленных предприятий о проведении на их базе испытаний различных очистных установок. Многие предприниматели не только позитивно реагировали на такого рода предложения, но, случалось, и сами обращались с просьбой включить их в программу экспериментов. Так, в 1912 г. после переговоров с владельцами было получено разрешение на изучение эффективности использовавшихся систем очистки стоков на Ликинской мануфактуре и красильно-отделочной фабрике Товарищества Московской шерстоткацкой мануфактуры. В 1913 г. были достигнуты соглашения о сотрудничестве с Товариществом «А. Красильщиковой с сыновьями», а также с Раменской фабрикой Малютиных, где владельцами планировалась установка новой большой очистной станции в связи с открытием красильного отделения.

Представляется важным, что деятельность Комитета предусматривала, согласно «Положению», не просто организацию и проведение лабораторных анализов и технических экспериментов, но и выработку четких требований к составу и свойствам промышленных и бытовых стоков, составление практических рекомендаций по очистке сбрасываемых в реки жидкостей. Указанные сведения включались в ежегодные отчеты Временного комитета и направлялись губернаторам и градоначальнику, которые, в свою очередь, должны были сделать их обязательными для исполнения. Усилиями сотрудников Комитета были выработаны «нормы для сточных вод Шуй-

³⁸ Отчет Временного Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов за 1912 год. С. 3.

ских фабрик», направленные затем Владимирскому губернатору, тот, в свою очередь, адресовал их Шуйской городской управе «на предмет составления соответствующих обязательных постановлений»³⁹. Однако, если власти считали предложения Комитета неэффективными или не соответствующими местным условиям, то они сообщали об этом Комитету, а также в Министерство торговли и промышленности.

Будучи пилотным проектом, Временный комитет планировался именно как временное учреждение. Более высокой результативности его работы помешала начавшаяся Первая мировая война, однако даже после этого водоохранная деятельность данного учреждения не остановилась.

* * *

Таким образом, на решение проблем, связанных с загрязнением рек в городах, были направлены усилия центральных и местных властей, представителей науки, специалистов-практиков в области химии, инженерии и строительства городских инфраструктурных объектов, предпринимателей. Именно совместные проекты давали наиболее заметные результаты, да и в целом получали возможность реализовать достаточно обширные программы исследования речной воды, городских стоков, а также оценить эффективность очистных сооружений и качество воды, поступающей в городские водопроводы. Вопросами создания городских коммуникаций и улучшения экологии российских городов занимались не случайные люди, а высококлассные специалисты. Немаловажно, что многие из принимаемых в ходе этих обсуждений решений содержали конкретные предложения по их последующей реализации. Хотя приходится признать, что целый ряд полезных инициатив в вопросе охраны водных ресурсов остались на бумаге, либо осуществлялись не в полном объеме в силу нехватки финансирования. В ходе многочисленных обсуждений подчеркивалось, что к требованиям очистки сбросов нужно подходить не с единой меркой, а отталкиваясь от конкретных местных условий. Например, если стоки не влияли на качество воды в точке водозабора для нужд местных жителей или соседних населенных пунктов, то ставить высокие требования по их очистке не требовалось, и чтобы уменьшить расходы на очистные работы, можно было ограничиться

³⁹ Отчет Временного Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов за 1915 год. М., 1917. С. 6–7.

лишь самой поверхностной очисткой⁴⁰. Таким образом, все усилия были направлены именно на обеспечение населения водой, отвечающей санитарным требованиям и пригодной для употребления в пищу. В данном случае не ставилась масштабная задача по выработке мер экологической политики с целью охраны природной среды, в том числе водоемов. Интенсивный процесс урбанизации требовал в начале XX в. принятия более энергичных мер в водоохранной сфере, реализовать которые было трудно в условиях начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны.

References

Afanasyev G.Yu. *Nevskaya voda i zagryazneniya bol'shogo goroda: k voprosu ob ekologicheskikh aspektakh istorii Sankt-Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka* [Neva Water and Pollution of the Large City: On the Environmental Aspects of the History of Saint Petersburg in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 2015. N 4. P. 40–46.

Agafonova A.B. *Ekologicheskiye problemy gorodskoy sredy v XIX — nachale XX vekov* [Ecological Problems of Urban Environment in the 19th and Early 20th Centuries] // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. N 7. P. 28–32.

Davydov A.N. *Bor'ba vokrug ekologicheskikh posledstviy predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Moskovskom promyshlennom rayone v nachale XX v.* [Struggle around the Environmental Consequences of Business Activities in the Moscow Industrial District in the Early 20th Century] // *Vestnik RUDN. Series "Istoriya Rossii"*. 2006. N 1. P. 116–125.

Gorbushina A.A. *Problemy sanitarnogo blagoustroystva gorodov na stranitsakh gorodskoy vrachebno-sanitarnoy pechati Rossii nachala XX veka* [Issues of Urban Sanitary Improvement on the Pages of the Urban Medical-Sanitary Press of Russia in the Early 20th Century] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2016. Vol. 26. Issue 1. P. 132–136.

Gudova M.G. *Problema zagryazneniya vodnykh resursov goroda v kontekste stanovleniya sanitarnogo zakonodatel'stva v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vekov* [Urban Water Pollution in the Context of the Formation of Sanitary Legislation in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Agrarnoye i zemel'noye pravo*. 2019. N 10. P. 27–28.

Kiskidosova T.A. *Sanitarnoye sostoyaniye gorodov Yeniseyskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX vv.* [Sanitary Conditions of Towns in Yenisei Province in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. N 403. P. 49–53.

Lankina Yu.S. *Sanitarno-gigiyenicheskoye sostoyaniye gorodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii kak element povsednevnoy zhizni obyvateley v kontse XIX — nachale XX vv.* [Sanitary and Hygienic Conditions of Towns in the South of the Far East of Russia as an Element of Everyday Life of Ordinary People in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Istoriya. Politologiya"*. 2015. Issue 35. N 13 (210). P. 138–142.

Sergiyenko M.A. *Sanitarno-gigiyenicheskoye sostoyaniye gorodov Kurskoy gubernii kak element povsednevnoy zhizni obyvateley v kontse XIX — nachale XX vv.* [Sanitary and Hygienic Conditions of Towns in Kursk Province as an Element of Everyday Life of the Inhabitants in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Istoriya. Politologiya"*. 2015. Issue 35. N 13 (210). P. 142–147.

Sherstneva E.V. *Blagoustroystvo gorodov i sanitarnyy nadzor v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Urban Improvements and Sanitary Control in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdavoookhraneniya i istorii meditsiny*. 2015. N 2. P. 52–56.

Sherstneva E.V. *Pervyye gorodskie sanitarnyye stantsii v Rossii: istoriya sozdaniya i osnovnyye napravleniya deyatel'nosti (k 125-letiyu so vremeni osnovaniya)* [The First Urban Sanitary Stations in Russia: The History of Creation and the Main Directions of Activities (to the 125th Anniversary since Their Foundation)] // *Gigiyena i sanitariya*. 2017. N 96 (2). P. 187–189.

Tyapkina O.A., Tyapkin M.O. *Ekologicheskoye sostoyaniye malykh gorodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Ecological State of Small Towns in Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. N 6. P. 89–97.

Поступила в редакцию
19 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-91-116

А.А. Вершинин

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В КОНТЕКСТЕ
ГЕНЕЗИСА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

A.A. Vershinin

**MUTUAL PERCEPTION OF THE GREAT
POWERS IN THE CONTEXT OF THE
GENESIS OF THE WORLD WAR II
(THE CASE OF SOVIET-FRENCH RELATIONS)**

Аннотация. Проблема восприятия в международных отношениях давно изучается в политологии, однако историки до сих пор не уделяли ей достаточного внимания. Между тем взгляд через ее призму на известные события позволяет сделать новые выводы об их истоках. Плодотворным полем для апробирования этого подхода может служить предыстория Второй мировой войны и ее ключевой эпизод — провал попыток сдержать гитлеровскую агрессию в Европе совместными усилиями Франции и Советского Союза. Для военно-политических элит Франции СССР являлся опасным в непредсказуемости своей политики, но внутреннее непрочным

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН

Vershinin Aleksandr Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Russia in the Twentieth and Twenty First Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)»).

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-00622 “Strategic Culture of the Great Powers in the Twentieth and Twenty First Centuries: A Comparative Historical Study (Russia and the USA)”).

государством. Эта презумпция нивелировала в глазах французов все успехи советского руководства в модернизации страны и вооруженных сил. Обострение военной опасности в Европе после 1933 г. побудило Париж лишь предложить Москве роль рядового участника системы коллективной безопасности, которая, исходя из опыта Первой мировой войны, проектировалась как новая модель развития международных отношений, минимизирующая конфликтное взаимодействие между государствами. Советское руководство смотрело на Францию как на лидирующую империалистическую державу, ставящую во главу угла антисоветские цели, но ситуационно заинтересованную в ограничении германского экспансионизма. При этом в Москве полагали, что советско-французское сотрудничество может быть эффективно лишь в формате равноправного стратегического альянса, направленного на сдерживание потенциального агрессора. Этот подход отвергался французской дипломатией, шедшей в русле политики умиротворения, что явилось источником глубокого кризиса в двусторонних отношениях в момент заключения Мюнхенских соглашений 1938 г. Крах умиротворения в начале 1939 г. привел к резкому повороту французского руководства к стратегическому планированию возможной войны, что создало окно возможностей для договоренности с СССР. Но инерция старых предубеждений лишила практического содержания трехсторонние англо-франко-советские переговоры весной–летом того же года, что, в свою очередь, открыло путь к советско-германскому соглашению.

Ключевые слова: восприятие в международных отношениях, кризис Версальской системы, Вторая мировая война, советско-французский пакт о взаимопомощи, Мюнхенские соглашения, англо-франко-советские переговоры.

Abstract. Perception in international relations has long been studied in political science, but historians have not paid sufficient attention to it so far. Meanwhile, looking at known events through its prism allows us to draw new conclusions about their origins. The prehistory of World War II and its key episode — the failure of attempts to deter Hitler's aggression in Europe through the joint efforts of France and the Soviet Union — can serve as a fruitful field for testing this approach. For the military and political elites of France, the USSR was dangerous due to its unpredictability, but an internally fragile. This presumption leveled all the successes of the Soviet leadership in modernizing the country and the armed forces in the eyes of the French. The increased military danger in Europe after 1933 prompted Paris merely to offer Moscow the role of an ordinary participant in the system of collective security, which was based on the experience of World War I and designed as a new model for the development of international relations and minimization of conflicts between countries. The Soviet government viewed France as a leading imperialist power that prioritized anti-Soviet goals, but had a situational interest in limiting German expansion. At the same time, Moscow believed that Soviet-French cooperation could be effective only as an equal strategic alliance aimed at deterring a potential aggressor. This approach was rejected by French diplomacy, which followed the policy of appeasement. It was a source of a deep crisis in bilateral relations at the time of

the 1938 Munich agreements. The collapse of appeasement in early 1939 led to a sharp turn by the French government to strategic planning for a possible war and created a window of opportunity for an agreement with the USSR. However, the inertia of old prejudices deprived the tripartite Anglo-French-Soviet negotiations in the spring and summer of 1939 of their practical content and opened the way for a Soviet-German agreement.

Keywords: perception in international relations, crisis of the Versailles system, World War II, Soviet-French Mutual Aid Pact, Munich agreements, Anglo-French-Soviet negotiations.

* * *

В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны ее исследователи в западных странах в целом соглашались с известным утверждением У. Черчилля, назвавшего самый разрушительный в истории вооруженный конфликт «ненужным»¹. Подобное видение предполагало, что беспрецедентный по масштабу вызов безопасности со стороны нацизма подводил национальные интересы всех противостоявших Германии держав под общий знаменатель, и тот факт, что ее так и не удалось сдержать, объясняется простой недалекостью и некомпетентностью политиков, стоявших во главе государств-хранителей статус-кво. В 1960-е гг. британский историк А.Дж.П. Тейлор и его последователи (так называемые ревизионисты) попытались опровергнуть эту логику, заявив, что в стратегическом плане никакой экзистенциальной угрозы со стороны А. Гитлера, способной вдохновить всех его противников общей задачей сдерживания, не исходило, а цели, которые он ставил перед собой после 1933 г., принципиально не расходились с тем, чего ранее добивались О. Бисмарк и Вильгельм II².

Критика идей ревизионистов задала вектор развития историографии причин Второй мировой войны в последней трети XX — начале XXI в. Полемика, развернувшаяся между сторонниками Тейлора и их оппонентами, оказалась плодотворной³. Современные исследователи в основном согласны с тем, что Гитлер действительно реализовывал задачу достижения глобального доминирования Германии через утверждение нацистской идеологии в мировом масштабе, однако был вынужден играть по общим для всех правилам стратегии, что делало картину международных отношений в 1930-е гг. далекой

¹ Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1. Boston, 1986. P. XIV.

² Martel G. The Revisionist as Moralist. A.J.P. Taylor and the Lessons of European History // The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians. London; New York, 1999. P. 1–12.

³ Adamthwaite A. Historians at War. The Origins of the Second World War: An International Perspective / Ed. by F. McDonough. London; New York, 2011. P. 507–522.

от черно-белой⁴. Дискуссия обозначила и еще одну ключевую проблему: реконструируемые историками интересы и намерения основных международных игроков в условиях предвоенного десятилетия могли выглядеть принципиально иначе. Субъективное восприятие великими державами друг друга создавало сложные карты промежуточных целей, угроз и рисков, определявшие действия политиков в Берлине, Риме, Париже, Лондоне, Москве.

«Кривое зеркало» внешнеполитического реализма

В большом массиве разнообразной литературы, посвященной теории принятия внешнеполитических решений, выделяется тезис, не вызывающий принципиальных споров: любой демарш государства на международной арене рационален лишь в известной степени⁵. Как выразились авторы одного из крупных исследований данной темы, субъекты процесса принятия внешнеполитических решений и условия, в которых этот процесс разворачивается, «оказывают друг на друга конституирующее воздействие» (*mutually constitutive*)⁶. Иными словами, в международных отношениях не существует тех неизменных координат, отталкиваясь от которых политик мог бы рационально спланировать свои шаги. Более того: среда, в которой он оперирует, трансформируется в зависимости от того, какой ее видят субъекты и какие действия совершают. Как следствие, объективная картина международных событий фрагментируется, распадаясь на множество образов, соответствующих системам ценностей и моделям стратегического поведения вовлеченных в них игроков.

Как показал Р. Джервис в своем фундаментальном исследовании проблемы восприятия в международной политике, их «структуры верований» подвержены множеству воздействий. Действующие субъекты, как правило, убеждены в том, что вынашиваемые ими намерения прозрачны, и партнеру «достаточно представить, что бы он сам сделал в данных обстоятельствах, чтобы знать, что сделает

⁴ Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2019. С. 15–23.

⁵ Janis I. L., Mann L. Decision making: a psychological analysis of conflict, choice, and commitment. New York, 1977; Neustadt R.E., Mintz A., DeRoquen Jr K. The Rational Actor Model // Understanding Foreign Policy Decision Making. Cambridge, 2010. P. 57–67; Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М., 2004; Кочетков В.В. Концептуальные подходы и теоретические модели процессов принятия внешнеполитических решений: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2008. № 3. С. 100–113; Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М., 2022.

⁶ Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J. Norms, Identity, and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Ed. by P.J. Katzenstein. New York, 1996. P. 40.

другой в аналогичных условиях»⁷. При этом высокий динамизм современной внешнеполитической конъюнктуры не оставляет принимающим решения лицам времени для рефлексии. Необходимость «экономно» объяснять происходящие события и искать «короткий путь к рациональности» заставляет их всё больше полагаться на имеющееся у них «предзнание» о партнере. В то же время само это «предзнание» зачастую субъективно, так как основано на целом ряде априорных гипотез, которые в свою очередь отсылают не к реальным намерениям партнера, а к наиболее удобному для субъекта объяснению его прошлых действий, и подвержены эффекту «когнитивного замыкания», когда первая же интерпретация события становится основополагающей на будущее⁸.

Вплоть до конца XIX в. европейский концерт держав функционировал на понятных основаниях, которые во многом воспроизводили традиционные подходы — идею порядка как общего блага, принцип справедливого распределения силы и влияния, представление о квазисемейной солидарности, связывающей великие державы⁹. Современный период, открывшийся Первой мировой войной, полностью порывал с этой реальностью. «Наше понимание событий XX века, — отмечает британский историк Дж. Хэслэм, — не может сводиться к простым объяснениям в духе традиционной политики баланса сил без серьезного ущерба для истины»¹⁰. Мировая война способствовала бурной идеологизации всех сфер общественной жизни, которая смела то, что еще оставалось от единой системы ценностей и ориентиров великих держав.

Главное, что подверглось пересмотру в результате Первой мировой войны, — это категория национального интереса, игравшая роль несущей конструкции в европейском концерте. Размах боевых действий и огромные потери девальвировали ее. Единственной рациональной целью внешней политики стало видеться сохранение мира любой ценой. Произошла важная инверсия, о которой пишет американский международник Э. Люттвак: «Попытки проецировать прямолинейную логику в область конфликта в поисках совместных решений, основанных на здравом смысле, предпринимаются весьма часто. Если мы хотим мира, почему просто не жить в нем? Если мы согласны с тем, что оружие дорого и опасно, почему просто не

⁷ Джервис Р. Указ. соч. С. 164.

⁸ Там же. С. 273–394.

⁹ Schroeder P.W. The Transformation of European politics, 1763–1848. New York, 1994. P. 8–9.

¹⁰ Haslam J. The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II. Princeton; Oxford, 2021. P. VIII.

разоружиться?»¹¹. Межгосударственные отношения предполагалось заключить в жесткие рамки институтов, сведя к нулю их конфликтное начало. Кроме того, произошло глубокое переосмысление политики сдерживания в качестве формы поддержания международной стабильности. Практика заключения взаимообязывающих военно-политических альянсов, автоматически приводящихся в действие в случае наступления *casus foederis*, была признана неэффективной и потенциально опасной для дела мира¹².

Новые подходы к политике безопасности имели свое объяснение в свете шока Первой мировой войны, однако основывались на эмпирически непроверенной презумпции того, что конфликтная природа международных отношений является результатом инерции прошлого, а цели основных мировых игроков, представшие в новом свете после 1918 г., в принципе дополняют друг друга. Проекция логики с позиции здравого смысла на сферу международных отношений вела к эрозии стратегического мышления как интеллектуальной основы процесса принятия внешнеполитических решений, который, будучи жестко вписан в рамки институционального взаимодействия, терял гибкость, особенно важную в периоды нестабильности. После 1933 г. вызов становился всё более очевидным. Поиск практического, а не умозрительного ответа на него требовал перехода к стратегическому планированию возможного конфликта, что, помимо признания высокой вероятности новой войны, которое само по себе переворачивало все прежние расчеты, означало реабилитацию политики коалиционного строительства и целесообразность выстраивания отношений с единственной страной на континенте, способной по своему потенциалу противостоять немцам на поле боя.

Специфику советско-западных отношений в десятилетие накануне Второй мировой войны целесообразно рассматривать через французскую «линзу». Именно советско-французский тандем играл роль единственного эффективного противовеса германскому экспансионизму в Европе: любые другие комбинации не имели для этого необходимой совокупной мощи. В отличие от советско-британских, советско-французские отношения в 1930-е гг. отличались в целом высокой степенью интенсивности, а достигнутые между двумя странами договоренности были закреплены в нескольких крупных соглашениях. Именно от взаимопонимания между Москвой и Парижем

¹¹ Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. М., 2012. С. 271.

¹² Магадеев И.Э. Первая мировая война и тренды европейской истории XX века. М., 2021. С. 66.

зависели перспективы сдерживания гитлеровского экспансионизма, которые в итоге не реализовались. В историографии этот парадокс часто объясняется противопоставлением глубинных интересов двух стран, которые, как утверждается, лишь использовали фактор германской угрозы для решения иных внешне- и внутривосточных задач¹³. Изучение особенностей взаимного восприятия Советского Союза и Третьей республики на основе опубликованных и новых архивных документов позволяет посмотреть на проблему под другим углом зрения.

«Мы не может говорить о таком же сближении с Россией, как, например, с Англией...»

Отношения СССР и Франции на протяжении всего межвоенного периода развивались в тени двух войн, имевших экзистенциальное значение для судеб этих стран — Первой мировой, едва не приведшей к краху Третьей республики, и Гражданской, в огне которой выковалось само советское государство. Уже одно это обстоятельство сильнейшим образом преломляло восприятие Москвой и Парижем целей и намерений друг друга. Р. Джервис не ошибался, когда утверждал: «В силу драматического и всепроникающего характера войны и ее последствий, связанный с ней опыт предшествовавших дипломатических усилий, методы боевых действий, сформировавшиеся союзы и то, чем война завершилась, будет глубоко влиять на предрасположенности большинства граждан»¹⁴.

Обстоятельства, приведшие Российскую империю к военно-политическому краху в 1917 г., играли для Парижа ключевую роль в восприятии Советского Союза. Успехи СССР в создании промышленного потенциала в годы первых пятилеток, качественный и количественный рост Красной Армии (РККА) отходили на второй план перед болезненной памятью о катастрофе императорской армии, сепаратном Брестском мире и последовавшим за ними разрушением всего здания российской государственности. Уверенность в том, что Советский Союз является рыхлым и внутренне нестабильным политическим образованием, не готовым к участию в масштабном вооруженном конфликте, разделялась широкими кругами общественного мнения¹⁵, а также большей частью военно-политической элиты.

¹³ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976; Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М., 2009.

¹⁴ Джервис Р. Указ. соч. С. 458.

¹⁵ Caillé S. La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique. Paris, 2017. P. 213–246.

С конца 1920-х гг. до 1931 г. именно этот посыл являлся ключевым в донесениях первого посла Франции в Москве Ж. Эрбета¹⁶. Его преемники в основном были настроены конструктивно в отношении перспектив двустороннего сотрудничества, но и они находились под влиянием прошлого.

Ш. Альфан, посол в 1933–1936 гг., будучи одним из энтузиастов советско-французского сближения, тем не менее, признавал, что недавний опыт краха империи многое говорит о политической незрелости российского общества, которое исторически «никогда не управляло само своим развитием», доверяя решение этой важнейшей задачи иностранцам¹⁷. Этот тезис активно отстаивал и первый военный атташе Франции в Москве полковник Э. Мандрас. По мнению военного, опиравшемся на оценки целого ряда французов, не первый год проживавших в СССР, в начале 1930-х гг. советская власть переживала «наиболее острый кризис из всех, с которыми ему доводилось сталкиваться»¹⁸, и сама целесообразность налаживания каких-либо устойчивых контактов с Советами зависела от того, насколько дееспособным окажется их режим¹⁹. Преемник Ш. Альфана Р. Кулондр, не считая внутривнутриполитический катаклизм в СССР наиболее вероятной перспективой развития событий, одновременно указывал на то обстоятельство, что динамика, запущенная революцией, всё еще поддерживает центробежные процессы, с которыми пытается бороться И.В. Сталин²⁰.

В том же духе высказывались участники французских военных миссий, посетивших Советский Союз. Современное техническое оснащение Красной Армии производило на них впечатление, но не снимало опасений того, что в критически важный момент русские вновь не выдержат напряжения индустриальной войны на протяженном фронте. Генерал Л. Луазо, участвовавший в учениях войск Белорусского военного округа в 1935 г. и в целом одобрявший со-

¹⁶ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее — AMAE). Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 959. Note sur les relations entre l'URSS et les « Puissances capitalistes », le 26 mars 1931; 962. L'Ambassadeur de la République Française à Moscou à M. Aristide Briand, le Ministre des Affaires Etrangères. Entretiens avec M. Litvinov. 26 février 1930.

¹⁷ Documents diplomatiques français (1932–1939) (далее — DDF). 1e série (1932–1935). T. IV. Paris, 1968. P. 427.

¹⁸ Archives du Service Historique de la Défense — Département de l'Armée de Terre (далее — SHD-DAT). 7N 3121. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte rendu de séjour. Période de 25 avril au 5 mai 1933.

¹⁹ Ibid. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre. 14 août 1933; *Bach A.* Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d'Histoire. Université de Paris I Panthéon-Sorbonne, Paris, 1981. P. 77.

²⁰ DDF. 2e série (1936–1939). T. IV. Paris, 1967. P. 363–365.

трудничество с СССР, опасался, что на полях сражений РККА могла столкнуться с той же проблемой, что и царская армия в 1914–1917 гг.: приток миллионов призывников из крестьянской среды неизбежно снизил бы ее боевые качества и подорвал бы ее лояльность режиму²¹. Институт комиссаров ассоциировался у французских офицеров с идеологизацией вооруженных сил, которая не только сыграла роковую роль в недавней истории России, но и угрожала единству французской армии в 1917 и 1919 гг.²²

Воображаемая внутренняя неустойчивость СССР, как полагали в Генеральном штабе сухопутных войск Франции, делала его даже менее ценным союзником, чем Польша, чья армия, «в отличие от русской, будучи теснее связанной с живыми силами страны, была способна поддерживать долговременные [военные] усилия» и тем самым представляла собой более важный актив с точки зрения коалиционного взаимодействия²³. Л. Блюм, председатель правительства Третьей республики в 1936–1937 и в 1938 гг., впоследствии признавал: «В глубине души Генеральный штаб был убежден в том, что польские вооруженные силы превосходят советские или, по крайней мере, могут быть нам более полезны, за исключением, пожалуй, авиации»²⁴.

Вместе с тем, весь набор клише, в свое время связанный в массовом сознании французов с царской Россией, но до определенного момента скрывавшийся за образом могущественного «парового катка»²⁵, отнюдь не исчез с приходом к власти большевиков. Он лишь экстраполировался на новые ожидания, выросшие из опыта революции 1917 г. Рассуждениями о несовершенстве славянского культурного типа наполнены страницы французских дипломатических и военных документов за 1930-е гг. В сентябре 1933 г. Ш. Альфан писал о склонности славян к внешним эффектам в ущерб практической работе. Тогда же мыслями о «сверхчувствительной славянской психологии», неустойчивой и подверженной эмоциональным срывам²⁶, обменивались военный атташе Э. Мандрас и его корреспондент

²¹ SHD–DAT. 7N 3183. Général Loizeau. Impressions retirées du séjour aux manœuvres de l'URSS. 6 octobre 1935.

²² Ibid. 7N 3184. Compte-rendu du stage effectué en Russie par les commandants Bourcart et Bierre, et le capitaine Le Gouest, juillet–septembre 1937.

²³ Ibid. 7N 3131. Note sur les avantages et les inconvénients de l'alliance russe. 24 avril 1935; Alexander M.S. *The Republic in Danger. General Maurice Gamelin and the politics of French defence, 1933–1940*. Cambridge, 1992. P. 282–286.

²⁴ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945. Vol. 1. Paris, 1951. P. 128.

²⁵ *Cœuré S.* Op. cit. P. 20–41.

²⁶ *Lattre de Tassigny J., de.* Ne pas subir. Écrits 1914–1952. Paris, 1984. P. 148.

в Париже подполковник Ж. де Латр де Тассиньи, один из главных моторов сближения между СССР и Францией в военной сфере.

В 1936 г. французский офицер, стажировавшийся в артиллерийском полку РККА, с явным раздражением комментируя внедренные в нем подходы к военному обучению, упоминал об «отсутствии чувства меры, свойственном славянам»²⁷. Другой французский стажер годом ранее, развивая тезис о неспособности русской армии вести современную войну, писал: «Есть одно качество, которое испокон веков отсутствует у русских и которое им будет трудно приобрести: это естественная энергия, которая делает возможным долговременное усилие. В той спартанской атмосфере, которая у них сегодня в чести, еще видны следы традиционной славянской беспечности, любви ко сну, вкуса к праздности, недовольства перед необходимостью в чем-либо торопиться»²⁸. «Славянский дух» у французов неизменно ассоциировался с хаосом и анархией, что побуждало, например, Э. Мандраса и Р. Кулондра оправдывать самые жесткие шаги сталинского режима, направленные, как они полагали, на укрепление начал государственности²⁹, которые, впрочем, не имели ничего общего с западной традицией.

Французские дипломаты и военные смотрели на Советскую Россию как на страну преимущественно восточную. Э. Мандрас, подбирая аргументы в пользу продолжения переговоров с Москвой, напоминал своему руководству в Париже: «Как и все народы Востока, русские имеют развитую склонность к торговле и глубоко усвоенную привычку маневрировать»³⁰. Советский режим он описывал как типичную восточную деспотию, в которой властвует «суровое божество», «идол, вскормленный человеческими жертвами» — коммунистическая партия, а ее «жрецом» является Сталин³¹. В разгар напряженной дипломатической игры летом 1939 г. французский МИД, напутствуя отправлявшуюся в Москву военную миссию во главе с генералом Ж. Думенком, рекомендовал ее участникам «ни в коем случае не игнорировать специфику восточного характера

²⁷ SHD-DAT. 7N 3184. Rapport du chef d'escadron Eon du 163e Régiment d'artillerie concernant le stage qu'il a effectué en URSS du 16 juillet au 1 septembre 1936.

²⁸ Ibid. 7N 3183. Rapport du chef d'escadron Dion du 28e régiment d'artillerie divisionnaire sur son stage au 2e régiment d'artillerie divisionnaire soviétique (août-septembre 1935).

²⁹ Ibid. 7N 3121. Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933; DDF. 2e série (1936-1939). T. IV. P. 714-715.

³⁰ Цит. по: *Bach A.* Op. cit. P. 176.

³¹ Ibid. 7N 3122. Le Lieutenant-Colonel Simon, Attaché Militaire à Moscou à Monsieur le Ministre de la Guerre, à l'état-major de l'armée (2e Bureau). Voyage à Transcaucasie. 9 décembre 1935.

русских»³². К началу Второй мировой войны в умах французской элиты вполне сложилось убеждение, что СССР является «неевропейским» по своей сути политическим образованием, само ведение диалога с которым затруднительно³³.

Память о событиях 1917–1919 гг. заставляла французов действовать «от противного»: не допускать сближения, которое могло бы «инфицировать» Францию коммунистической идеологией, и предотвращать советско-германское соглашение, напомилавшее о Брестском мире, едва не стоившем Парижу победы в Первой мировой войне. Эта «политика ночной лампочки» (выражение М.М. Литвинова)³⁴, лишь слабо подсвечивавшая двусторонние отношения, не имела конструктивного наполнения, но оно долгое время и не мыслилось как возможное: на Советы смотрели как на чуждую в политическом, идеологическом и культурном смысле силу, с которой в принципе отсутствуют точки пересечения интересов. Э. Мандрас откровенно высказывался на страницах своей переписки в 1934 г.: «Из того факта, что Россия — это коммунистическая страна, для нас, французов, следует, что мы не можем говорить о таком же сближении с ней, как, например, с Англией... Я часто с тревогой задаюсь вопросом о том, сможем ли мы вообще когда-нибудь договориться о чем-то серьезном с людьми, настолько далекими от нас»³⁵.

Однако главные трудности начинались тогда, когда международная обстановка сделала сохранение подобного отстраненного подхода невозможным. Потребность в эффективном диалоге с Москвой предполагала активную политику, основанную на правильной расшифровке намерений партнера, и как следствие — переоценку прежних воззрений, базировавшихся на опыте двадцатилетней давности. Но французы оказались в плену стереотипов. В Париже на протяжении 1930-х гг. предпочитали не рассматривать всерьез мысль о том, что у Москвы может иметься собственная активная позиция в отношении европейских военно-стратегических раскладов. И аппарат посольства, и военный атташат разделяли мнение о том, что внешняя политика СССР пассивна в силу внутренней слабости советского государства. Многочисленные свидетельства серьезной трансформации СССР, включая создание в стране мощной промыш-

³² DDF. 2e série (1936–1939). T. XVII. Paris, 1984. P. 597–598.

³³ Dessberg F. L'Union soviétique où l'impossible allié (1922–1941) // Les Européens et la guerre / Sous la dir. de F. Dessberg, C. Malis, I. Davion. Paris, 2013. P. 95–96.

³⁴ Carley M.J. Stalin's Gamble. The Search for Allies against Hitler, 1930–1936. Toronto; Buffalo; London, 2023. P. 39.

³⁵ Цит. по: Bach A. Op. cit. P. 184–185.

ленной базы, не игнорировались, но откладывались в сторону как несущественные. «Отказ от нежелательной информации чаще всего происходит, когда нет стимулов к точности»³⁶: Советы, с точки зрения французской дипломатии, являлись не тем игроком, ради сближения с которым стоило пересматривать устоявшиеся подходы и тратить на это политические и организационные ресурсы.

Ж. де Латр де Тассиньи, Э. Мандрас и Ш. Альфан убеждали военно-политическое руководство Франции, что Россия напугана ростом германского экспансионизма и ищет не просто помощь в его сдерживании, а ту страну, которая вместо Германии возьмет на себя роль ее проводника в западный мир³⁷. Р. Кулондр в 1938 г. развивал встречавшийся и у его предшественников тезис о том, что миролюбие советской внешней политики является прямым следствием нестабильности сталинского режима³⁸. Отсюда вытекал желаемый вывод: СССР в любом случае встроится в курс западных держав, направленный на сохранение статус-кво. Идея того, что сохранение мира является безусловным императивом международных отношений, которая сформировалась в западном интеллектуальном поле под влиянием тяжелого опыта войны 1914–1918 гг., по умолчанию использовалась для объяснения поведения страны, имевшей принципиально иной стратегический «бэкграунд».

Взгляд из осажденной крепости

Для России Первая мировая война, формально завершившись в марте 1918 г., сразу перетекла в ожесточенный гражданский конфликт, из которого вырос новый общественный строй. Это обстоятельство смещало фокус восприятия этой войны людьми, которые в условиях стабильного политического процесса не имели шансов оказаться у власти. Война интерпретировалась не как факт истории, из которого необходимо сделать выводы и оставить его в прошлом, а как модельная ситуация для развития международных отношений. Р. Джервис в этой связи отмечает: «То, как они захватили столь значимую для них власть, повлияет на концепции и стратегии, которые они позже применят к управлению своей страной и общению с миром»³⁹. Невосприимчивость мышления большевистских лидеров к фактору изменчивости внешних условий, взгляд на политику как

³⁶ Джервис Р. Указ. соч. С. 588.

³⁷ *Lattre de Tassigny J. de*. Op. cit. P. 141–142; SHD–DAT. 7N 3121. *Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine*, 20 octobre 1933; DDF. 1^е série (1932–1935). T. IV. P. 427–430.

³⁸ DDF. 2^е série (1936–1939). T. IX. Paris, 1974. P. 392.

³⁹ Джервис Р. Указ. соч. С. 453.

статичное состояние⁴⁰ закрепляли это особое отношение к войне, из которого вытекало два важных следствия. Во-первых, конфронтация, принимающая разные формы, но остающаяся бескомпромиссной, считалась нормальным состоянием международных отношений. Во-вторых, расклад сил в ней виделся неизменным: Советская Россия против империалистических держав, выступающих в блоке или по отдельности.

В то время как Запад в рамках системы коллективной безопасности делал ставку на создание таких условий международного развития, при которых война окажется невозможной, а мир превратится в естественное положение дел, в Москве жили в постоянном предчувствии столкновения со старыми врагами и строили свою политику, исходя из этого. В 1920–1930-е гг. она принимала различные формы, но сам этот подход заставлял советских лидеров мыслить стратегически — в категориях оттягивания конфликта ради подготовки к нему, разделения и ослабления потенциальных противников, укрепления военной мощи. Этот язык в принципе не совпадал с тем, на котором в те годы изъяснялась западная дипломатия. При этом советское руководство полагало, что владеет истинным знанием о том, в каком направлении движется мир, и понимает мотивы действий империалистов лучше, чем они сами⁴¹. Р. Джервис пишет о том, что осознание государством внешнеполитических реалий «фильтруется через эгоцентризм»⁴². В случае с СССР, который осмыслял себя в качестве единственного в мире оплота социализма, это обстоятельство играло особую роль и усугубляло эффект «туннельного зрения».

В случае с Францией, которую в Москве по крайней мере до 1935–1936 гг. считали военно-политическим лидером Западной Европы⁴³, подобное мировоззрение играло особую роль. Третья республика присутствовала при рождении социалистического государства как один из ключевых антигероев — враг коммунистической идеологии и инициатор иностранной интервенции. Марксистско-ленинское восприятие французской буржуазной демократии традиционно отличалось рядом особенностей. В представлении В.И. Ленина во Франции власть «крупной буржуазии», которую олицетворяло собой любое правое или правоцентристское правительство, всегда являлась оборотной стороной господства «клерика-

⁴⁰ Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М., 2001. С. 117–123.

⁴¹ Berlin I. The Soviet Mind. Russian Culture under Communism. Washington, 2004. P. 91–92.

⁴² Джервис Р. Указ. соч. С. 389.

⁴³ Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. London, 1984. P. 16.

кально-феодальной реакции»⁴⁴. Идеологически окрашенный образ реакционно-милитаристской Франции проник и в пропаганду: именно через фигуру военного советские карикатуристы зачастую отображали актуальные внутри- и внешнеполитические реалии Третьей республики⁴⁵.

Парламентская демократия и многопартийная система виделась лишь ширмой для господства военного режима, который определял тот курс, которым следовали буржуазные политики. Перспектива потенциального «бонапартистского переворота», угрожавшего центристским и левоцентристским правительствам, никогда не сбрасывалась со счетов. С.И. Венцов, первый военный атташе СССР во Франции, в своих отчетах руководству представлял картину всевластия Генштаба армии и лично его начальника М. Вейгана⁴⁶. Генерала считали ставленником «иезуитской клики», под влиянием которой якобы находился весь французский генералитет⁴⁷, и едва ли не серым кардиналом парижской политики, менявшим министров по своему усмотрению и руководившим «планом генштабов» — общеевропейским заговором, предусматривавшим «ликвидацию мирового кризиса путем интервенции против СССР»⁴⁸.

В поведении Москвы явно прослеживалась «тенденция оценивания другой стороны централизованной и макиавеллистской»⁴⁹. Как позже писал философ И. Берлин, анализируя советский взгляд на британскую политику, «они [Советы] предполагают, что каждый спонтанный шаг британцев является частью какой-то долгосрочной схемы: если это не так, утверждают они, то как Британия могла приобрести такую мощь?»⁵⁰. То же самое можно сказать и применительно к советско-французским отношениям: как считалось, политические партии, стоявшие во главе Третьей республики, различались по своим взглядам на перспективы диалога с СССР, но все они были в большей или меньшей степени антисоветски ориентированы. Базовая установка оставалась неизменной: сотрудничество с Францией подчинялось логике использования межимпериалистических противоречий для более эффективной подготовки к войне.

⁴⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 22. М., 1968. С. 293.

⁴⁵ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 217, 222–223.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 432. Л. 131–139.

⁴⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 500. Л. 4 об; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 70. Л. 10 об.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 65–70.

⁴⁹ Джервис Р. Указ. соч. С. 530.

⁵⁰ Berlin I. Op. cit. P. 91.

В глазах советского военно-политического руководства архитектура двусторонних взаимоотношений с Парижем накануне Второй мировой войны выглядела достаточно ясной: Германия превращалась в угрозу безопасности обеих стран, что создавало ситуативную общность целей с французами при сохранявшихся фундаментальных разногласиях. Купирование военной угрозы сначала достигалось за счет молчаливого согласия сторон не вступать в отдельные переговоры с Германией, затем (после 1935 г.) — путем ограниченного сближения в военно-политической сфере, вплоть до заключения военной конвенции. В основе этого маневрирования, по мнению Москвы, лежала задача балансирования ради создания наиболее благоприятных условий вступления в будущий вооруженный конфликт. Именно с этой точки зрения И.В. Сталин воспринимал саму политику коллективной безопасности, видя в ней возможность сорвать гипотетическое создание антисоветского империалистического блока, а впоследствии — прообраз инструмента совместного силового сдерживания агрессора. Подобный подход резко диссонировал с реальным целеполаганием французской дипломатии.

В его расшифровке Москва допустила ряд ошибок. Философия коллективной безопасности, выросшая из западного опыта участия в Первой мировой войне, осталась в Кремле не прочитанной. Свою трактовку И.В. Сталин образно изложил в ходе беседы с лордом-хранителем печати Великобритании Э. Иденом в марте 1935 г.: «Вот нас здесь в комнате шесть человек, представьте, что между нами существует пакт взаимной помощи, и представьте, например, что т. Майский (полпред СССР в Великобритании. — *А.В.*) захотел бы на кого-нибудь из нас напасть, что получилось бы? Мы все общими силами победили бы т. Майского»⁵¹. Все французские предложения о сближении позиций, поступавшие с 1931 г, воспринимались именно с этой точки зрения. Там, где Париж вел речь о подключении СССР к общеевропейскому многостороннему механизму сохранения мира на правах рядового участника, Москва видела более или менее далеко идущий стратегический замысел, предполагающий торг и взаимные обязательства. Возникла ситуация не сбывающихся ожиданий, подогревающая недоверие к партнеру, которая нагляднее всего проявилась в ходе дискуссий вокруг советско-французского пакта о взаимопомощи 1935 г.⁵²

⁵¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. XVIII. М., 1973. С. 248.

⁵² *Вершинин А.А.* В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935 гг.) // *Российская история.* 2022. № 5. С. 177–195.

И.В. Сталин и его окружение, а в известной степени и нарком иностранных дел М.М. Литвинов, в целом занимавший наиболее благосклонную позицию в вопросе сближения с Западом, упускали из внимания фактор противоречивости внешней политики Франции, слабо разбираясь в тех внутренних сложностях, с которыми в 1930-е гг. сталкивалась Третья республика. «Если государство, — пишет Р. Джервис, — не выделяет дополнительных ресурсов, чтобы обрести картину внутренних проблем, бюрократических структур и фракций другого государств — то есть налицо недооценка значимости внутреннего конфликта, — это снижает действенность попыток повлиять на политику другого»⁵³. Поставляемая советской разведкой информация о положении дел во Франции ориентировалась на те запросы, которые имелись в Кремле, в частности в подробностях освещала нереальную на деле перспективу профашистского военного путча и вхождения Парижа в фарватер политики Берлина⁵⁴. Попытки же повлиять на внутривнутриполитические расклады в Третьей республике носили эпизодический характер и сводились в основном к выстраиванию особых отношений с отдельными фигурами. Идея создания Народного фронта, сформулированная французскими коммунистами в 1934–1935 гг., была осторожно и с большой долей скепсиса встречена в Москве⁵⁵. Несмотря на особое мнение наркомата иностранных дел и парижского полпредства, полагавших, что советская дипломатия должна иметь контакты во всех политических средах и стараться воздействовать на них, системной работы здесь не проводилось.

Сказывалось и несовпадение культур дипломатического взаимодействия. Представители СССР избегали ситуации, при которой могло сложиться впечатление, что они больше, чем визави, заинтересованы в его успешном результате. Советская позиция излагалась лишь в самых общих чертах, после чего вся инициатива переходила к партнерам, которым предоставлялась возможность доказать серьезность намерений путем четкого формулирования собственных обязательств⁵⁶. В ситуации, когда французские переговорщики, принимая во внимание институциональные ограничения системы коллективной безопасности, отдавали предпочтение обще-

⁵³ Джервис Р. Указ. соч. С. 544.

⁵⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 534–535, 541, 652–653.

⁵⁵ Haslam J. Op. cit. P. 55–59.

⁵⁶ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). СПб., 2000. С. 30.

му зондажу, стремились опосредовать договоренности параллельными соглашениями, а иногда и дезавуировали собственные слова «даже при стенографистах»⁵⁷, возникал коммуникационный тупик. Постепенно складывалась ситуация, которую Р. Джервис называет «иллюзией несовместимости»: она имеет место, «когда непоследовательная политика другого воспринимается скорее двуличием, чем путаницей»⁵⁸.

Упущенный шанс

Вместе с тем, уже в 1936 г. распад системы коллективной безопасности и деградация международных отношений в Европе достигли той степени, когда война из умозрительной и больше теоретической опасности превратилась в реальную угрозу. Одновременный запуск программ перевооружения в Великобритании и Франции говорил о том, что западные столицы отдают себе в этом отчет, но глубокого переосмысления старых подходов не произошло. Дипломаты по-прежнему исходили из того, что возвращение к сдерживанию лишь приблизит войну. В 1937 г. у лидеров государств-хранителей статус-кво окончательно оформился замысел политики умиротворения. Он заключался в том, чтобы, чередуя тактику уступок Германии и демонстрацию силовых возможностей потенциального западного блока, выйти на компромиссный вариант территориального переустройства Центральной и Восточной Европы и тем самым сохранить мир⁵⁹.

Вдохновитель этой политики британский премьер-министр Н. Чемберлен полагал, что понимает мировоззрение Гитлера и те цели, которые тот ставит перед собой на международной арене. Они, по мнению Н. Чемберлена, не выходили за рамки восстановления законного положения Германии как великой державы. Вся программа умиротворения основывалась на допущении, что Гитлер мыслит рационально и не развяжет войну, которую не сможет выиграть. В этом заключалось главное слабое место этой программы: в Берлине ставили перед собой гораздо более масштабные задачи создания европейской империи вооруженным путем, считали войну неизбежной и, апеллируя к положениям нацистской идеологии, не-обходимой⁶⁰. Руководство Франции относилось к планам Гитлера с

⁵⁷ ДВП СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 307.

⁵⁸ Джервис Р. Указ. соч. С. 545.

⁵⁹ Steiner Z. The Triumph of the Dark. European International History, 1933–1939. New York, 2011. P. 295–296.

⁶⁰ Туз А. Указ. соч. С. 20–23.

большим скепсисом⁶¹, однако оно находилось в той ситуации, когда изменение курса, помимо всех сложностей, связанных с дефицитом совокупной мощи для противостояния Германии, требовало слома базовых представлений о внешней политике, сложившихся после 1918 г.

«Психологическая трудность в изменении стратегии, от которой зависит столь многое»⁶², оказалась непреодолимой: между возвращением к сдерживанию Германии и встраиванием в умиротворение, которое сохраняло надежду на то, что мир удастся сохранить, не прибегая к силовой политике и коалиционному строительству, выбор был ожидаемо сделан в пользу второго варианта. Трудно не согласиться с британским историком П. Джексоном⁶³ в том, что подобное бегство от реальности лишь подстегивало агрессивность держав-ревизионистов. Международные вызовы 1936–1938 гг. очевидно требовали создания такой дипломатической комбинации, которая обеспечила бы сдерживание потенциальных нарушителей статус-кво, а в случае развязывания войны — их разгром. Иными словами, речь шла о стратегическом планировании, и здесь возникало то окно возможностей, которое позволяло сблизить советские и западные представления друг о друге. Общность целей, так или иначе, оставалась бы под вопросом, но возникала бы общность языка.

Еще зимой–весной 1938 г. Р. Кулондр с удивлением писал в МИД Франции о царившей в Москве убежденности в том, что Европа стоит на грани вооруженного столкновения: «Всё обстоит так, как будто у них есть некие материальные доказательства скорой войны. Все усилия страны напрягаются для того, чтобы встретить ее. Более того, страна уже, вероятно, вошла в предмобилизационный период»⁶⁴. В новой внешнеполитической линии Москвы посол находил свои плюсы. Он полагал, что четко обозначенная направленность действий советской стороны, пусть нацеленных не на мирное урегулирование, а на подготовку к войне, рассеивала атмосферу сомнений и двусмысленности, ранее мешавшую советско-французскому взаимодействию. Военный атташе О.-А. Палас в свою очередь предостерегал Париж, что СССР, не сумев выстроить стратегическое взаимодействие с Францией на случай войны, «вполне может

⁶¹ Réau E., *du*. Édouard Daladier, 1884-1970. Paris, 1993. P. 254.

⁶² Джервис Р. Указ. соч. С. 508.

⁶³ Jackson P. Europe: the Failure of Diplomacy, 1933–1940 // *The Cambridge History of the Second World War*. Vol. 2. Politics and Ideology / Ed. by R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge, 2015. P. 241–242.

⁶⁴ DDF. 2e série (1936–1939). T. VIII. Paris, 1973. P. 331; T. IX. P. 554.

оставлять в запасе вариант, при котором он сыграет на двух разных досках»⁶⁵, т.е. пойдет на соглашение с Германией.

Серьезных изменений во французских подходах к Советскому Союзу, однако, не произошло. События вокруг Чехословакии в мае–сентябре 1938 г. спровоцировали кризис в советско-французских отношениях. В Москве считали, что военная опасность, созданная действиями Берлина в отношении Праги, очевидна, и на этом строили свои ожидания: уже в мае М.М. Литвинов в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне, убежденным сторонником умиротворения, предложил провести переговоры между генеральными штабами СССР, Франции и Чехословакии⁶⁶. Между тем французы, при всех колебаниях председателя Совета министров Э. Даладьё, не рассматривали военный сценарий в качестве базового, продолжая видеть в Советском Союзе периферийного игрока. «Для французов... на первом месте по важности стоял фактор внутреннего кризиса Советов, — вспоминал в мемуарах Р. Кулондр. — Он создал у них ощущение того, что СССР на данном этапе находился вне игры и заставил относиться к активизации советской внешней политики в 1938 г. как к блефу»⁶⁷.

Две картины разворачивавшихся событий столкнулись в конце сентября, когда после отказа западных столиц от условий годесбергского ультиматума Гитлера относительно Судетской области, Лондон и Париж вынуждены были приступить к военным приготовлениям, продолжая попытки урегулировать конфликт дипломатическим путем. Зондаж военным руководством Франции советской позиции 25–28 сентября, сопровождавшийся предоставлением информации о ходе французской мобилизации, создавал предчувствие поворота в политике Парижа⁶⁸. На этом фоне заключение Мюнхенских соглашений произвело в Москве крайне неблагоприятный эффект, окончательно сформировав мнение о том, что Великобритания и Франция руководствуются антисоветскими целями и потворствуют гитлеровскому экспансионизму. Объясняя суть французской политики, полпред в Париже Я.З. Суриц воспроизводил старые аргументы о злой воле «внутренней реакции», которая избегала войны, так как не

⁶⁵ SHD–DAT. 7N 3123. Le Colonel Palasse, Attaché Militaire près de l'Ambassade de France à Moscou à Monsieur le Ministre de la Défense Nationale et de la Guerre, à l'Etat-Major de l'Armée – 2e Bureau, 27 décembre 1937.

⁶⁶ Ситолс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 178–179.

⁶⁷ Coulondre R. De Staline à Hitler. Souvenirs de deux ambassades, 1936–1939. Paris, 1950. P. 147.

⁶⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1146. Л. 159–161.

желала ни победы Германии, чреватой национальной катастрофой для Франции, ни ее поражения, которое бы привело к «неслыханному повсеместному торжеству большевизма, в частности в самой Франции»⁶⁹.

Военно-стратегические предпосылки, побудившие Францию согласиться на мюнхенскую сделку, которые на деле и являлись ключевыми⁷⁰, рассматривались в Москве как вторичные, так как требовали усложнения имевшегося представления об истоках внешнеполитического поведения руководства Третьей республики и отхода от базового постулата о том, что любые процессы, происходившие в Европе без участия СССР, имели антисоветскую направленность. В предвоенной атмосфере конца 1938 г., когда ставки в международной игре резко возросли, а время начало сжиматься, рассчитывать на это не приходилось, что подтверждалось серьезным изменением взглядов М.М. Литвинова, который после Мюнхена резко ужесточил свою позицию в отношении западных столиц. В беседе с Р. Кулондром 16 октября он констатировал, что «французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами [о взаимопомощи с СССР и Чехословакией] помощь когда-либо реализовать, и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах»⁷¹.

С точки зрения французской дипломатии, пакты, заключающиеся под эгидой Лиги Наций, всегда играли роль предохранителя и не предполагали военно-стратегической составляющей. Слова М.М. Литвинова, формально справедливые, вероятно прозвучали как неуместный упрек. Тем не менее, Р. Кулондр предложил начать с Советами более открытую игру. «Туман Женевы (имеется в виду Лига Наций. — А.В.) развеялся после дуновения Германии, — писал он в МИД. — Речь больше не идет об организации пассивной помощи. Теперь мы должны знать, от кого мы можем ожидать эффективной поддержки и за кого взамен готовы воевать. Таким образом, возможно, удастся восстановить в Европе равновесие, достаточно прочное для обеспечения мира»⁷². Однако выдерживаемая французами линия на дистанцирование от Советского Союза сохранялась и после Мюнхена. В планах Генштаба сухопутных войск он по-прежнему фигурировал как второстепенная величина⁷³. В феврале

⁶⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1146. Л. 173–180.

⁷⁰ Réau E. du. Op. cit. P. 251–265.

⁷¹ ДВП СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 589–590.

⁷² DDF. 2e série (1936–1939). Т. XII. Paris, 1978. P. 278.

⁷³ Ibid. Т. XIII. Paris, 1979. P. 740.

в Москву прибыл новый посол Франции П.-Э. Наджияр, у которого даже не было четких инструкций⁷⁴.

Положение дел начало быстро меняться после захвата Германией Праги, ликвидации Чехословакии и обострения германо-польских отношений. Сбой умиротворения спровоцировал поворот британской политики, которая от самоустранения от европейских дел резко перешла к заключению фактического военного союза с Францией и предоставлению односторонних гарантий странам Восточной Европы, являвшимся вероятными объектами агрессии Гитлера. Ключевые из них, Польша и Румыния, граничили с СССР и потенциально могли опереться на его колоссальные ресурсы. Позицию Москвы в ходе разворачивавшегося кризиса уже нельзя было не учитывать. Французская политика, следовавшая за британской, оказалась на развилке.

С одной стороны, стратегическое планирование будущей войны начало осуществляться *ad hoc*, в силу максимально обострившейся международной обстановки. Это почти сразу привело к изменению взгляда военных на перспективы сотрудничества с СССР. Оказалось, что проекция мощи РККА на карту боевых действий открывала неожиданно широкие перспективы⁷⁵. Аналитики Генштаба приходили к выводам, явно диссонирующим с их собственными заключениями годичной давности: «Какими бы ни были оценки мощи СССР и эффективности его поддержки, впрочем, зачастую тенденциозные и основанные на соображениях идеологического свойства, не подлежит сомнению, что экономическая помощь со стороны Советов необходима тем странам (Польша, Румыния, Турция), которым предназначено создать восточный фронт против тоталитарных государств»⁷⁶.

Р. Джервис пишет о ситуациях, «когда изменения в убеждениях актора относительно его способности справиться с опасностью сопровождались изменениями в его восприятии, что он действительно столкнулся с опасностью»⁷⁷. Весной 1939 г. опасность стала очевидной ввиду полностью выявившейся неэффективности умиротворения, что подтолкнуло французов к поиску военного ответа на вопрос обеспечения безопасности. Но в то же время императив недопущения новой войны, лежавший в основе внешней политики

⁷⁴ Ibid. T. XIV. Paris, 1980. P. 286.

⁷⁵ Catros S. La guerre inéluctable. Les chefs militaires français et la politique étrangère, 1935–1939. Rennes, 2020. P. 253.

⁷⁶ SHD-DAT. 7N 3186. Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Cooperation éventuelle de l'URSS en cas de conflit, 22 juillet 1939.

⁷⁷ Джервис Р. Указ. соч. С. 588.

Франции с 1918 г., никуда не исчез. Следовательно, войну требовалось предотвратить, противопоставив потенциальному агрессору силу. Но это означало возвращение к сдерживанию, которое, как считалось, четверть века назад уже опрокинуло Европу в тотальный конфликт. Просматривался лишь один выход из этого логического лабиринта: Гитлера надо было поставить перед перспективой такой войны, где он оказался бы в абсолютном меньшинстве, без всяких шансов на победу. Фактически предполагалось воспроизвести схему умиротворения, но на более высоком уровне конфликтности, по-прежнему рассчитывая на то, что лидер Германии будет действовать рационально.

Москве предлагалось просто присоединиться к этой комбинации. Переосмысление роли СССР в ходе разворачивавшегося кризиса не сопровождалось признанием его права на формулирование собственной внешнеполитической повестки. Старые клише временно отступили на второй план, но созданный на их основе образ продолжал диктовать шаги в отношениях с Советским Союзом. Главным и, по сути, единственным доводом, выдвигавшимся Лондоном и Парижем в ходе начавшихся в апреле переговоров с Москвой о совместном противодействии германскому экспансионизму, был тезис о том, что независимость государств Восточной Европы «должна быть первой заботой Советского Союза»⁷⁸. Стратегический интерес СССР не выводился из его собственных заявлений и демаршей, а постулировался *a priori* на основе отвлеченных представлений о том, чего следует желать Москве, исходя из ее положения якобы слабого периферийного игрока. Даже возможность того, что И.В. Сталин пойдет на соглашение с Германией, на которую ранее указывали французские дипломаты, весной–летом 1939 г. расценивалась в Париже просто как попытка шантажа западных столиц⁷⁹.

Советская сторона, как в своем докладе на XVIII съезде ВКП (б) вновь заявил И.В. Сталин, исходила из того, что война в Европе фактически уже идет. Эта констатация означала, что переговоры могут вестись лишь о том, как создать наиболее выгодные условия для ее ведения. Советские предложения Парижу и Лондону от 17 апреля предполагали оформление полноценного военно-политического союза, независимого от решений Лиги Наций, который гарантировал бы безопасность стран Восточной Европы⁸⁰. Иными словами, речь шла о классическом силовом сдерживании потенциального

⁷⁸ DDF. 2e série (1936–1939). Т. XV. Paris, 1981. P. 628.

⁷⁹ Catros S. Op. cit. P. 247–248.

⁸⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. I. М., 1992. С. 284.

агрессора. Эта позиция подавалась как не предполагающая изменений, что не увеличивало шансы на успех переговоров. Мюнхен стал для Сталина модельной ситуацией того, как советскими интересами могут открыто пренебречь. Единственным способом избежать этого сценария в гораздо более опасных внешних условиях он считал жесткий нажим, о чем недвусмысленно сигнализировала отставка М.М. Литвинова с поста наркома 3 мая⁸¹. Осторожные предположения полпреда Я.З. Сурица о том, что речи о новом Мюнхене, скорее всего, не идет, и франко-британские гарантии Польше и Румынии — это не ширма для очередной сделки с агрессором⁸², были отброшены.

Посол П.-Э. Наджиар, повторяя выводы Р. Кулондра, писал в МИД о том, что агрессивные демарши Германии и Италии, продемонстрировав, что «безопасность не имеет ничего общего с диалектикой», заставляли вернуться к «альянсам классического типа, подлинная суть которых заключается в конкретных и четких военных конвенциях»⁸³. Однако отказ Парижа и Лондона от обсуждения подобного подхода в принципе обусловил тот тупик, в который зашли англо-франко-советские переговоры к концу лета 1939 г. Курс, которым в эти месяцы следовали западные столицы, во многом объясняется описанным Р. Джервисом феноменом «иррациональной когнитивной непротиворечивости», когда одна из сторон диалога «не признает компромисса между продвижением своих интересов и нанесением вреда интересам других». Поскольку она не верит, что ее политика «порождает законное недовольство, то недооценивает возникающую оппозицию и рассматривает сопротивление [своим] действиям как неспровоцированную враждебность, указывающую на агрессивные намерения»⁸⁴.

Французская дипломатия до последнего момента ставила перед собой магистральную цель добиться от Советов «подписанной бумаги»⁸⁵ ценой любых обещаний, надеясь, что одна лишь тень широкой антигерманской коалиции с участием СССР остановит Гитлера. Провал этого замысла и заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа стали для Парижа шоком. Отношения между двумя странами оказались в точке замерзания, а после вступления Франции в войну 3 сентября начали деградировать. Военно-политические элиты Третьей республики укреплялись

⁸¹ Resis A. The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-aggression Pact // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 1. P. 33–56.

⁸² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1242. Л. 83–85.

⁸³ DDF. 2e série (1936–1939). T. XVII. P. 374.

⁸⁴ Джервис Р. Указ. соч. С. 304.

⁸⁵ Réau E., *du*. Op. cit. P. 351.

во мнении, что СССР является одним из главных источников тех проблем, с которыми страна столкнулась в ходе войны. В конечном итоге дело дошло до подготовки прямого столкновения. В первые месяцы 1940 г. командование французских вооруженных сил (при весьма сдержанной позиции Великобритании) готовило операции против СССР в районе Скандинавии и Закавказья, однако разгром Франции вермахтом сделал эти планы неактуальными⁸⁶.

* * *

«Признать, что явление не может быть объяснено или, по крайней мере, не может быть объяснено без добавления к нашим убеждениям многочисленных и сложных исключений, психологически неудобно и интеллектуально неудовлетворительно»⁸⁷, — эта констатация в полной мере применима к объяснению взаимного восприятия СССР и Франции накануне Второй мировой войны. Ни одна из сторон не приложила необходимых усилий для того, чтобы понять истинные намерения своего партнера. В Москве ошибочно полагали, что владеют необходимым знанием. Руководство Франции неоднократно констатировало, что советское поведение остается для него не проясненным⁸⁸, но считало СССР в целом периферийным и слабым игроком, ролью которого в европейских раскладах можно пренебречь.

И всё же, при всей двусмысленности советской линии, она не исключала возможности политического соглашения, имеющего военную составляющую, а следовательно, позволяла создать механизм купирования очага агрессии в Центральной Европе. Французскому руководству стоило вовремя признать, что, говоря о первоочередной заинтересованности Парижа в недопущении войны, лидеры СССР не столько пытались оправдать свою мнимую слабость, сколько констатировали очевидный факт, подкрепленный самой географией. Как показали события начала 1939 г., отход от философии коллективной безопасности открывал окно возможностей для стратегического диалога, который, в свою очередь, нивелировал значение всех прежних клише и предрассудков. Именно этот сценарий в советско-западных отношениях реализовался в годы Великой Отечественной войны. Застывшие в созерцании величия Франции элиты Третьей республики заплатили полную цену за свою стратегическую слепоту.

⁸⁶ *Duroselle J.-B. L'Abime (1939–1944). Paris, 1986. P. 112–114.*

⁸⁷ *Джервис П. Указ. соч. С. 520.*

⁸⁸ *DDF (1932–1939). 2e série (1936–1939). T. VIII. P. 829–830; Gamelin M. Servir. Vol. 2. Paris, 1946. P. 315.*

Но их крах открыл глаза тем, кто, преодолевая собственные предубеждения, смог построить здание «Великого альянса» — Антигитлеровской коалиции.

References

Adamthwaite A. *Historians at War // The Origins of the Second World War: An International Perspective* / Ed. by F. McDonough. London; New York: Continuum, 2011. P. 507–522.

Bach A. *Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d'Histoire*. Paris: Université de Paris I Panthéon-Sorbonne, 1981. 230 p.

Belousova Z.S. *Frantsiya i yevropeyskaya bezopasnost', 1929–1939* [France and European Security, 1929–1939]. Moscow: Nauka, 1976. 418 p.

Carley M.J. *Stalin's Gamble. The Search for Allies against Hitler, 1930–1936*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2023. 640 p.

Catros S. *La guerre inéluctable. Les chefs militaires français et la politique étrangère, 1935–1939*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2020. 291 p.

Cœuré S. *La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique*. Paris: CNRS Éditions, 2017. 359 p.

Degtyarev A.A. *Prinyatiye politicheskikh resheniy* [Political Decision Making]. Moscow: KDU, 2004. 414 p.

Dessberg F. *L'Union Soviétique où l'impossible allié (1922–1941) // Les Européens et la guerre* / Sous la dir. de F. Dessberg, C. Malis, I. Davion. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2013. P. 79–96.

Dullin S. *Stalin i yego diplomaty: Sovetskiy Soyuz i Yevropa, 1930–1939 gg.* [Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe: 1930–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 319 p.

Duroselle J.-B. *L'Abîme (1939–1944)*. Paris: Imprimerie Nationale, 1986. 615 p.

Golubev A.V. “*Yesli mir obrushitsya na nashu Respubliku*”: *sovetskoye obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-ye gg.* [“If the World Tumbles on Our Republic”: Soviet Society and External Threat in the 1920–1940s]. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 381 p.

Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939*. London: Palgrave Macmillan, 1984. 312 p.

Haslam J. *The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2021. 481 p.

Jackson P. *Europe: The Failure of Diplomacy, 1933–1940 // The Cambridge History of the Second World War*. Vol. 2. Politics and Ideology / Ed. by R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 216–252.

Janis I.L., Mann L. *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice, and Commitment*. New York: Free Press, 1977. 488 p.

Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J. *Norms, Identity, and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Ed. by P.J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 33–75.

Jervis R. *Vospriyatiye i nevernoye vospriyatiye v mezhdunarodnoy politike* [Perception and Misperception in International Politics]. Moscow: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 2022. 656 p.

Ken O.N., Rupasov A.I. *Politbyuro TsK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.)* [Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Relations of the USSR with Western Neighboring States (Late 1920s–1930s)]. Saint Petersburg: Yevropeyskiy dom, 2000. 704 p.

Kochetkov V.V. *Kontseptual'nyye podkhody i teoreticheskiye modeli protsessov prinyatiya vneshnepoliticheskikh resheniy: kriticheskiy analiz* [Conceptual Approaches and Theoretical Models of Decision-Making Processes in Foreign Policy: A Critical Analysis] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 18. *Sotsiologiya i politologiya*. 2008. N 3. P. 100–113.

Luttwak E. *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 391 p.

Magadeyev I.E. *Pervaya mirovaya vojna i trendy yevropeyskoy istorii XX veka* [World War I and Trends in the 20th-Century European History]. Moscow: Aspekt-press, 2021. 253 p.

Martel G. *The Revisionist as Moralizer. A.J.P. Taylor and the Lessons of European History* // *The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians*. London; New York: Routledge, 1999. P. 1–12.

Mintz A., DeRouen K., Jr. *The Rational Actor Model* // *Understanding Foreign Policy Decision Making*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 57–67.

Réau E. du. *Edouard Daladier, 1884–1970*. Paris: Fayard, 1993. 588 p.

Resis A. *The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-Aggression Pact* // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 1. P. 33–56.

Schroeder P.W. *The Transformation of European Politics, 1763–1848*. New York: Oxford University Press, 1994. 916 p.

Sipols V.Ya. *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic Struggle on the Eve of World War II]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1989. 335 p.

Steiner Z. *The Triumph of the Dark. European International History, 1933–1939*. New York: Oxford University Press, 2011. 1222 p.

Tooze A. *Tsena razrusheniya. Sozdaniye i gibel' natsistskoy ekonomiki* [The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2019. 864 p.

Vaiskopf M.Ya. *Pisatel' Stalin* [Stalin as Writer]. Moscow: NLO, 2001. 380 p.

Vershinin A.A. *V labirinte kollektivnoy bezopasnosti: sovetskaya diplomatiya i proiskhozhdeniye sovetsko-frantsuzskogo pakta o vzaimopomoshchi (1933–1935 gg.)* [In the Labyrinth of Collective Security: Soviet Diplomacy and the Origin of the Soviet-French Mutual Aid Pact (1933–1935)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2022. N 5. P. 177–195.

Поступила в редакцию
16 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-117-137

Р.А. Сетов, А.А. Голубенко

**АТОЛЛ БИКИНИ, НЕВАДА, МОСКВА.
ДОЛГИЙ ПУТЬ ВАШИНГТОНА К ДОГОВОРУ
ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ
(1958–1963)**

R.A. Setov, A.A. Golubenko

**BIKINI ATOLL, NEVADA, MOSCOW.
WASHINGTON'S LONG ROAD
TO THE PARTIAL TEST BAN TREATY
(1958–1963)**

Аннотация. Заключение Московского договора 1963 г. об ограничении испытаний ядерных устройств в трех средах (на поверхности и в атмосфере Земли, а также под водой) — важная веха в истории холодной войны. Этому предшествовали длительные и сложные переговоры между СССР и США. Меры по введению моратория на испытания (август

Сетов Роман Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Setov Roman Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

setovroman@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8033-5569

Голубенко Анна Александровна, кандидат физико-математических наук, ассистент кафедры общей ядерной физики физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golubenko Anna Aleksandrovna, PhD Candidate in Physics and Mathematics, Assistant, Department of General Nuclear Physics, Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University

aa.golubenko@physics.msu.ru
ORCID: 0009-0005-8864-1375

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш01-17 «Влияние гонки вооружений на мировую политику, научно-технический прогресс и экологию».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-SCH01-17 “The Impact of the Arms Race on World Politics, Scientific and Technological Progress and Ecology”.

1958 г. — август 1961 г.) не приносили весомых результатов ни для сокращения их вредных экологических последствий, ни для снижения риска возникновения ядерного конфликта. К тому же вопрос о хотя бы частичном ограничении испытаний оказывался тесно связанным с политическими противоречиями супердержав — в частности, по вопросу о статусе Берлина. 9 сентября 1961 г. переговоры были остановлены. Осенью СССР провел большую серию взрывов, причем успехи в совершенствовании вооружений требовали новых натурных испытаний. Решение Москвы о выходе из моратория было продиктовано стремлением продемонстрировать оппонентам готовность к любому развитию ситуации. В 1962 г. события, развернувшиеся вокруг Кубы, привели не только к интенсификации испытаний обеими державами, но и к острейшему Карибскому кризису в октябре, когда вполне реальной была опасность применения ядерного оружия. Заключенный в августе 1963 г. договор стал одним из непосредственных итогов Карибского кризиса. Однако важно и то, что супердержавы пришли к подписанию Московского договора только после того, как их научно-технические достижения (включая, прежде всего, результаты ядерных испытаний) смогли обеспечить уверенное стратегическое сдерживание друг друга. Испытания ядерных устройств, проведенные обеими державами в 1961–1962 гг., позволили им оснастить боезарядами все виды носителей в рамках планировавшихся программ обновления стратегических arsenалов. В то же время Московский договор создавал основу для согласования позиций США и СССР в отношении нераспространения ядерного оружия на долгие годы вперед.

Ключевые слова: холодная война, Джон Кеннеди, Н.С. Хрущев, ядерные вооружения, контроль над вооружениями, подземные ядерные испытания.

Abstract. The conclusion of the 1963 Moscow Treaty banning nuclear weapon tests in the atmosphere, in outer space and under water is an important milestone in the history of the Cold War. It was preceded by long and complex negotiations between the USSR and the US. Measures to impose a moratorium on tests (August 1958 — August 1961) did not yield significant results either in reducing harmful environmental consequences or in reducing the risk of nuclear conflict. In addition, the issue of at least partial test ban was closely linked to the political contradictions between the superpowers, in particular, regarding the status of Berlin. On 9 September 1961, the negotiations were stopped. In the fall, the USSR conducted a large series of explosions, and advances in weapons development required new tests. Moscow's decision to withdraw from the moratorium was dictated by the desire to demonstrate to its opponents the readiness for any emergency. In 1962, the events around Cuba led not only to intensified testing by both powers, but also to the acute Cuban Missile Crisis in October, when the danger of using nuclear weapons became quite real. The August 1963 treaty was one of the immediate outcomes of the Cuban Missile Crisis. However, it is also important that the superpowers came to the signing of the Moscow Treaty only after their scientific and technological achievements (including, above all, the results of nuclear tests) had been able to ensure a confident strategic deterrence of each other. The tests of nuclear devices conducted

by both powers in 1961 and 1962 allowed them to equip all types of carriers with warheads as part of their planned programs to renew strategic nuclear arsenals. At the same time, the Moscow Treaty created a basis for harmonizing the positions of the US and the USSR with regard to nuclear nonproliferation for many years to come.

Keywords: Cold War, John F. Kennedy, N.S. Khrushchev, nuclear weapons, arms control, underground nuclear testing.

* * *

60 лет назад начал действовать Московский договор о запрете ядерных испытаний в атмосфере и космическом пространстве, на поверхности Земли и в водах Мирового океана. 5 августа 1963 г. он был подписан в Москве, а 24 сентября Сенат США проголосовал по его ратификации (80 «за», 19 «против»). Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор на следующий день. 10 октября церемонии обмена документами о ратификации прошли в столицах трех стран-депозитариев (в Москве, Вашингтоне и Лондоне) и Договор вступил в силу.

В современном мире ведущие ядерные державы не проводят натурных испытаний, поскольку в 1996 г. был подписан международный договор об их полном запрете (до сих пор не ратифицированный, правда, КНР, Израилем, Ираном и Соединенными Штатами). Однако долгое время, до изобретения методов электронного моделирования взрывов в середине 1970-х гг., как верно отмечал А.В. Фененко, проведение таких испытаний «было необходимо для развития ядерного оружейного комплекса. Они позволяли:

- подтвердить возможность создания ядерного взрывного устройства;
- изучить физические свойства ядерных взрывов;
- усовершенствовать структуру ядерных боезарядов;
- проверить степень боеготовности новых ядерных систем;
- получить представление о калибре и массе ядерных боезарядов;
- развить системы установки ядерных боезарядов на носители;
- исследовать воздействие побочных эффектов ядерного взрыва на гипотетический ход боевых действий»¹.

Московскому договору 1963 г. предшествовали длительные и сложные переговоры, а незадолго до его подписания, в октябре 1962 г., СССР и США прошли через острейший Карибский кризис, в ходе которого опасность применения ядерного оружия была вполне

¹ Фененко А. Ядерные испытания в системе стратегической стабильности // Международная жизнь. 2009. № 12. С. 70.

реальной. Как писал выдающийся физик и руководитель Комиссии США по атомной энергии Г. Сиборг, только после Карибского кризиса у президента Дж. Кеннеди и советского лидера Н.С. Хрущева появилось понимание общих интересов супердержав, и проблема с ограничением испытаний была быстро решена².

О причинах, приведших обе стороны к «московскому компромиссу», много размышляли и политологи, и дипломаты, и ученые-физики, участвовавшие в создании ядерного оружия. Однако сегодня есть необходимость снова обратиться к истории Договора. Главная причина, пожалуй, состоит в следующем. С одной стороны, и по сей день верны оценки того, что договор предстал перед всем миром как знаковое событие, зафиксировавшее поворот обеих супердержав к некоторой «разрядке напряженности» после Карибского кризиса. Как заметил Н. Верт, это было «первое формальное соглашение по контролю над вооружениями, заключенное “великими державами” и ставшее решающим этапом в их отношениях и установлении форм сосуществования»³. С другой стороны, имеющиеся в публикациях объяснения (включая и суждения современников) поведения главных соперников в холодной войне, на наш взгляд, далеко не полно отражают всю сложность глобального противоборства между Западом и Востоком в то время. Например, А.Ф. Добрынин, бывший с марта 1962 г. послом СССР в США, предлагал такую оценку. «Настойчивость президента Кеннеди в этом вопросе ... объяснялась его желанием через такое запрещение добиться также осуществления одной из главных целей своей внешней политики: скорейшего заключения многостороннего договора о нераспространении ядерного оружия»⁴. Заметим, что в это время аналитики американской разведки считали, что кроме Франции и КНР в мире есть еще 6 стран, обладающих материальными и финансовыми ресурсами для того, чтобы в течение 1960-х гг. создать ядерное оружие и, возможно, средства его доставки (Индия, Япония, Италия, Канада, Швеция и Западная Германия)⁵. Действительно, эта тема была для президента США весьма актуальной, ибо он полагал, что без ограничения ис-

² Cowen R.C. The Test Ban That Worked // Christian Science Monitor. March 24, 1982. — URL: <https://www.csmonitor.com/1982/0324/032403.html> (дата обращения 17.02. 2023).

³ Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / Пер. с фр. 2-е изд. М., 1994 С. 425.

⁴ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в США при шести президентах (1962–1986). М., 1996. С. 47.

⁵ National Intelligence Estimate NIE 4-63 LIKELIHOOD AND CONSEQUENCES OF A PROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS SYSTEMS Washington, June 28, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d301> (дата обращения 16.03. 2023).

питаний к 1970 г. в мире «вместо четырех ядерных держав будет 10, а к 1975-му — 15 или 20»⁶, и лично пытался препятствовать созданию ядерного оружия, например, в Израиле⁷. При этом, как указывал Г. Сиборг, «Кеннеди оставался непреклонным рыцарем холодной войны, но после того, как [Карибский] кризис привел его к грани ядерного холокоста, он стал привержен идее контроля над вооружениями более, чем любой другой президент из тех, что я знал»⁸.

Оценки мотивации СССР, которые предлагали многие зарубежные авторы, также не всегда полно отражали весь комплекс факторов, повлиявших на согласие Москвы подписать договор. Например, руководитель отдела госдепартамента США по связям с общественностью Т. Уанамэйкер в своей книге 1964 г. писал так: «Испытания ядерного оружия и стремление не отставать от США в гонке вооружений становились всё более затратными ... и отвлекающими те средства, которые были так нужны в других секторах советской экономики». Разрыв с КНР и Карибский кризис, показавший, как «опасно легко» можно дойти до грани ядерной войны, равно как и «осознание Хрущевым того, что единственной альтернативой мирному сосуществованию была бы обоюдная катастрофа», — все эти факторы, «несомненно, повлияли на решения СССР»⁹.

Советские физики-ядерщики, современники событий, придавали большое значение московскому соглашению. Известен эпизод с письмом ученых Н.С. Хрущеву относительно возможности весной 1963 г. достичь компромисса с США. В.Б. Адамский так излагал главную мысль: будущее соглашение «имеет хорошие шансы быть принятым западными державами и является вместе с тем приемлемым для нас». «Заключение соглашения о прекращении испытаний в атмосфере и космосе и ограничение испытаний под землей небольшой мощностью прекратило бы заражение атмосферы радиоактивными продуктами, затормозило бы гонку вооружений и, вероятно, предотвратило бы дальнейшее распространение атомного оружия среди стран, им не располагающих, и вместе с тем не помешало бы разработке способов мирного применения ядерных взрывов. Наличие

⁶ The Test Ban Treaty. — URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull15-4/15403500322.pdf> (дата обращения 05.02. 2023).

⁷ Cohen A., Burr W. How the Israelis Hoodwinked JFK on Going Nuclear. — URL: <https://foreignpolicy.com/2016/04/26/how-the-israelis-hoodwinked-jfk-on-going-nuclear-dimona-atoms-for-peace> (дата обращения 21.03. 2023).

⁸ Limited or Partial Test Ban Treaty. Atomic Heritage Foundation. — URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/ahf/history/limited-or-partial-test-ban-treaty-ltbtptbt/> (дата обращения 22.03. 2023)

⁹ Wanamaker T. American Foreign Policy Today. How It Is Made. How It Works. The Crucial Problems It Faces in Tomorrow's World. New York; London, 1964. P. 116.

соглашения по вопросу об испытаниях в воздухе и космосе создало бы благоприятный прецедент для решения более сложных международных проблем»¹⁰. В этих строках было заложено довольно точное предсказание векторов развития отношений СССР и США в сфере контроля над ядерными вооружениями.

Приведенные выше суждения можно и нужно дополнить описанием динамики позиций Кремля и Белого дома в сложившемся к 1963 г. общем контексте холодной войны. Хорошо известно, что проблема ограничения (если не полного запрета) ядерных испытаний возникла уже на начальном этапе развития ядерных программ США и СССР (1949–1954), а затем затронула интересы еще двух держав, вступивших в «ядерный клуб» в 1953–1960 гг. — Великобритании и Франции. До 1963 г. все страны, развивавшие свой ядерный потенциал, уже произвели большое количество взрывов — порой весьма впечатляющих, но еще не вполне изученных по эффектам и долгосрочным последствиям. За этот период число проведенных испытаний оценивается почти в шесть сотен (среди них 333 проведены США и 221 — СССР)¹¹. Подавляющая часть этих ядерных взрывов была проведена в атмосфере над поверхностью Земли либо в космосе, и только около 130 были подземными или осуществлены под водой. Наиболее насыщенным оказался 1962 год: четыре державы провели 133 испытания ядерных устройств, из которых 79 — в атмосфере.

В то же время к середине 1950-х гг. стало ясно и то, что проблема рисков от испытаний ядерного оружия волнует значительную часть социумов и «политического класса» как Запада, так и Востока. 2 апреля 1954 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру призвал все страны прекратить испытания ядерных устройств, а Советский Союз весной 1955 г. внес инициативу о запрете испытаний в Комиссию ООН по разоружению. Проблему запрещения испытаний всё чаще стала озвучивать та часть международного научного сообщества, которая объединилась во Всемирном Совете мира и в Пагуошском движении ученых и общественных деятелей (создано летом 1957 г.). Уже 18–19 января 1955 г. в Вене прошла расширенная сессия Бюро Всемирного Совета мира (ВСМ) и было принято воззвание со следующими словами: «Мы требуем уничтожения во всех

¹⁰ *Адамский В.Б.* К истории Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. — URL: <https://military.wikireading.ru/37813> (дата обращения 15.01.2023).

¹¹ Угрожение ядра: страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР / И.А. Андрюшин, А.К. Чернышев, Ю. А. Юдин / Под ред. Р.И. Ильяева. Саров, 2003. С. 136.

странах запасов атомного оружия и немедленного прекращения его производства»¹².

9 июля 1955 г. в Лондоне был обнаружен «Манифест Рассела–Эйнштейна». Всемирно известный физик А. Эйнштейн и видный математик, философ, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1950 г. лорд Б. Рассел призвали ученых из противоборствующих в холодной войне стран собраться вместе для того, чтобы оценить опасность для всего человечества, которую таит в себе оружие массового уничтожения. Текст содержал весьма трагичную оценку положения дел в условиях вероятности перерастания конфронтации в столкновение с применением ядерного оружия. «Мы авторитетно заявляем, что сейчас может быть изготовлена бомба в 2500 раз более мощная, чем та, которая уничтожила Хиросиму. <...> Можно опасаться, что в случае использования большого количества водородных бомб, последует всеобщая гибель — внезапная только для меньшинства, а для большинства — медленная и мучительная»¹³. Между тем атмосферные и подводные испытания для производства новых боезарядов продолжались. В период 1951–1958 гг. США, СССР и Великобритания провели в общей сложности свыше 200 испытаний разной мощности (166, 62 и 21 соответственно), преимущественно в атмосфере Земли, в их числе и наиболее значимые для развития ядерных потенциалов супердержав.

Например, в марте 1954 г. в рамках серии американских испытаний «Замок» (“Castle”) на атолле Бикини в Тихом океане был осуществлен взрыв устройства (“Bravo”), реальная мощность которого превзошла расчетную почти втрое, составив около 15 миллионов тонн (мегатонн, Мт) в тротиловом эквиваленте, и привела к значительному заражению окружающей среды¹⁴. СССР в это время стремился сократить отставание от главного соперника прежде всего за счет проведения испытаний с целью достичь максимальной мощности устройств и создания боезарядов для основных типов носителей (ракеты, авиация и подводные лодки).

На этом фоне переговорный процесс по вопросам запрещения или ограничения испытаний долгое время ничем не мог порадовать озабоченную мировую общественность. Довольно скоро выясни-

¹² Цит. по: Всемирное движение сторонников мира. Даты, события. М., 1987. С. 56.

¹³ Манифест Рассела–Эйнштейна 1955 г. — URL: <http://pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения 22.03. 2023).

¹⁴ US Nuclear Tests July 1945 Through September 1992. US Dept of Energy. National Nuclear Security Administration. Nevada Field Office. Las Vegas, Nevada. September 2015. — URL: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/pdfs/DOE_NV-209_Rev16.pdf (дата обращения 15.02. 2023).

лось, что для СССР и США он превращается в мучительный поиск общей платформы, на которой могли бы «поместиться» проблемы ядерного сдерживания и достижения ядерной стабильности, сокращения вооружений и защиты окружающей среды, равно как и вопрос о нераспространении ядерного оружия. Ясно, что сочетать всё это в одном комплексе было непросто. Вплоть до конца 1962 г. казалось, что согласие, необходимое для заключения хоть какого-то обязывающего соглашения в этой области вряд ли достижимо. Супердержавы то соглашались на общую «увязку» ядерной проблематики с ограничением вооружений, то отказывались от нее. Вашингтон и Москва то признавали необходимость международного контроля за ядерными испытаниями, то высказывали мнение о том, что развитие самих технологий проведения взрывов (особенно под землей) делает вопрос о международном контроле неуместным. Многие зависело и от успехов самих испытаний.

Можно обозначить два рубежа в определении позиций сторон по проблеме ограничения испытаний. 12 июля 1956 г. состоялось выступление в ООН заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, который на первое место в советских предложениях по разоружению поставил принятие великими державами обязательства не применять «атомное и водородное оружие». СССР также предлагал «заключить соглашение о запрещении оружия массового уничтожения, об уничтожении всех запасов атомных бомб и прекращении их производства, о немедленном прекращении всяких испытаний атомного и водородного оружия»¹⁵. Вторым знаковым событием было объявление 31 марта 1958 г. советского моратория на ядерные испытания. Начались встречи экспертов СССР, США и Великобритании, а затем Вашингтон предложил начать 31 октября 1958 г. официальные переговоры о прекращении ядерных испытаний. В заявлении от 22 августа 1958 г. говорилось, что одновременно с началом переговоров США войдут в мораторий на проведение ядерных взрывов. 30 августа 1958 г. Советский Союз дал согласие на участие в таких переговорах. Впрочем, за кулисами политико-дипломатической деятельности на международном уровне обе супердержавы продолжали свои программы испытаний¹⁶.

В январе 1959 г. США и Великобритания, как ранее и предлагал СССР, решили в переговорном процессе отделить вопрос о запрете

¹⁵ Подробнее см.: *Егорова Н.И.* «Народная дипломатия» ядерного века. Движение сторонников мира и проблема разоружения. 1955–1965 годы. М., 2016. С. 123–124.

¹⁶ Подробнее см.: *Стратегическое ядерное вооружение России / Колл. авторов под ред. П.Л. Подвига.* М., 1998. С. 393–398.

на испытания от остальных проблем, связанных с ограничением вооружений. Впрочем, недовольство таким шагом двух лидеров НАТО выразила Франция, в тот момент бывшая «на пороге» проведения испытания своего первого ядерного устройства. Тем не менее, летом 1959 г. как США, так и СССР подтвердили свое намерение придерживаться фактически существовавшего моратория на проведение испытаний. В заявлении от 26 августа США объявили, что мораторий будет продлен до конца 1959 г. В ответ на это Советский Союз заявил, что также приостановит свою программу испытаний. Переговоры о запрете испытаний при этом не продвинулись ни на шаг. Камнем преткновения стало то, что США и Великобритания настаивали на пункте об инспекциях на местах проведения испытаний в будущем соглашении, а СССР не считал возможным допуск на свою территорию групп наблюдателей (по словам Н.С. Хрущева, эти инспекции превратились бы в «прямой шпионаж»). 29 декабря 1959 г. США объявили о формальном прекращении моратория.

Впрочем, вслед за проведением Францией первого испытания ядерного устройства в феврале 1960 г. именно Соединенные Штаты выступили с важной инициативой — заключить договор о запрете на проведение испытаний в атмосфере и под водой, а также об ограничении мощности подземных взрывов. Для контроля за выполнением такого соглашения предполагалось установить 20 ежегодных международных инспекций. СССР ответил предложением запретить взрывы также и в ближнем космосе, но вновь не согласился с порядком и количеством инспекций, предлагая установить ежегодную квоту только в две-три. Вопрос о количестве и процедуре инспекций был отложен, как предполагалось, до четырехсторонней встречи на высшем уровне (США, СССР, Великобритания, Франция), которая открывалась в Париже 18 мая. Произшедший 1 мая 1960 г. инцидент с американским разведывательным самолетом U-2, сбитым над территорией СССР, послужил причиной того, что саммит был скандально сорван и переговорный процесс застрял на месте.

Новые ожидания и политиков, и мировой общественности относительно прогресса на переговорах по испытаниям были связаны с приходом к власти в январе 1961 г. президента Дж. Кеннеди. 21 марта 1961 г. консультации экспертов в Женеве возобновились, но явного успеха не принесли, а Берлинский кризис летом 1961 г. вообще отбросил переговорный процесс далеко назад. Ответом СССР на возрастание международной напряженности в связи с Берлином стали довольно резкие шаги в сфере развития ядерного вооружения. 30 августа 1961 г. СССР объявил о возобновлении ядерных

испытаний, а 9 сентября переговоры в Женеве были остановлены. Осенью СССР провел большую серию взрывов и весьма преуспел в развитии своих программ совершенствования вооружений, требовавших натуральных испытаний. Решение СССР о выходе из моратория и возобновлении испытаний (с повышенной интенсивностью, т.е. 59 взрывов менее чем за три месяца) было продиктовано стремлением продемонстрировать оппонентам готовность к любому развитию событий. Как вспоминал один из видных участников советского «атомного проекта», работавший в научном центре «Челябинск-70» (ныне г. Снежинск) физик Л.П. Феоктистов, главными причинами возобновления испытаний и особого внимания к взрывам сверхмощных термоядерных устройств были политические, а вовсе не научно-технические. По мнению советского руководства и особенно самого Н.С. Хрущева, настоятельно требовалась «демонстрация могущества социалистического строя», которая была дополнена надеждами на то, что «наше техническое превосходство сделает Америку более сговорчивой»¹⁷.

Самым впечатляющим моментом этого периода было испытание «Царь-бомбы». О готовящемся событии весь мир узнал из выступления Н.С. Хрущева 17 октября на открытии XXII съезда КПСС. Первый секретарь ЦК и глава правительства говорил о том, что у СССР есть «стомиллионная бомба» (т.е. мощностью в 100 мегатонн в тротиловом эквиваленте), но «взорвем, вероятно, 50-миллионную». Так и произошло: 30 октября на Новой Земле было испытано устройство мощностью в 58,6 Мт (созданный в научном центре «Арзамас-16» проект АН602). Для этого взрыва пришлось даже специально модернизировать бомбардировщик Ту-95В с тем, чтобы он смог доставить к месту взрыва это «изделие» весом в 26,5 тонн. «Супербомба» была испытана в атмосфере на высоте 4 км. Результатом была взрывная волна, которая три раза обогнула земной шар. В заброшенном поселке в 400 км от эпицентра взрыва были разрушены деревянные дома, а каменные строения лишились крыш, окон и дверей. На сотни километров вокруг прервалась радиосвязь. На месте самого взрыва возникло грибовидное облако с диаметром верхнего яруса в 95 км и высотой в 67 км. Вот как описывал увиденное участник этого испытания Ю. Лысенко: «В радиусе 50 километров от эпицентра все горело, хотя перед взрывом здесь лежал снег высотой в человеческий рост. Зрелище было ужасным. Если существует ад, то он должен выглядеть именно так. Земля горела, а скалы дымились, так как были

¹⁷ Феоктистов Л.П. Из прошлого — в будущее. От надежд на бомбу к надежному реактору (Воспоминания. Избранные статьи). Снежинск, 1998. С. 54–62.

раскалены еще и через несколько часов после взрыва»¹⁸. Советские физики дали очень точную оценку произошедшего. Участники подготовки испытания этого сверхмощного устройства В.Б. Адамский, Ю.Н. Смирнов, Ю.А. Трутнев отзывались о «Царь-бомбе» так: «В этом событии, как в фокусе, сошлись профессиональный азарт, политическая интрига, возможности государства, безумие ядерной гонки и пережитый миром шок»¹⁹.

Мероприятия США осенью 1961 г. было нетрудно предсказать: в них также сливались и военно-технические, и политико-пропагандистские задачи. Уже 15 сентября началась новая серия взрывов на полигоне в Неваде. На этом этапе, впрочем, стало более заметно, что и международное давление на супердержавы стало нарастать. 24 ноября 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1653 (XVI). «Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия» не была обязывающим документом, но всё же в ней была выражена позиция множества неядерных стран. В ней говорилось, что «применение ядерного и термоядерного оружия противоречит духу, букве и целям ООН» и является прямым нарушением ее Устава²⁰. Отметим также, что в это время западные политические элиты стали несколько иначе оценивать эффективность гонки ядерных вооружений. Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан в письме Дж. Кеннеди по вопросу о единой позиции на переговорах с СССР (возобновлены 28 ноября) замечал, что само соревнование супердержав в области испытаний уже «стало бесплодным»²¹. В январе 1962 г. помощник президента по вопросам национальной безопасности М. Банди докладывал, что, по мнению президентского Научно-консультативного комитета (PSAC), Пентагона и Комиссии по атомной энергии, США могут спокойно отказаться от проведения испытаний в атмосфере, ибо «ядерный тупик» в соревновании с СССР близок и вряд ли будет преодолен даже

¹⁸ Если существует ад, то он должен выглядеть именно так. — URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/10/29/14149837.shtml?ysclid=lnho4g5syu695649779> (дата обращения 29.02.2023).

¹⁹ Адамский В.Б., Смирнов Ю.Н., Трутнев Ю.А. Сверхмощные ядерные взрывы СССР и США как проявление научно-технической и государственной политики в годы холодной войны. — URL: http://elib.biblioatom.ru/text/adamskiy-iz-pokoleniya-pobediteley_2008/go,150 (дата обращения 29.02.2023).

²⁰ Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия. Принята резолюцией 1653 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 24 ноября 1961 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml (дата обращения 12.02.2023).

²¹ Telegram From the Department of State to the Mission to the United Nations. Washington, January 18, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d122> (дата обращения 14.02.2023).

после 1963 г.²² Неприятным для Дж. Кеннеди стал эпизод с письмом, которое отправил ему 1 марта 1962 г. видный ученый, лауреат Нобелевской премии по химии (1954) Лайнус Полинг по вопросу о возобновлении испытаний. Гневный вопрос Л. Полинга, обращенный к президенту, звучал так: «Собираетесь ли Вы отдать приказ, который станет причиной того, что Вы войдете в историю как один из самых аморальных людей всех времен и один из самых великих врагов человечества ... ради политической цели увеличения и так уже существующего решительного превосходства над СССР в сфере технологии ядерных вооружений?»²³. США в апреле 1962 г. всё же начали новую серию и подземных, и атмосферных испытаний²⁴, но Дж. Кеннеди снова выразил готовность заключить договор о запрете взрывов в трех средах. Еще более четко изменение позиций американских государственных деятелей было заметно во взглядах авторитетного политика Э. Стивенсона (тогда — представителя США в ООН). Стивенсон писал президенту, что при первой возможности стоит сделать предложение Советскому Союзу об ограничениях при проведении испытаний. «Если русские опять откажутся от установления системы международного наблюдения на местах [проведения взрывов], то мы должны быть готовы предложить им просто запрет на атмосферные испытания без международного контроля»²⁵.

Ситуация в мире в середине 1962 г., однако, развивалась так, что даже самым здравым идеям, которые время от времени выдвигали обе супердержавы в вопросе об ограничении гонки ядерных вооружений, не суждено было реализоваться. В августе 1962 г. Н.С. Хрущев выразил предварительное согласие на заключение договора о запрете испытаний в трех средах при продолжении консультаций по подземным испытаниям²⁶. Но переговоры в очередной раз зашли в тупик, ибо так и не было выработано взаимоприемлемое решение

²² Memorandum From the President's Special Assistant for National Security Affairs (Bundy) to President Kennedy. Washington, January 17, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d123> (дата обращения 13.02.2023).

²³ Linus Pauling Letter to President Kennedy about nuclear weapons testing. — URL: <https://atomicinsights.com/linus-pauling-letter-to-president-kennedy-about-nuclear-weapons-testing/> (дата обращения 21.02.2023).

²⁴ Nuclear Test Ban Treaty. — URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/nuclear-test-ban-treaty> (дата обращения 21.02.2023).

²⁵ Letter From the Permanent Representative to the United Nations (Stevenson) to President Kennedy. Washington, May 10, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d181> (дата обращения 17.03.2023).

²⁶ Подробнее см.: *Смирнов Ю.Н., Темирбаев Р.М.* К истории заключения московского договора 1963 года о частичном запрете испытаний ядерных испытаний // *История советского атомного проекта. Документы. Воспоминания. Исследования / Отв. ред. и сост. В.П. Визгин. Вып. 2.* СПб., 2002. С. 295–332.

по вопросу об инспекциях. Позднее Дж. Кеннеди дал такую оценку переговорному процессу 1961–1962 гг.: «В эти годы и США, и СССР часто высказывали друг другу предостережения и подозрения, а надежду давали крайне редко. Представители наших стран встречались ... в Вашингтоне и в Москве, в Женеве и на площадке Объединенных Наций. Но эти встречи приносили только ... разногласия и разочарование»²⁷. Действительно, добиться успеха на переговорах не позволяло практически полное отсутствие доверия к заявлениям и обещаниям друг друга. Впрочем, стало понятным стремление американцев достичь на переговорах с СССР хотя бы закрепления той позиции, которую они считали для себя приемлемой. Речь идет о том, что уже летом 1962 г. руководство США окончательно пришло к идее достаточности запрещения взрывов в трех средах. Этот вариант возможного договора — как альтернатива маловероятному соглашению о запрете *всех видов* испытаний — была четко обозначена в инструкциях главе делегации США на переговорах в Женеве А. Дину²⁸.

27 августа 1962 г. США и Великобритания представили свои версии текстов эвентуального договора, но пока еще с учетом ограничения подземных испытаний и с пунктами о возможности международного контроля на местах. СССР по-прежнему стоял на позиции сокращения числа инспекций до минимума. А. Дин в начале октября 1962 г. так говорил об отсутствии прогресса в Женеве в течение почти целого года: «СССР либо собирается продолжать испытания, либо не готов принять ограничение испытаний по политическим причинам, которые не желает разглашать». В целом Дин был прав: СССР в это время и продолжал испытания, и вряд ли собирался объяснять связь своего отказа от ограничений с тайным размещением ракетно-ядерного оружия на Кубе (операция «Анадырь», июль–сентябрь).

События, развернувшиеся в октябре 1962 г. вокруг «острова Свободы», на время сделали женевский переговорный процесс вообще не актуальным. Заметим, однако, немаловажный факт: даже в самые напряженные дни Карибского кризиса СССР продолжал испытания на основных полигонах. Например, 22 октября на Новой Земле (полигон Сухой Нос, Д-2) было взорвано термоядерное устройство мощностью 8,2 Мт. На полигоне Сары-Шаган в рамках

²⁷ Radio and Television Address to the American People by President Kennedy on the Nuclear Test Ban Treaty July 26, 1963. — URL: <https://ratical.org/co-globalize/JFK072663.html> (дата обращения 02.03. 2023).

²⁸ Telegram From the Department of State to the Delegation to the Eighteen-Nation Disarmament Committee. Washington, August 3, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d211> (дата обращения 24.03. 2023).

серии космических взрывов 22 и 28 октября были проведены испытания выносимых ракетами на высоты 290 и 150 км устройств «К-3» и «К-4» мощностью по 300 Кт. С 14 по 31 октября на Семипалатинском полигоне проводились воздушные (на высоте до 1,5 км) взрывы устройств малой мощности (1,2–10 Кт).

Урегулирование кризиса путем взаимных уступок привело Москву и Вашингтон к пониманию того, что пришла пора продемонстрировать не достижения в ядерных испытаниях, а обновленное взаимодействие. Так или иначе, но в дни кризиса обе супердержавы выглядели как источники реальной опасности глобальной ядерной катастрофы и теперь должны были показать всему миру свою решимость снизить угрозу войны. В начале 1963 г. стало ясно, что единственный способ для этого — договориться о частичном ограничении испытаний (в атмосфере, в космосе и под водой). Как отмечали деятели из Международной комиссии по атомной энергии, тогда «ограничение испытаний считали полезным психологическим инструментом... потому, что проблема радиоактивного загрязнения вызывала широкую обеспокоенность общественности, а тот факт, что были уже доступны технологии проведения подземных взрывов, значительно снижал взаимные жертвы, на которые пошли бы Соединенные Штаты и Советский Союз»²⁹. Правда, СССР сильно отставал от США по количеству именно подземных испытаний: с 1951 г. до августа 1963 г. США осуществили 116 таких взрывов, а СССР смог провести только два³⁰. С учетом возможного и близкого подписания договора о запрете «старых» видов испытаний СССР скорректировал свои планы, и в конце декабря 1962 г. на Семипалатинском полигоне была проведена серия взрывов сверхмалой мощности, предназначенных для изучения безопасности ядерного оружия. Тогда же и на Новой Земле было проведено 11 испытаний, в том числе и последний атмосферный взрыв (25 декабря).

Переговоры об ограничении ядерных испытаний возобновились в январе 1963 г. В это время Дж. Кеннеди писал Г. Макмиллану: «Мне нужно еще подумать над Вашей идеей увязки ограничения испытаний с вопросом о нераспространении, с тем чтобы договор стал более привлекательным для СССР. ... Мне не нравится связывать одну трудную проблему с другой так, что в итоге ни одна из них не бывает решена. Я склонен думать, что договор об ограничении ис-

²⁹ *Delcoigne G.C.* On the 10th anniversary of the signature of the Moscow Treaty. P. 14 // IAEA Bulletin. — URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull15-4/15403500322.pdf> (дата обращения 11.02. 2023).

³⁰ Ядерные испытания в СССР. Т. 2. Саров, 1997. С. 95–104.

пытаний должен либо выстоять, либо упасть в силу его собственных достоинств»³¹.

В течение весны 1963 г. в переписке Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева преодоление спора о международном контроле за ядерными испытаниями стало одним из главных сюжетов. Наконец, 8 мая было получено согласие Н.С. Хрущева на приезд в Москву представителей США и Великобритании³². В июне 1963 г. необходимость скорейшего подписания договора окончательно взяла верх над другими проблемами: подземные испытания были исключены из перечня подпадающих под запрет. Соответственно, отпала и проблема международных инспекций, коль скоро стороны посчитали, что взрывы под землей будет достаточно учитывать национальными средствами сейсмического наблюдения.

После своей известной речи в Американском университете 10 июня («Стратегия мира») Дж. Кеннеди отдал распоряжение о прекращении атмосферных взрывов, а Н.С. Хрущев в берлинском выступлении 2 июля сообщил о готовности СССР немедленно подписать договор об ограничении ядерных испытаний. 15 июля представители США во главе с А. Гарриманом сели в Москве за стол переговоров. 25 июля текст будущего соглашения был парафирован. 26 июля Дж. Кеннеди обратился к американскому народу по телевидению и радио, объясняя необходимость подписания и выгоды для США, содержащиеся в договоре. 5 августа 1963 г. в Москве госсекретарь Д. Раск подписал с Советским Союзом (представленным А.А. Громыко) и Великобританией (лорд А. Дуглас Хьюм) Договор о запрете испытаний ядерного оружия в космосе и атмосфере, на поверхности Земли и под водой. 17–25 августа в США Комиссия по атомной энергии и Научно-консультативный комитет при президенте подготовили доклад, на основе которого Дж. Кеннеди собирался убедить Сенат ратифицировать подписанный договор и одновременно обеспечить его поддержку со стороны американского общества.

Теперь можно представить общие суждения обо всем комплексе причин, которые привели США и СССР к заключению московского Договора, начав с факторов, которые одинаково сильно повлияли и на Москву, и на Вашингтон.

³¹ Message From President Kennedy to Prime Minister Macmillan. Washington, March 28, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d269> (дата обращения 24.02. 2023).

³² Letter From Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, May 8, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d285> (дата обращения 12.02. 2023).

Во-первых, можно считать, что в СССР понимание общемировой значимости Договора оказалось близким к позиции США. Дж. Кеннеди в телеобращении 26 июля четко обозначил те политические выгоды, которые видел Вашингтон. Первым моментом президент считал общую разрядку международной напряженности. Вторым — резкое сокращение опасностей для всего человечества, исходящих от радиоактивных осадков после атмосферных взрывов и образования большого количества радиоактивного трития, практически не существовавшего в природе до 1953 г. Прямо связанным с ограничением испытаний для Дж. Кеннеди выглядело существенное снижение рисков распространения ядерного оружия и в целом ограничение гонки ядерных вооружений³³. Было ясно, что московский Договор открывал перспективу совместных действий по нераспространению ядерного оружия; общую для супердержав выгоду в этом процессе хорошо понимали и в Вашингтоне, и в Москве. Как замечают редакторы американской серии документов внешней политики, «договор не имел большого практического влияния на развитие ...ядерных вооружений, но он создавал важный прецедент для будущего в контроле за вооружениями»³⁴. Безусловно прав был и советский специалист в области нераспространения В.Ф. Давыдов, считавший, что Договор «стал прологом к соглашению о контроле и ограничении гонки ядерного оружия в условиях ядерного равновесия между СССР и США»³⁵.

Во-вторых, стало окончательно ясно, что именно в области ядерных испытаний ни одна из сторон не может вырваться вперед настолько, чтобы обеспечить себе решающее превосходство. Дж. Кеннеди еще в ноябре 1962 г. дал распоряжение группам военных и научных специалистов доложить ему о военно-технологических достижениях США и СССР, прямо связанных с ядерными взрывами. 24 декабря представленный президенту меморандум (подготовленный с участием Г. Сиборга, главы Научно-консультативного комитета Дж. Визнера и аппарата СНБ) сводился к тезису о том, что последние серии проведенных супердержавами испытаний обладают «умеренным значением, но не имеют перспективы хоть как-то повлиять на существующий стратегический баланс». В этих условиях

³³ Radio and Television Address to the American People by President Kennedy on the Nuclear Test Ban Treaty July 26, 1963. — URL: <https://ratical.org/co-globalize/JFK072663.html> (дата обращения 12.02.2023).

³⁴ The Limited Test Ban Treaty, 1963. Milestones 1961–1968. Office of the Historian. Foreign Relations of the United States. — URL: <https://history.state.gov/milestones/1961-1968/limited-ban> (дата обращения 21.03.2023).

³⁵ Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М., 1980. С. 32.

для Соединенных Штатов подписание Договора становилось разумным выбором.

В-третьих, серьезным фактором, определившим возможность заключения договора, было то, что реальные научные и военно-технические достижения США и СССР к этому времени оказались достаточными для обеспечения главных позиций каждой из супердержав в области ядерного сдерживания друг друга. В некоторых аспектах позиция США перед подписанием Договора была более выигрышная, поскольку в 1963 г. они сохраняли превосходство над СССР в количестве ядерных боезарядов и средств их доставки. Договор не противоречил программе развития стратегических ядерных сил администрации Дж. Кеннеди, которая опиралась на обновленную в 1961 г. концепцию ядерной войны («контрсилы»). Она, как замечал А.Г. Арбатов, «сводилась к значительному ускорению строительства подводных лодок «Поларис» и расширения программы развертывания МБР «Минитмен-1» — в общей сложности на 20% по количеству баллистических ракет»³⁶. При этом уже в дополнениях к бюджетам 1961 и 1962 финансовых годов количество запрограммированных подводных лодок выросло с 5 до 20. Программа «Минитмен» тогда же была увеличена с 50 до 600 ракет с заменой мобильного базирования на шахтные старты, а затем и дополнена средствами на строительство еще 200 единиц этого типа с целью доведения общего количества ракет шахтного базирования к концу десятилетия до 1200. К середине 1960-х гг. предполагалось доведение суммарного количества БРПЛ до 650 единиц на 41 подводной лодке и обновление боезарядов, которые несли 630 тяжелых бомбардировщиков «Б-52» и 80 средних «Б-58». Мощная программа развития ядерного арсенала была подкреплена испытаниями 1961–1962 гг. (серии «Нуга», «Солнечный луч», «Доминик» и «Древесная смола»). Как докладывал президенту министр обороны Р. Макнамара, именно эти успешные серии испытаний создавали необходимую основу для оснащения боезарядами новых модификаций ракет «Минитмен» и «Поларис»³⁷. В августе 1962 г. Г. Сиборг в своем докладе президенту особо подчеркивал, что серия взрывов «Доминик» привела к «значительному улучшению эффективности вооружений и показателя соотношения масса заряда / энерговыделение»³⁸.

³⁶ Арбатов А. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980. С. 26, 31.

³⁷ Letter From Secretary of Defense McNamara to President Kennedy Washington. October 31, 1961. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d89> (дата обращения 19.03.2023).

³⁸ Editorial Note. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d218> (дата обращения 12.03.2023).

Весной 1963 г. и для руководства СССР были очевидны все основания, по которым ограничение испытаний становилось разумным решением. Политические причины, основанные на расчете соотношения «риск/выгода» явно преобладали над научно-техническими, хотя именно научные достижения 1961–1962 гг. и дали возможность на первый план выдвинуть *политические*. Советский Союз ради скорейшего подписания договора шел на более серьезные уступки, ибо научно-техническая «цена вопроса» для Кремля была все-таки выше, чем для Белого дома, — хотя бы потому, что отставание от США в подземных испытаниях еще только предстояло преодолеть. Впрочем, в течение 1961–1962 гг. СССР смог провести атмосферные испытания, необходимые для производства моноблочных зарядов для тяжелых ракет, и 15 июля 1963 г. новые Р-16 были приняты на вооружение РВСН³⁹. В этом сегменте военно-технологического соперничества советским конструкторам удалось до минимума сократить разрыв в уровне научных разработок между СССР и США⁴⁰. Летом 1963 г. аналитики ЦРУ были недалеки от истины, полагая, что именно в течение 1961–1962 гг. СССР достиг «отличных показателей производительности» в проведении испытаний сверхмощных устройств, равно как и в устройствах с энерговыделением до 2 Мт. Разведка была уверена, что у СССР достаточные объемы производства плутония и урана-235, что позволит ему к 1965 г. оснастить все носители ядерного оружия боезарядами, серийно созданными на основе испытаний 1961–1962 гг.⁴¹

В итоге можно сказать, что научные наработки и достижения 1961–1962 гг. давали СССР возможность оснастить ядерными боезарядами имеющиеся носители и двигаться далее на основе проводимых только под землей (и весьма дорогостоящих) работ. Более того, уже в 1962 г. в научном центре «Арзамас-16» Ю.А. Трутнев и В.С. Лебедев предложили решение для создания боезаряда со сниженными габаритно-массовыми параметрами, но с достаточно мощным энерговыделением. Всё это создавало базу, на которой даже при отказе от «старых» видов испытаний предполагалось достичь в обозримой перспективе главного, а именно — военно-стратегического паритета с США по ракетным вооружениям наземного базирования.

³⁹ Всего к концу 1963 г. в готовности было 189 МБР (включая «старые» Р-7, Р-9 и совсем «свежие» Р-16).

⁴⁰ Грешилов А.А., Егунов Н.Д., Матушенко А.М. Ядерный щит. М., 2008. С. 283–284.

⁴¹ National Intelligence Estimate . NIE 11-2-63. Washington, July 2, 1963. THE SOVIET ATOMIC ENERGY PROGRAM. — URL: <https://history.state.gov/historical-documents/frus1961-63v07/d308> (дата обращения 22.03. 2023).

Переход только на подземные испытания не останавливал ни американскую, ни советскую программы ядерных испытаний и совершенствования вооружений. Во многом поэтому отношение к нему в мире не было однозначно позитивным. В СССР и политическое руководство, и общество считали его достижением на пути «разрядки напряженности» в отношениях с Западом. В США Договор был воспринят примерно в таком же ключе, хотя критики идей «разрядки» в лице части ученого сообщества (физик Э. Теллер, считавшийся «отцом» американской водородной бомбы, директор Института исследований внешней политики при университете штата Пенсильвания Р. Страус-Хюпе и др.) открыто выступали против дальнейших шагов в области контроля над вооружениями. Гибель президента Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. и приближение президентской избирательной кампании вызвало оживление полемики по вопросу о значении Договора и о возможных векторах развития отношений с СССР, включая и нераспространение ядерного оружия. Сенатор Б. Голдуотер, ультраправый политик, претендовавший на то, чтобы стать кандидатом от республиканцев на предстоящих выборах, в сентябре 1963 г. голосовал против ратификации Договора, называя его «иллюзией мира» с Востоком⁴².

Разногласия же внутри «социалистического Востока» по поводу итогов московских переговоров проявили себя на варшавской сессии Всемирного Совета мира (28 ноября — 2 декабря 1963 г.) Делегация КНР, в которую входило 4 члена ЦК КПК, заявила, что главной целью движения за мир является «бескомпромиссная борьба с американским империализмом». В этой связи она потребовала ни много, ни мало — решительного осуждения Договора, считая, что целью соглашения было закрепление ядерной монополии трех держав, чтобы «заправлять мировыми делами». Позицию представителей КНР тогда поддержали делегаты КНДР, Албании и председатель Комитета защиты мира ДРВ (Северный Вьетнам)⁴³. Видимо, за такой постановкой вопроса со стороны КНР, не присоединившейся в Договору, стояло стремление ускорить свою программу ядерного вооружения и на этой основе занять особое положение в мире — по меньшей мере, как примерно равновеликого Советскому Союзу центра «мирового коммунизма».

И всё же общие результаты компромисса были значительными. Московский Договор был для своего времени весьма важным эпи-

⁴² Anthony Lewis Special to the New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/1963/09/20/archives/goldwater-says-test-ban-creates-illusion-of-peace-tells-senate-he.html> (дата обращения 13.02. 2023).

⁴³ Егорова Н.И. Указ. соч. С. 250.

зодом во взаимодействии супердержав. Они стали тогда инициаторами создания нового международного режима, ибо, как справедливо замечает А.В. Фененко, до этого момента «неконтролируемые ядерные испытания усиливали угрозу непреднамеренного возникновения ядерного конфликта»⁴⁴. Следующей общей инициативой СССР и США стала поддержка резолюции Генассамблеи ООН против милитаризации космоса и принятие супердержавами на себя соответствующих обязательств. В октябре 1963 г. госдепартамент так разъяснял позицию США, уже согласованную с СССР: «В обозримом будущем выведение на орбиту ОМУ не даст ни одной из сторон военного преимущества, и обе стороны имеют общий интерес в том, чтобы избежать гонки подобных вооружений»⁴⁵. Последующие шаги в развитии советско-американского сотрудничества в деле «совместного управления» ядерной сферой в общемировом масштабе со всей очевидностью показали, насколько важен был прецедент московского соглашения. Такими шагами, которые создавали важнейшие международные режимы, действующие по сей день, стали «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (январь 1967 г.) со статьей о запрете вывода ОМУ в открытый космос, а также Договор о нераспространении ядерного оружия (июль 1968 г.)

References

Adamskiy V.B. *K istorii Moskovskogo dogovora o zapreshchenii yadernykh ispytaniy v trekh sredakh* [On the History of the Moscow Treaty on the Ban of Nuclear Tests in Three Environments]. — URL: <https://military.wikireading.ru/37813>

Adamskiy V.B., Smirnov Yu.N., Trutnev Yu.A. *Sverkhmoshchnyye yadernyye vzryvy SSSR i SShA kak proyavleniye nauchno-tekhnicheskoy i gosudarstvennoy politiki v gody kholodnoy voyny* [Superpower Nuclear Explosions of the USSR and the USA as a Manifestation of Scientific and Technical and State Policies during the Cold War]. — URL: http://elib.biblioatom.ru/text/adamskiy-iz-pokoleniya-pobediteley_2008/p143/

Andryushin I.A., Chernyshev A.K., Yudin Yu.A. *Ukroshcheniye yadra: stranitsy istorii yadernogo oruzhiya i yadernoy infrastruktury SSSR* [Taming the Nucleus: Pages of the History of Nuclear Weapons and Nuclear Infrastructure of the USSR] / Ed. by R.I. P'kayev. Sarov: Krasnyy Oktyabr', 2003. 484 p.

Arbatov A.G. *Bezopasnost' v yadernyy vek i politika Washingtona* [Security in the Nuclear Age and Washington's Politics]. Moscow: Politizdat, 1980. 288 p.

⁴⁴ Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М., 2013. С. 81.

⁴⁵ Circular Telegram From the Department of State to Certain Missions. Washington, October 15, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d371> (дата обращения 17.03. 2023).

Cohen A., Burr W. *How the Israelis Hoodwinked JFK on Going Nuclear*. — URL: <https://foreignpolicy.com/2016/04/26/how-the-israelis-hoodwinked-jfk-on-going-nuclear-dimona-atoms-for-peace>

Cowen R.C. *The Test Ban That Worked* // Christian Science Monitor. March 24, 1982.

Davydov V.F. *Nerasprostraneniye yadernogo oruzhiya i politika SShA* [Nonproliferation of Nuclear Weapons and US Policy]. Moscow: Nauka, 1980. 279 p.

Delcoigne G.C. *On the 10th Anniversary of the Signature of the Moscow Treaty*. — URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull15-4/15403500322.pdf>

Fenenko A.V. *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'. Yadernyy factor* [Contemporary International Security. A Nuclear Factor]. Moscow: Aspekt Press, 2013. 573 p.

Fenenko A. *Yadernyye ispytaniya v sisteme strategicheskoy stabil'nosti* [Nuclear Testing in the System of Strategic Stability] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2009. N 12. P. 69–91.

Greshilov A.A., Yegupov N.D., Matushenko A.M. *Yadernyy shchit* [The Nuclear Shield]. Moscow: Logos, 2008. 424 p.

Smirnov Yu.N., Temirbayev R.M. *K istorii zaklyucheniya Moskovskogo dogovora 1963 goda o chastichnom zapreshchenii yadernykh ispytaniy* [On the History of the 1963 Moscow Treaty on the Partial Nuclear Test Ban] // *Istoriya sovetskogo atomnogo proyekta. Dokumenty. Vospominaniya. Issledovaniya* [The History of the Soviet Atomic Project. Documents. Memories. Studies] / Ed. and compiled by V.P. Vizgin. Issue 2. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2002. P. 295–332.

Strategicheskoye yadernoye vooruzheniye Rossii [Strategic Nuclear Armament of Russia] / Ed. by P.L. Podvig. Moscow: IzdAT, 1998. 492 p.

Vert N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva* [A History of the Soviet State]. 1900–1991. Moscow: Progress-Akademiya, 1994. 480 p.

Vsemirnoye dvizheniye storonnikov mira. Daty, sobytiya [World Movement of Peace Supporters. Dates, Events]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1987. 366 p.

Wanamaker T. *American Foreign Policy Today. How It Is Made. How It Works. The Crucial Problems It Faces in Tomorrow's World*. New York; London: Bantam Books, 1964. 250 p.

Yadernyye ispytaniya v SSSR [Nuclear Testing in the USSR]. Vol. 2. Sarov: Izdatel'stvo RFYaTs-VNIIYaF, 1997. 248 p.

Yegorova N.I. *“Narodnaya diplomatiya” yadernogo veka. Dvizheniye storonnikov mira i problema razoruzheniya. 1955–1965 gody* [“Public Diplomacy” of the Nuclear Age. Movement of Peace Supporters and Disarmament. 1955–1965]. Moscow: Akvilon, 2016. 318 p.

Поступила в редакцию
6 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-138-160

Д.В. Манкевич, М.Е. Мегем, М.В. Филёв

ОТ «ПРАВИЛЬНОГО НЕМЦА» К «КАЛИНИНГРАДСКОМУ ФИЛОСОФУ»: ИММАНУИЛ КАНТ В КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ И ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

D.V. Mankevich, M.E. Megem, M.V. Filev

FROM THE “RIGHT GERMAN” TO THE “KALININGRAD PHILOSOPHER”: IMMANUEL KANT IN COMMEMORATIVE PRACTICES AND MEMORY POLICY IN THE KALININGRAD REGION (SOVIET PERIOD)

Аннотация. Одна из ключевых проблем государственной исторической политики, проводившейся в Калининградской области в советский период, была связана с отношением к местному довоенному историко-куль-

Манкевич Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград)

Mankevich Dmitrii Vladimirovich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

DMankevich@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2983-1962

Мегем Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, директор Центра исследований исторической памяти Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград)

Megem Maxim Evgenjevich, PhD Candidate in History, Director, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Mmegem@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6412-9119

Филёв Максим Викторович, младший научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград)

Filev Maksim Victorovich, Junior Research Fellow, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

tsvachim03@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4217-6197

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» «Системный анализ политики памяти в Калининградской области как фактора геополитической безопасности западных рубежей России».

The research was carried out within the framework of the Priority-2030 project titled “System Analysis of Memory Policy in the Kaliningrad Region as a Factor of Geopolitical Security of Russia’s Western Borders”.

турному наследию, частью которого являлась память о жизни и деятельности выдающегося философа и просветителя Иммануила Канта. Цель данной статьи — выявление предпосылок, факторов и этапов интеграции имени и образа И. Канта в региональную культуру памяти и коммеморативную деятельность. Научная новизна исследования определяется тем, что коммеморация философа впервые рассматривается на всем протяжении советского периода истории региона. В первое послевоенное десятилетие было обеспечено ключевое условие для формирования традиций коммеморации И. Канта в молодой советской области — сохранена его могила, взятая в середине 1950-х гг. под охрану государства и ставшая местом притяжения калининградцев и гостей города. В 1960–1970-х гг. могила философа была включена в экскурсионные маршруты и туристические путеводители, уважение к его памяти использовалось как аргумент в системе пропаганды, в области сложилась традиция научного изучения кантовского наследия, центром которой стал Калининградский государственный университет. В условиях жестких ограничений на изучение и популяризацию довоенной истории кантовская тематика воспринималась частью местной интеллигенции как легальная возможность приобщения к «тайнам» немецкого прошлого калининградской земли. При этом позиция региональных властей отличалась противоречивостью, а инициативы по коммеморации философа неоднократно наталкивались на сопротивление, центром которого был обком КПСС. В годы перестройки образ И. Канта воспринимался уже как «мост», соединяющий эпохи и культуры. Началась работа по подготовке воссоздания памятника философу, в планах областного отделения Советского фонда культуры появилась «кантовская» программа мероприятий, И. Кант стал персонажем первых популярных нарративов о довоенной истории края. Процесс интеграции «выдающегося “земляка”», «калининградского философа» в региональную культуру к концу советского периода значительно ускорился.

Ключевые слова: культурная память, политика памяти, Восточная Пруссия, коммеморативные практики, Калининградская область, памятник Иммануилу Канту.

Abstract. One of the key problems of the state historical policy in the Kaliningrad region during the Soviet period was related to the attitude to the local pre-war historical and cultural heritage, it was partly the memory of the life and activities of the outstanding philosopher and educator Immanuel Kant. The purpose of this article is to identify the prerequisites, factors and stages of integration of Kant's name and image into the regional culture of memory and commemorative activity. The scientific novelty of the study is determined by the fact that the commemoration of the philosopher is first considered throughout the Soviet period of the region's history. In the first post-war decade, the key condition for the formation of Kant's commemoration traditions in the young Soviet region was ensured, that is, his tomb was preserved and taken under state protection in the mid-1950s. It became a place of attraction for Kaliningrad residents and guests of the city. In the 1960s–1970s, the philosopher's grave was included in excursion routes and tourist guides, respect for his memory was used as an argument in the propaganda system, a tradition of scientific study of Kant's heritage was formed

in the region, and Kaliningrad State University became a center of such research. Under strict restrictions on the study and popularization of pre-war history, Kantian topics were perceived by a part of local intelligentsia as an allowed opportunity to share the “secrets” of the German past of the Kaliningrad land. At the same time, the position of regional authorities was characterized by contradictions, and initiatives to commemorate the philosopher were repeatedly met with resistance instigated by the regional committee of the CPSU. In the years of *perestroika* Kant’s image was perceived as a “bridge” connecting epochs and cultures. The work on the preparation of restoring the monument to the philosopher began, the plans of the regional branch of the Soviet Culture Fund included a “Kantian” programme of events, Kant became a character in the first popular narratives about the pre-war history of the region. The process of integration of the “outstanding ‘fellow countryman’”, “Kaliningrad philosopher” into the regional culture by the end of the Soviet period was considerably accelerated.

Keywords: cultural memory, memory policy, East Prussia, commemorative practices, Kaliningrad region, Immanuel Kant monument.

* * *

В культурной памяти населения самой западной из российских областей, Калининградской, Иммануил Кант занимает особое место: это наиболее узнаваемый и почитаемый калининградцами «местный» исторический деятель. Результаты социологических исследований 2021–2022 гг. свидетельствуют о том, что большинство жителей края ассоциируют региональное прошлое с именем выдающегося мыслителя, видного деятеля европейского Просвещения¹.

Высокая популярность Канта объясняется прежде всего многолетним влиянием на историческое сознание калининградцев различных «кантовских» мемориативных практик, а также соответствующих маркетинговых стратегий и ориентированных на туристов нарративов. Бурное развитие кантовского «пласта» в культурной жизни региона (и прежде всего областного центра) пришлось на постсоветские десятилетия, когда были сняты действовавшие в советское время ограничения на изучение и популяризацию довоенного прошлого края. Вместе с тем начало интеграции Канта в региональную культуру памяти «молодой советской области» было положено в предшествующий период. Процессы «присвоения» Канта как исторического персонажа, популяризации его образа и наследия, развернувшиеся на рубеже XX–XXI вв., опирались на фундамент, сформированный в советское время.

Выявление предпосылок, конкретных форм, результатов этих процессов и составляет цель настоящей статьи. Хронологические

¹ Подробнее см.: Мегем М.Е., Манкевич Д.В. Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4. № 1. С. 32–45.

рамки исследования ограничены преимущественно второй половиной 1940-х гг. — 1991 г., его объектом выступает политика памяти на территории области в указанный период, предметом — трансформация образа И. Канта в официальной политике памяти и его восприятия калининградцами.

Различные аспекты сохранения памяти о жизни и деятельности философа в течение долгого времени разрабатывались преимущественно немецкими исследователями, в работах которых сюжеты, связанные с коммеморацией Канта, находились, как правило, на периферии авторского внимания². Специальные работы, посвященные сохранению памяти о знаменитом уроженце Кёнигсберга, появились уже в 1970-е гг.³ В СССР в серии «Жизнь замечательных людей» было издано фундаментальное исследование известного советского философа А.В. Гулыги. В биографической работе нашлось место и краткому описанию некоторых мемориальных объектов и коммеморативных практик, связанных с Кантом: автор уделил внимание истории могилы философа, включил в книгу сюжет о праздновании его юбилея в 1974 г.⁴ В 1976 г. был опубликован биографический очерк о Канте с рассказом о кабинете-музее мыслителя в Калининграде, фотографиями его последнего дома и могилы⁵. Среди современных российских историков к теме формирования памяти о Канте в советский период обращались калининградские историки. В частности, Ю.В. Костяшов исследовал вопрос о спасении могилы философа и отношении к ней областных властей и жителей Калининграда⁶, И.О. Дементьев постарался определить место Канта и его философии в официальном нарративе советского времени⁷, пред-

² См., например: *Vorländer K.* Immanuel Kant: Der Mann und das Werk. Leipzig, 1924; *Anderson E.* Das Kantzimmer. Verzeichnis der Kant-Andenken im Stadtgeschichtlichen Museum der Stadt Königsberg. Königsberg, 1936; *Ritzel W.* Immanuel Kant. Eine Biographie. Berlin, 1985; *Schultz U.* Immanuel Kant. Hamburg, 1988; *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.

³ *Mühlpfordt H.M.* Das Kantdenkmal zu Königsberg/Pr. // Jahrbuch der Albertus-Universität (Berlin/Würzburg). 1970. S. 203–210.

⁴ *Гулыга А.В.* Кант. М., 1977. С. 275–277.

⁵ *Гринишин Д.М., Михайлов М.М., Прокопьев В.П.* Иммануил Кант: Краткий очерк жизни и научной деятельности. Л., 1976. С. 5, 16.

⁶ *Костяшов Ю.В.* Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. № 4 (58). С. 79–102; *Он же.* Кто спас усыпальницу Иммануила Канта от разрушения? // Кантовский сборник. 2002. Вып. 23. С. 125–131.

⁷ *Дементьев И.О.* «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 6. С. 175–218; *Он же.* «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е — 1980-е годы) // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. 2012. С. 92–118.

ставил результаты изысканий по вопросу увековечивания памяти о Канте в постсоветский период⁸, рассмотрел проблему отношения к нему общественности и власти⁹.

И. Кант в коммеморативных практиках Восточной Пруссии

Калининградская область РСФСР была образована на территории бывшей германской провинции Восточная Пруссия, где уже более столетия существовали как «места памяти», связанные с И. Кантом, так и соответствующие коммеморативные практики. Еще при жизни философа, в 1801 г., берлинский скульптор Карл Фридрих Хагеманн изваял два бюста Канта, один из которых был направлен в Кёнигсбергский университет, а другой — в Гамбург. Кёнигсбергский экземпляр первоначально располагался в Стоа Кантиана (галерея у стены собора), в 1820 г. он оказался в аудитории «Максимум» старого университета, а в 1862 г. был перенесен в зал Сената нового здания университета. В 1945 г. бюст под завалами обнаружил хирург Оскар Эрхардт. Однако его дальнейшая судьба остается неизвестной¹⁰.

Через год после смерти философа (в 1805 г.) в Кёнигсберге было организовано «Общество друзей Канта». Одним из его идейных вдохновителей стал известный врач, доктор медицины Уильям Мазерби, отец которого — предприниматель Роберт Мазерби — был другом Канта. Мазерби-младший решил в день рождения философа, 22 апреля, пригласить его друзей и близких знакомых на «праздник памяти», который был устроен в доме Канта. В дальнейшем это событие превратилось в ежегодное. В 1814 г. с подачи астронома Фридриха Вильгельма Бесселя зародилась традиция назначать так называемого «бобового короля» — в подаваемом на десерт пироге прятали серебряный боб. Тот из гостей, кому доставался боб, объявлялся «бобовым королем», ему выпадала честь определить тему следующей встречи и подготовить доклад. В связи с этим «Общество Канта» стали именовать «Бобовым обществом», а памятный обед в честь дня рождения философа получил название «Бобовой трапезы»¹¹.

⁸ Дементьев И.О. Политика памяти в Калининградской области // Политика памяти в России — региональное измерение: монография / Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. С. 137–175.

⁹ Дементьев И.О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. № 3 (23). С. 40–61.

¹⁰ Kunstgeschichte: Immanuel Kant in Marmor // Preußische Allgemeine Zeitung. 2002. 22 Juni. — URL: <http://www.webarchiv-server.de/pin/archiv02/25020b26.htm> (дата обращения 30.03.2023).

¹¹ Хорст Г. Общество друзей Канта и Кёнигсберга. — URL: <https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/g-horst-obshestvo-druzej-kanta> (дата обращения 30.03.2023).

Само «Общество» было основным проводником в вопросах сохранения памяти о Канте в Кёнигсберге. Подавляющее большинство коммеморативных практик исходило именно от этой организации. Это были не только памятные мероприятия в годовщины рождения или смерти Канта, но и издания его трудов, участие в создании мемориальных досок и музея, облагораживание могилы¹².

18 октября 1864 г. в Кёнигсберге в год 60-летия со дня смерти мыслителя был установлен полноценный памятник Канту, ставший одним из наиболее знаковых «мест памяти», посвященных немецкому философу. Местом его размещения стала Принцессинштрассе (ныне улицы не существует, располагалась в районе современной гостиницы «Калининград»). Авторство проекта принадлежало Кристиану Даниэлю Рауху. В 1884 г. памятник Канту был перенесен на Парадеплатц перед зданием Кёнигсбергского университета (сейчас это сквер у корпуса Балтийского федерального университета им. И. Канта по ул. Университетской)¹³. Во время Второй мировой войны скульптура философа была утрачена¹⁴, а сохранившийся постамент уже в советские годы использовался для памятника Э. Тельману¹⁵. В том же году в Кёнигсберге на месте переулка Кремергассе появилась названная в честь философа улица — Кантштрассе, длина которой составляла порядка 375 м¹⁶. Район расположения прежней Кантштрассе ныне является центром современного Калининграда — здесь располагаются гостиница «Калининград» и Дом Советов.

12 февраля 1904 г., в столетнюю годовщину смерти Канта, состоялась публичная церемония открытия на стене Кёнигсбергского замка мемориальной доски философу, выполненной в бронзе по проекту скульптора Фридриха Ларса. На доске была размещена фраза из «Критики практического разума»¹⁷. Оригинальная табличка также была утрачена во время войны.

В 1924 г. в Кёнигсберге довольно широко отмечался 200-летний юбилей философа. В течение шести дней, с 19 по 24 апреля, прохо-

¹² Хорст Г. Указ. соч.

¹³ Карль Г. Кант и старый Кёнигсберг. Калининград, 1991. С. 25–29.

¹⁴ Об этом подробнее см.: Кузнецова И. С. Два памятника Иммануилу Канту в одном городе.— URL: <https://kant-online.ru/dva-pamyatnika-immanuilu-kantu-v-odnom-gorode/> (дата обращения 11.05.2023).

¹⁵ Mühlpfordt Н.М. Op. cit. S. 207–210.

¹⁶ Мюльпфорд Х.М. Кёнигсберг от А до ЗЕТ // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 140.

¹⁷ Белинцева И.В. Архитектор Фридрих Ларс (1880–1964) и его литографии «Город Канта. 8 изображений Кёнигсберга 18 века» // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 3. С. 30–31.

дили различные мероприятия, в числе которых были торжественные заседания кёнигсбергского и немецкого обществ Канта, ответственные речи высокопоставленных гостей из университетов Германии и европейских стран, театральные представления. Центральным событием стало открытие в день 200-летия философа, 22 апреля, обновленной могилы Канта¹⁸. После смерти он был похоронен в примыкавшем к собору с северной стороны профессорском склепе. В 1809 г. на этом месте возвели галерею Стоа кантиана, в 1880 г. ее заменила часовня в псевдоготическом стиле. В 1924 г. часовня была снесена, и по проекту Ф. Ларса был сооружен мемориал, дошедший до наших дней¹⁹. Его сохранение в дни бомбардировки центра Кёнигсберга авиацией союзников, в период штурма города войсками Красной армии и в первые послевоенные годы стало важной предпосылкой коммеморации и популяризации Канта в советский период.

Еще одним направлением в деле сохранения памяти о выдающемся мыслителе было создание музеев. В ходе праздничных мероприятий 1924 г. в городской библиотеке Кёнигсберга была подготовлена специальная комната Канта, экспонаты которой четыре года спустя были переданы в городской исторический музей. На протяжении следующих лет директором музея Эдуардом Андерсоном (и его преемником Фрицем Гаузе) велась кропотливая работа по расширению экспозиции, что в 1938 г. позволило организовать на первом этаже здания состоявший из пяти выставочных помещений музей Канта. Посетители могли увидеть его личные вещи, письма и рукописи, в коллекции также были представлены многочисленные бюсты, посмертная маска философа²⁰.

В довоенный период нашлось место образу великого уроженца Кёнигсберга и в сувенирной продукции. Возникшая в городе в 1926 г. «Государственная янтарная мануфактура Кёнигсберга» представляла собой довольно крупное предприятие, насчитывавшее около 1500 сотрудников. В широком ассортименте выпускаемых ею изделий были представлены и изображения Канта²¹.

Таким образом, в довоенный период имя, образ и философское наследие И. Канта занимали видное место в культуре памяти Восточной Пруссии. За более чем столетний период было создано множество связанных с ним «мест памяти», сформировалась целая система

¹⁸ Гаузе Ф. Указ. соч. С. 237; Хорст Г. Указ. соч.

¹⁹ Кузнецова И. С. Иммануил Кант. Калининград, 2013. С. 106.

²⁰ Хорст Г. Указ. соч.

²¹ Гримони Л. Янтарь в Кёнигсберге // Балтийский альманах. 2019. № 18. С. 21.

коммеморационных традиций. Часть этого историко-культурного наследия досталась образованной в 1946 г. советской Калининградской области²².

Первые шаги послевоенной коммеморации

Сразу после завершения войны в отошедшей к СССР части Восточной Пруссии был взят курс «на изгнание прусского духа»²³, в рамках которого немецкое прошлое региона фактически игнорировалось, а мемориальное и архитектурное наследие по большей части признавалось «чуждым». Послевоенная волна отторжения всего немецкого затронула и память о Канте. Сохранились две фотографии могилы философа второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. с написанными на ее стене обращениями советских людей к покойному философу: «Теперь ты познал, что мир материален» и «Думал ли ты, что русский Иван будет стоять на твоём прахе?». Вполне вероятно, что негативное отношение к этому «месту памяти», которым проникнуты надписи, не отражало критическое восприятие авторами Канта как философа, личности, а свидетельствовало скорее о враждебном отношении к символу истории государства, с которым советский народ вел тяжелую многолетнюю войну. С другой стороны, по воспоминаниям переселенца А.П. Бича, для первых советских жителей области фигура Канта была загадочной и вызывала интерес. «...Я помню, собирались — пойдем, на Канта смотреть. А кто такой Кант и не знали. Но ходили туда [на могилу Канта] любопытствовать», — рассказывал Альберт Петрович в интервью для документального фильма «Первые»²⁴.

В целом, в процессе освоения символического пространства региона в первые послевоенные годы доминировало эмоционально-негативное восприятие²⁵, что фактически предопределило судьбу большинства сохранившихся немецких памятников, которые считались «враждебными, реакционными и непригодными к

²² Подробнее об иностранном мемориальном наследии на территории Калининградской области см.: Манкевич Д.В., Мегем М.Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 2. С. 139–155.

²³ Подробнее см.: Костяшов Ю.В., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003.

²⁴ Документальный фильм «Первые» (2021) о первых переселенцах в Калининградскую область см.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bg0PLABgDoY&t=4s> (дата обращения 29.03.2023).

²⁵ Кретицин Г.В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. С. 63.

использованию»²⁶. Однако судьба уцелевшей во время Второй мировой войны могилы Канта волею случая оказалась иной.

В начале 1947 г. в редакцию центральной газеты «Известия» поступило письмо от «жителя Львовской области» В.В. Любимова, призывавшего взять место погребения философа под государственную охрану. Впрочем, как отмечает Ю.В. Костяшов, место жительства и фамилия отправителя письма вероятно были вымышленными, а под псевдонимом «Любимов» скрывался калининградец, не осмелившийся подписаться собственной фамилией, но хорошо разбирающийся в местных реалиях²⁷.

Письмо, пройдя ряд инстанций, привело к положительному результату: на состоявшемся 17 апреля 1947 г. заседании бюро Калининградского городского комитета ВКП (б) были приняты решения о «приведении в надлежащий вид могилы Канта» и размещении около нее мемориальной доски²⁸. В феврале 1950 г. в Совет министров РСФСР поступила просьба Калининградского облисполкома о внесении в государственные списки памятников культуры общесоюзного значения надгробия Канта. В 1954 г. областным управлением культуры был составлен перечень памятников Калининградской области, в который могила Канта была включена в качестве единственной, относящейся к «мемориальным» памятникам (также в перечне были археологические памятники, исторические памятники русской военной славы, исторические памятники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)²⁹. Официальное признание могилы философа в качестве памятника, подлежащего государственной охране, состоялось в 1956 г.³⁰

Таким образом, в первые послевоенные годы И. Кант оказался среди местных деятелей немецкой культуры, наследие которых в ходе начавшегося процесса советизации «Янтарного края» не было предано забвению. Вполне возможно, что ключевую роль в этом сыграло сохранение могилы философа и ее включение в список охраняемых объектов. В случае уничтожения этого ключевого «места памяти» вероятность закрепления Канта в историческом сознании (культурной памяти) населения Калининградской области в последующие десятилетия представляется невысокой, а его постепенная популяризация — крайне сомнительной.

²⁶ Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 87.

²⁷ Костяшов Ю. В. Кто спас усыпальницу Иммануила Канта... С. 126.

²⁸ Там же. С. 125.

²⁹ Костяшов Ю. В., Маттес Э. Указ. соч. С. 46.

³⁰ Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 81.

Появление могилы Канта в реестре подлежащих охране памятников, тем не менее, не означало окончательного решения ее судьбы. На протяжении следующих десятилетий неоднократно возникали инициативы, согласно которым предполагался демонтаж Кафедрального собора и перенос могилы философа.

Настороженное признание (1960-е — 1970-е гг.)

Сохранение могилы Канта в качестве «места памяти» (да еще и рядом с руинами Кафедрального собора, который являлся памятником средневековой готической архитектуры) позволило включить имя философа в местный туристический нарратив. Об этом свидетельствует изданный в 1959 г. иллюстрированный очерк о Калининграде, автором которого выступила С.Г. Бутовская. В нем подчеркивалось, что «советские люди чтут память И. Канта. Могила его охраняется государством. Около колоннады разбит цветник. Здесь часто можно видеть калининградцев и туристов». Следовательно, могила Канта была местом притяжения горожан и гостей города уже в 1950-х гг. При этом советских людей, бережно относившихся к памяти «знаменитого философа-идеалиста», автор очерка противопоставлял «фашистам», которые «в поисках доказательств для своей бредовой расовой теории, надругались над памятью великого философа», когда «вскрыли гроб с прахом Канта и измерили его черепную коробку»³¹. Едва ли появление брошюры было возможно без прохождения необходимых цензурных мероприятий и одобрения текста в соответствующем комитете. Позиция автора очерка, таким образом, не противоречила официальным установкам и мнению руководства области, а акцент, сделанный С.Г. Бутовской на «цивилизованном» отношении калининградцев к памяти о Канте, возможно, был элементом информационной работы, направленной, в условиях апробирования на практике советской концепции «мирного сосуществования», не только на «внутреннего», но и на «внешнего» адресата.

В 1960-е гг. могила Канта становится важной частью экскурсионных маршрутов по Калининграду. Один из первых таких официальных маршрутов был составлен в 1966 г. При его разработке по заказу Управления культуры на Московском экспериментально-производственном комбинате для места погребения философа была изготовлена новая охранная доска, а на 1968 г. был запланирован «капитальный ремонт надгробия над склепом»³². В туристиче-

³¹ Бутовская С.Г. Калининград: иллюстрированный очерк. Калининград, 1959. С. 10.

³² Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 83.

ских справочниках и путеводителях последующих лет, как правило, присутствовало описание могилы Канта. Сам Кант в этих текстах удостоивался положительных эпитетов («всемирно известный немецкий ученый»³³), а гостям города рекомендовалось посетить его могилу³⁴.

Уважительное отношение к памяти о Канте (и некоторым другим деятелям немецкой истории и культуры) в Калининградской области использовалось и в контексте пикировки с ФРГ. В 1966 г. писатель В.П. Ерашов опубликовал в «Литературной газете» статью «Мирная Балтика», в которой отмечал, что «...мы бережно сохраняем на этой земле всё, что связано с подлинной культурой немецкого народа. Государство охраняет могилу великого философа Иммануила Канта — в эти дни у саркофага в мавзолее из розового порфира лежат букеты весенних цветов... Многие улицы названы в честь выдающихся сынов немецкого народа — Маркса, Энгельса, Тельмана, Вагнера, Генделя, Шиллера, Канта...»³⁵ (хотя улицы Канта на тот момент в городе не было).

Год спустя в этом же издании в ответ на критику прессы ФРГ, утверждавшей, что Калининград представляет собой «мертвый город», появилась статья за авторством председателя Калининградского обкома КПСС Н.С. Коновалова (по мнению И.О. Дементьева, текст мог принадлежать спичрайтерам Коновалова³⁶), в которой в схожей с Ерашовым тональности указывалось, что «мы глубоко чтим истинно великих представителей немецкой нации», а «лучшие улицы наших городов названы именами выдающихся сынов немецкого народа»³⁷. Статью сопровождали фотографии, в том числе и могилы Канта³⁸.

На самом деле, отношение местных властей к немецкому историко-культурному наследию в этот период не было таким однозначным. Во второй половине 1960-х гг. ими была инициирована кампания против остававшихся в регионе немецких памятников и архитектурных сооружений, о которой вряд ли мог не знать глава обкома партии. Самой известной акцией этой кампании стал снос руин Кёнигсбергского (Королевского) замка. Судьба Кафедрального со-

³³ Губин А.Б. Если вы в Калининграде впервые. Калининград, 1990. С. 62.

³⁴ Дриго С.В. Калининградское взморье. Калининград, 1970. С. 30.

³⁵ Ерашов В. Мирная Балтика // Литературная газета. 1966. 26 мая. С. 3. Цит. по: Дементьев И.О. Советские гражданские памятники... С. 55.

³⁶ Там же.

³⁷ Коновалов Н. Молодой край советской России // Литературная газета. 1967. 9 мая. С. 13. Цит. по: Дементьев И.О. Советские гражданские памятники... С. 55.

³⁸ Там же.

бора в определенный момент также оказалась под угрозой. В 1967 г. Калининградский горком КПСС и горисполком предложили организовать на острове Канта Пантеон героев Великой Отечественной войны, а также снять с государственного учета 36 памятников истории и культуры довоенного времени, включая «Руины кафедрального собора XIII в.»³⁹.

Эти инициативы были восприняты как вызов частью калининградской интеллигенции, которая трепетно относилась к сохранившемуся довоенному историко-культурному наследию, воспринимала Канта как ключевой символ традиции рационального знания, науки на территории края, поэтому незамедлительно последовала ответная реакция. В частности, ректор Калининградского государственного университета (КГУ) Н.В. Прикладов в феврале 1968 г. адресовал обкому КПСС письмо, в котором предложил передать могилу Канта и собор университету. По замыслу Н.В. Прикладова, в соборе можно было бы разместить научную библиотеку. При этом письму ректора была свойственна осторожность: он согласился с идеей создания мемориала участникам Великой Отечественной войны (но на противоположной от Кафедрального собора и могилы Канта половине острова), а сам собор, исходя из текста, должен был играть роль «поверженного, смертельно израненного великана», который «зримо будет напоминать о трагедии, пережитой народами, и контрастно подчеркивать торжество созидательного труда советских людей, создавших на месте руин свой г. Калининград»⁴⁰.

Предложение Н.В. Прикладова нашло отклик у других неравнодушных представителей общественности, которые в качестве аргумента широко использовали факт знакомства классиков марксизма с кантовскими сочинениями. Например, заместитель директора Калининградского областного краеведческого музея А.Е. Цыганкова назвала Канта «крупнейшим ученым XVIII в.», «с достижениями которого и в области космогонии, и в области философии считались классики марксизма»⁴¹, а ответственный секретарь Калининградского городского отделения Всероссийского общества охраны

³⁹ Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 84.

⁴⁰ Предложение ректора Калининградского государственного университета Н.В. Прикладова об использовании сохранившихся стен кафедрального собора в г. Калининграде. 6 февраля 1968 г. Цит. по: Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 89–90.

⁴¹ Справка заместителя директора Калининградского областного краеведческого музея А.Е. Цыганковой о целесообразности восстановления кафедрального собора. Февраль 1968 г. Цит. по: Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор... 2016. С. 93.

памятников истории и культуры В. Саленкова обозначила немецкую классическую философию как один из «краеугольных камней Марксистско-ленинского учения»⁴². Аргументация в виде ссылки на классиков марксизма казалась действенной стратегией в деле сохранения собора и места захоронения Канта⁴³. Вместе с тем, по мнению В.В. Денисова, своеобразная индульгенция «почитаемого в нашем обществе “провозвестника коммунизма”» Канта позволила сохранить и руины Кафедрального собора⁴⁴.

Дискуссия продемонстрировала столкновение двух дискурсов. Для части калининградской интеллигенции Кант был «своим» — представителем мировой культуры, великим философом и ученым, одним из самых известных уроженцев края. Параллельно существовал официальный дискурс региональных властей, главная черта которого состояла в настороженном отношении к наследию Канта, тень на которое бросала его немецкая родословная. В конечном счете верх взяла калининградская общественность, во многом благодаря заступничеству которой планы по демонтажу Кафедрального собора и могилы Канта так и не были претворены в жизнь.

Дихотомию дискурсов доперестроечной эпохи также демонстрирует и история написания романа калининградского писателя С.А. Снегова «Ветер с океана». В этом произведении присутствует и тема Кёнигсберга, что вызвало в 1970-е гг. претензии со стороны рецензента, некоего писателя А. Богданова, рекомендовавшего полностью исключить любые упоминания о немецком прошлом города, в том числе и фигуру Канта. По версии А. Богданова, в использовании подобных сюжетов проявлялась «как бы косвенная полемика по поводу новых, послевоенных границ. А вопрос об этих границах и в первые годы после войны, и в 1957 г., и сегодня, и в будущем —

⁴² Письмо ответственного секретаря Калининградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В. Саленковой в ЦК КПСС о судьбе кафедрального собора. 19 февраля 1968 г. Цит. по: *Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор...* С. 92.

⁴³ В частности, в издании 1976 г. «С чем связаны память и жизнь», посвященном памятникам и памятным местам региона, при описании могилы Канта философ назван «предшественником марксизма», поскольку, «говоря об истоках марксистской теории, В.И. Ленин подчеркивал, что учение Карла Маркса возникло не на пустом месте, а как “прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма”», к которым авторы издания отнесли и Канта. Кроме того, в тексте издания приведены ссылки на Маркса и Энгельса; отмечается, что «многие гипотезы Канта впоследствии получили научное подтверждение» (*Мелехова А.С., Цыганкова А.Е., Михайлова А.П. С чем связаны память и жизнь. Калининград, 1976. С. 29–30*).

⁴⁴ *Денисов В.В. Калининград — судьба моя: литературно-публицистический сборник. Калининград, 2001. С. 360.*

недискуссионный для нашего народа». Снегов, в конечном счете, принял замечания⁴⁵. Сам случай стал очередным свидетельством восприятия Канта официальными структурами в качестве маркера, отсылающего к прошлому Кёнигсберга, обращение к которому якобы может привести к катастрофическим последствиям вплоть до пересмотра границ.

В 1970-е гг. развернулось еще одно региональное мнемоническое столкновение, свидетельствующее о сохраняющемся конфликтном потенциале И. Канта как исторической фигуры. В 1972 г. ЮНЕСКО было принято решение объявить 1974 г. годом Канта. Вслед за этим Президиум Академии наук СССР принял постановление о праздновании 250-летнего юбилея философа⁴⁶. Согласно воспоминаниям профессора, доктора философии Л.А. Калининкова, в 1972 г. в КГУ было получено из Академии наук письмо, в котором содержался вопрос: каким образом университет намерен отмечать это событие? «Получил ректор [А.А. Борисов] этот циркуляр, обратился в обком партии, а тот встал на дыбы: Какой юбилей? Зачем? Не надо!» — рассказывал профессор⁴⁷. Выход был найден тогдашним заведующим кафедрой философии Д.М. Гринишиным. Он, подключив к делу представителей ЦК КПСС, сумел добиться разрешения провести на базе КГУ первые Кантовские чтения — Всесоюзную научную конференцию, и организовать музей Канта, научным руководителем которого был назначен Л.А. Калининков⁴⁸.

Приведенный пример свидетельствует о восприятии Канта партийным руководством области, в том числе и в качестве «проблемы», элемента не столько «своего», сколько «чужого» нарратива, к которому необходимо относиться с недоверием. В то же время успех обращения в ЦК КПСС был, вероятно, обусловлен отсутствием настороженного восприятия немецкого философа, как и страха перед ползучей «германизацией» Калининградской области, «на самом верху» партийного «олимпа».

В рамках первых Кантовских чтений прошли две конференции: в одной участвовали студенты и аспиранты философских факультетов университетов Советского Союза, а во второй — уже состоявши-

⁴⁵ *Фостова С.А.* Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник БФУ им. И. Канта. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 55–56.

⁴⁶ *Луговой С.В., Троцак А.И.* Леонард Александрович Калининков: *primum vivere, deinde philosophari* // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. 2006. № 1 (26). С. 10.

⁴⁷ «Линия жизни»: Калининков Леонард Александрович. — URL: https://vk.com/video-76876119_456239795 (дата обращения 17.03.2023).

⁴⁸ *Луговой С.В., Троцак А.И.* Указ. соч. С. 11.

еся исследователи. В числе участников был и сотрудник Института философии АН СССР профессор А.В. Гулыга, который в своем докладе высказал идею, что «университет по праву должен носить имя Канта» — по всей видимости, это был первый случай, когда данная мысль прозвучала на официальном мероприятии. Л.А. Калинин вспоминал, что при этом «ёжились и представители обкома, и наш партком, и ректорат, но выслушивать всё это приходилось»⁴⁹.

Впрочем, предложение А.В. Гулыги тогда не получило дальнейшего развития. Результатом первых Кантовских чтений стала публикация сборника «Вопросы теоретического наследия И. Канта», которому одновременно был присвоен статус ежегодника⁵⁰. Это было первое в Советском Союзе периодическое издание, специализировавшееся на кантоведении⁵¹. Проведение в Калининграде всесоюзного научного мероприятия и включение КГУ в систему советского кантоведения способствовало росту внимания к фигуре Канта на калининградской земле.

Для части интеллигенции самой западной области РСФСР Кант в тот период уже стал во многом «своим». Об этом, в частности, свидетельствует распространенная практика возложения цветов к могиле философа. Оказавшейся в городе во второй половине 1970-х гг. немецкой журналистке, бывшей жительницы Восточной Пруссии Рут Марии Вагнер бросилось в глаза, что «молодые калининградцы, большей частью «студенты, приносят их [цветы] почти ежедневно сюда [к могиле философа]»⁵².

Феномен растущей узнаваемости и популярности И. Канта в Калининградской области едва ли можно объяснить только преклонением перед его философским наследием. Вероятно, симпатия многих калининградцев к фигуре мыслителя отражала нереализованный интерес к довоенному прошлому, «таинственному» Кёнигсбергу, по улицам которого когда-то прогуливался Кант. В условиях сохранения идеологических ограничений и объективных препятствий на пути полноценного приобщения к богатой истории края сюжеты о Канте могли восприниматься как «легализованный» путь к познанию «недоступного» прошлого Восточной Пруссии. Позицию региональной власти можно описать через понятие дихотомии: Кант ка-

⁴⁹ «Линия жизни»: Калинин Леонард Александрович. — URL: https://vk.com/video-76876119_456239795 (дата обращения 17.03.2023)

⁵⁰ С 1981 г. по предложению профессора А.В. Гулыги издание получило название «Кантовский сборник», под которым выходит и в настоящее время (Кантовский сборник. — URL: <https://kant-online.ru/kj/> (дата обращения 29.03.2023).

⁵¹ Луговой С.В., Троцак А.И. Указ. соч. С. 12.

⁵² Дементьев И.О. «Что я могу знать?»... С. 204.

зался «правильным» немцем, жизнь и деятельность которого можно изучать и популяризировать, но при этом в строго ограниченном и регламентированном объеме.

«Времен связующая нить» (1980-е гг.)

Вектор политики памяти городских властей претерпел трансформацию в период председательства в Калининградском горисполкоме В.В. Денисова (1972–1984 гг.), стремившегося к реставрации памятников архитектурного наследия и дальнейшему использованию их в культурных целях. По его инициативе, например, в отреставрированной кирхе памяти королевы Луизы на проспекте Мира разместили театр кукол⁵³.

В 1979 г. глава Калининградского горисполкома пригласил в Калининград отдохавшего в Друскининкае (Литовская ССР) заместителя министра культуры СССР В.Ф. Кухарского. В 1992 г. В.Ф. Кухарский адресовал В.В. Денисову письмо, в котором вспоминал обстоятельства той встречи. Чиновники обсуждали и восстановление памятника Канту. Во время посещения могилы философа, как вспоминал Кухарский, «не обошлось без шуток — помните, как окрестили мы Канта “великим калининградским философом”?»⁵⁴. Этот случай иллюстрирует процесс «одомашнивания» Канта: с позиции В.В. Денисова, высокопоставленного для региона чиновника, Кант — уже не просто «правильный немец», а калининградский философ, представитель местного пантеона выдающихся деятелей.

Зимой 1981 г. В.В. Денисов обратился к министру культуры РСФСР Ю.С. Мелентьеву с предложением рассмотреть вопрос о воссоздании в городе памятника Канту. Глава горисполкома использовал для этого различные мотивировки: Кант был «выдающимся немецким ученым XVIII в.», «состоял почетным академиком Российской Академии наук». Отмечалось, что при КГУ успешно работает музей-кабинет Канта, а идею воссоздания памятника одобряют и городская общественность, и Академия наук СССР. Исходя из текста письма, и сам Ю.С. Мелентьев во время визита в Калининград в декабре 1980 г. позитивно воспринял такую возможность. Однако из Министерства культуры РСФСР поступил «обескураживающий нас ответ начальника управления учреждений изобразительных искусств Министерства т. Воробьева В.П.»⁵⁵.

⁵³ Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 86.

⁵⁴ Денисов В.В. Указ. соч. С. 368.

⁵⁵ Письмо председателя Калининградского горисполкома В.В. Денисова министру культуры РСФСР Ю.С. Мелентьеву о воссоздании в Калининграде памятника И. Канту от 23 января 1981 г. Повторное обращение председателя Калининградского

Согласно воспоминаниям В.В. Денисова, несмотря на отсутствие внятных инструкций из Москвы, работа по воссозданию памятника Канту всё равно велась — она была поручена известному скульптору Б.В. Едунову⁵⁶. Осуществлению этих планов помешала скоропостижная смерть Б.В. Едунова в 1982 г., после чего процесс был приостановлен на 10 лет⁵⁷. Тем не менее, сама проработка этого вопроса свидетельствует о восприятии Канта отдельными представителями региональной политической элиты в качестве «своего» деятеля, знаковой фигуры местной истории, уходящей своими корнями в период до 1945 г. и достойного подобающего памятника. Примечательно, что в Областном краеведческом музее в годы «развитого социализма» немецкий период истории края был представлен только одним стендом — о Канте⁵⁸.

В годы перестройки в регионе возникли условия для «легализации» немецкого прошлого, усилился интерес к довоенной истории региона. В ноябре 1987 г. было создано областное отделение Советского фонда культуры, которое возглавил писатель Ю.Н. Иванов. Активными деятелями отделения стали видные представители университетской общественности — философ-кантовед Л.А. Калининков, математик и астроном К.К. Лавринович. Стратегия деятельности отделения отражала изменения, происходившие в исторической политике в период перестройки. В ее структуру вводились сюжеты, относящиеся к немецкому периоду истории региона и при этом не связанные с военно-патриотическим воспитанием. Одним из основных направлений работы отделения стала «кантовская программа» мероприятий⁵⁹.

В 1987 г. в газете «Калининградский комсомолец» появилась статья Ю.Н. Иванова, в которой рассказывалось о домике лесничего Вобстера⁶⁰, где, возможно, останавливался Кант в летние месяцы и мог бы располагаться музей философа. Автор, называющий Канта

горисполкома В.В. Денисова к министру культуры РСФСР Ю.С. Мелентьеву о сооружении в Калининграде памятника И. Канту. Февраль 1981 г. Цит. по.: *Костяшов Ю.В.* Кёнигсбергский кафедральный собор... С. 96–97.

⁵⁶ В числе его многочисленных работ есть и целый ряд монументов Калининградской области: памятный знак «Землякам-космонавтам», монумент «Матери-России», памятник М.И. Калинину, бюсты Э. Тельмана и К. Маркса в Калининграде, памятник И.Д. Черняховскому в Черняховске.

⁵⁷ *Денисов В.В.* Указ. соч. С. 256.

⁵⁸ *Дементьев И. О.* «Рябинка у бойницы»... С. 99.

⁵⁹ Например, в мае 1989 г. в кинотеатре «Октябрь» прошла премьера фильма «Силуэты города Канта» и встреча со съемочной группой студии Леннаучфильм, работавшей над созданием картины (Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 126. Л. 4).

⁶⁰ Адрес: проспект Победы, 200.

«великим», выражал недоумение, почему КГУ не захотел брать этот дом на баланс. Вместе с тем, Ю.Н. Иванов в своей публикации привел содержание своего разговора с первым секретарем горкома КПСС М. П. Нетребой, который видел в этом сооружении антирелигиозный противовес строившейся недалеко от него церкви⁶¹ и предложил передать его историко-художественному музею⁶². Потенциальное кантовское место памяти, как и его идеи в условиях начинающегося «религиозного ренессанса», казались подходящим инструментом антирелигиозной пропаганды.

В заметке от 9 июля 1988 г., опубликованной в «Калининградском комсомольце», читатели могли познакомиться с краткой историей памятника Канту в Кёнигсберге. Сам философ при этом был охарактеризован как деятель, чье имя стало «связующей нитью, протянувшейся из прошлого к нам, его сегодняшним “землякам”, пробудило интерес к истории Кёнигсберга». Могила Канта в тексте стандартно позиционировалась как место притяжения туристов, непременно посещающих ее в ходе визита в Калининград⁶³.

К этому времени кантовские чтения превратились в традиционное мероприятие, проходящее каждые пять лет⁶⁴ и неизменно собирающее представительный состав. Например, в 1988 г. состоялись четвертые чтения, посвященные 200-летию публикации Кантом «Критики практического разума». Среди гостей форума был председатель «Всемирного кантовского общества» (Майнц, ФРГ) профессор, доктор права Юрген Лебун. По итогам мероприятия было принято решение о создании в регионе Кантовского общества, а также подтверждено предложение первых Кантовских чтений 1974 г. — «ходатайствовать перед правительством о присвоении КГУ имени Канта»⁶⁵. Однако развития последний сюжет вновь не получил.

Летом 1989 г. Калининградскую область посетила уроженка Восточной Пруссии, графиня и журналистка Марион Дёнхофф. В ноябре того же года в «Калининградской правде» появился перевод

⁶¹ Свято-Никольский храм, ул. Тенистая Аллея, 39-Б.

⁶² Иванов Ю. Сундук Канта // Калининградский комсомолец. 1987. 25 января.

⁶³ Иммануил Кант // Калининградский комсомолец. 1988. 9 июля.

⁶⁴ В 2019 г. на базе БФУ им. И. Канта состоялись XII Кантовские чтения (XII Кантовские чтения: Кант и этика Просвещения: исторические основания и современное значение. — URL: <https://kant-online.ru/4056/> (дата обращения: 29.03.2023)). В апреле 2024 г. прошел Международный Кантовский конгресс в честь 300-летия философа (Международный Кантовский конгресс. Мировое понятие философии. Иммануил Кант 1724–2024. — URL: <https://kant-online.ru/kant-congress2024/> (дата обращения: 29.03.2023)).

⁶⁵ Алексеев Л. Университет принимает гостей. IV Кантовские чтения // Калининградская правда. 1988. 21 октября.

ее статьи для немецкой газеты “Die Zeit” о впечатлениях от визита. Сама публикация получила название «Путешествие в закрытую область или Поездка во имя Канта и с Кантом». Несмотря на наименование, самой фигуре философа в ней уделено минимальное место. Тем не менее, путевая заметка Дёнхофф интересна с точки зрения ее впечатлений об отношении калининградцев к Канту. Она, ссылаясь на слова Ю.Н. Иванова, отметила, что «Кант принадлежит не русским и не немцам. Он принадлежит всему человечеству». Кроме того, Дёнхофф обратила внимание, что местные жители с особым пиететом относятся к Канту и Шиллеру⁶⁶.

На закате перестройки память о Канте начинает проникать в популярные исторические нарративы. В 1991 г. в Калининградском книжном издательстве была опубликована книга краеведов А.Б. Губина и В.Н. Строкина «Очерки истории Кёнигсберга». Небольшое по объему издание быстро стало популярным справочным пособием по довоенной истории края, чему способствовали как содержание книги, в которой кратко и доступным языком излагалась история региона «с древнейших времен» до конца Второй мировой войны, так и немислимый по нынешним временам тираж — 50 тыс. экземпляров. В «Очерках» присутствовал и небольшой раздел о выдающемся немецком философе — «Город Канта»⁶⁷. Авторы кратко излагали основные факты его биографии, а также старались соотнести «кантовские места» с хорошо знакомой калининградцам начала 1990-х гг. географией и топонимикой родного города. Под пером краеведов оживал мир выдающегося мыслителя, «кантовские маршруты» вписывались ими в ландшафт советского города, в актуальную историю российского региона.

Своеобразным итогом рассмотренных выше процессов трансформации политики памяти в регионе было открытое письмо Федеральному канцлеру ФРГ Г. Колю и Президенту России Б.Н. Ельцину, подготовленное в сентябре 1991 г. Советом отделения фонда культуры. Авторы предлагали «совместными усилиями Германии и России осуществить восстановление древнейшего Кафедрального (Кнайпхофского) собора, чьи огромные стены и башни возвышаются в центре Калининграда на острове Ломзе». Важность проекта постулировалась через обращение к опыту соседей: «Тут похоронен Иммануил Кант. Тут, под трехметровым слоем земли сохранились фундаменты старых зданий Кнайпхофа. Отчего бы на них, на этих фундаментах

⁶⁶ Дёнхофф М. Путешествие в закрытую область или Поездка во имя Канта и с Кантом // Калининградская правда. 1989. 11 ноября.

⁶⁷ Губин А.Б., Строкин В.Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград, 1991. С. 103–105.

не возвести новый, имитированный под старый, Кнайпхоф — центр деловой и культурной жизни города? Так сделано в Гданьске, так делается сегодня в Эльблонге»⁶⁸.

Промежуточные итоги

На протяжении сорока с лишним лет советской истории Калининградской области Иммануил Кант занимал, конечно, далеко не центральное, но всё же заметное место в местной культуре памяти. Имя немецкого философа, благодаря позитивным отзывам классиков марксизма о его философском наследии и удачному стечению обстоятельств, успешно прошло «мемориальную селекцию» и оказалось в списке «разрешенных персонажей» из довоенной истории края, которые вполне официально могли включаться в те или иные формы региональных коммеморативных практик. Восприятие Канта как «правильного немца» позволило спасти ключевое место памяти о нем — могилу мыслителя, без сохранения которой, скорее всего, его имя оказалось бы на периферии исторического сознания калининградцев. В свою очередь, отсутствие в сильно пострадавшем в ходе войны Калининграде (до 1946 г. — Кёнигсберге) большого разнообразия привлекательных для туристов достопримечательностей содействовало закреплению могилы Канта как точки притяжения для гостей города, что способствовало росту узнаваемости и популярности его имени.

Ключевым «драйвером» в деле коммеморации Канта выступала местная интеллигенция, в глазах которой немецкий мыслитель олицетворял собой силу науки и общечеловеческую значимость его философских идей, родившихся на этой земле. Часть представителей интеллигенции гордилась тем, что Кант их «земляк», а его немецкое происхождение при этом играло второстепенную роль. Наследие Канта стало постоянным объектом внимания участников научных мероприятий всесоюзного масштаба, которые проходили на базе КГУ — ведущего вуза региона. Кроме того, через связанные с Кантом сюжеты калининградцы могли вполне легально прикоснуться к «запрещенной» истории Восточной Пруссии, что еще более усиливало интерес к его биографии и связанным с ним местам памяти.

С течением времени могила Канта стала восприниматься калининградцами как часть местного («своего») мемориального ландшафта. «Присвоению» объекта способствовала его интегрирован-

⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 57-А. Л. 4; Манкевич Д.В. Калининградский филиал Советского / Российского фонда культуры и политика памяти в самой западной области России (1987–2007) // Калининградские архивы. 2018. № 15. С. 165.

ность в личный социальный опыт, в семейную память жителей края, многие из которых родились и выросли на территории региона. Коннотация этого места памяти как «немецкого» постепенно отступала на второй план, вокруг образа Канта начала складываться народная мифология. Тенденция «присвоения» Канта постепенно распространялась на всё более широкие круги населения.

В то же время местная власть как главный актор политики памяти относилась к Канту с недоверием. В ее системе идеологических координат он был «правильным немцем», но все-таки, и прежде всего — немцем (даже несмотря на то что в период Семилетней войны на время стал подданным Российской империи), философом-идеалистом. Такое отношение проявлялось в форме создания различных преград на пути «продвижения» образа Канта.

Тем не менее, именно в советский период были созданы предпосылки для интеграции образа Канта в культурную память жителей региона (в первую очередь — областного центра), а общественное отношение к фигуре философа существенно изменилось. В этом смысле слова последнего советского главы Калининграда В.В. Денисова, который в разговоре с «большим» московским чиновником в шутку (в шутку ли?) назвал Канта «калининградским философом», являлись творческим описанием реального феномена коммеморации.

References

Anderson E. *Das Kantzimmer. Verzeichnis der Kant-Andenken im Stadtgeschichtlichen Museum der Stadt Königsberg*. Königsberg: Museum der Stadt Königsberg, 1936. 23 S.

Belintseva I.V. *Arkhitektork Friedrich Lahrs (1880–1964) i yego litografii “Gorod Kanta. 8 izobrazheniy Königsberga XVIII veka”* [Architect Friedrich Lahrs (1880–1964) and His Lithographs “Kant’s City. 8 Images of Königsberg of the 18th Century”] // *Academia. Arkhitektura i stroitel’stvo*. 2020. N 3. P. 27–38.

Butovskaya S.G. *Kaliningrad: illyustrirovannyi ocherk* [Kaliningrad: An Illustrated Essay]. Kaliningrad: Kaliningradskoye knizhnoye izdatel’stvo, 1959. 66 p.

Dement’ev I.O. “*Chto ya mogu znat’?*”: *formirovaniye diskursov o proshlom Kaliningradskoy oblasti v sovetskiy period (konets 1940-kh — 1980-ye gody)* [“What Can I Know?”: The Formation of Discourses about the Past of the Kaliningrad Region in the Soviet Period (Late 1940s — 1980s)] // *Lyudi i teksty. Istoricheskiy al’manakh*. 2014. N 6. P. 175–218.

Dement’ev I.O. *Politika pamyati v Kaliningradskoy oblasti* [Memory Policy in the Kaliningrad Region] // *Politika pamyati v Rossii — regional’noye izmereniye* [Memory Policy in Russia: Regional Dimension] / Ed. by A.I. Miller, O.Yu. Malinova, D.V. Yefremenko. Moscow: INION RAN, 2023. P. 137–175.

Dement’ev I.O. “*Ryabinka u boynitsy*”: *reabilitatsiya dovoyennogo proshlogo v pamyati kaliningradtsev (1970-ye — 1980-ye gody)* [“A Small Rowan at a Loophole”:

Justification of the Pre-War Past in the Memory of Kaliningrad Residents (1970s–1980s) // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. 2012. Vol. XXIV. P. 92–118.

Dement'ev I.O. *Sovetskiye grazhdanskiye pamyatniki v kul'turnom landshafte Kaliningrada* [Soviet Civil Monuments in the Cultural Landscape of Kaliningrad] // *Naslediye vekov*. 2020. N 3 (23). P. 40–61.

Denisov V.V. *Kaliningrad — sud'ba moya: literaturno-publitsisticheskiy sbornik* [Kaliningrad, My Fate: Literary and Publicistic Collection]. Kaliningrad: Knizhnoye izdatel'stvo, 2001. 461 p.

Drigo S.V. *Kaliningradskoye vzmor'ye* [Kaliningrad seaside]. Kaliningrad: Kaliningradskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1970. 32 p.

Fostova S.A. *Pisatel' Sergey Snegov i politika pamyati v Kaliningradskoy oblasti (1950 — 1970-ye gody)* [Writer Sergei Snegov and Memory Policy in the Kaliningrad Region (1950–1970s)] // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni Immanuila Kanta*. Series “Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki”. 2021. N 3. P. 49–58.

Gause F. *Königsberg v Prussii. Istoriya odnogo yevropeyskogo goroda* [Königsberg in Prußen: die Geschichte einer europäischen Stadt]. Reklingskhausen: Bitter, 1994. 316 p.

Grimoni L. *Yantar' v Königsberge* [Amber in Königsberg] // *Baltiyskiy al'manakh*. 2019. N 18. P. 19–22.

Grinishin D.M., Mikhaylov M.M., Prokop'yev V.P. *Immanuel Kant: kratkiy ocherk zhizni i nauchnoy deyatel'nosti* [Immanuel Kant: A Brief Essay of Life and Scientific Activity]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1976. 95 p.

Gubin A.B. *Yesli vy v Kaliningrade vpervyye* [If You Are in Kaliningrad for the First Time]. Kaliningrad: Kaliningradskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1990. 111 p.

Gubin A.B., Strokin V.N. *Ocherki istorii Königsberga* [Essays on the History of Königsberg]. Kaliningrad: Kaliningradskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1991. 190 p.

Gulyga A.V. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1977. 304 p.

Horst G. *Obshchestvo druzhey Kanta i Königsberga* [Der Gesellschaft Freunde Kants und Königsbergs]. — URL: [https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/g-horst-obshchestvo-druzej-kanta](https://freunde-kants-wixsite.com/freunde-kants-ru/g-horst-obshchestvo-druzej-kanta)

Karl G. *Kant i staryy Königsberg* [Kant und Alt-Königsberg]. Kaliningrad: Bitekar, 1991. 32 p.

Kostyashov Yu.V. *Königsbergskiy kafedral'nyy sobor i mogila Immanuila Kanta v sovetskom Kaliningrade* [Königsberg Cathedral and Immanuel Kant's Grave in Soviet Kaliningrad] // *Kantovskiy sbornik*. 2016. N 4 (58). P. 79–102.

Kostyashov Yu.V. *Kto spas usypal'nitsu Immanuila Kanta ot razrusheniya?* [Who Saved Immanuel Kant's Tomb from Destruction?] // *Kantovskiy sbornik*. 2002. N 23. P. 125–131.

Kostyashov Yu.V., Matthes E. *Izgnaniye prusskogo dukha. Zapreshchennoye vospominaniye* [Austreiben des preußischen Geistes. Verbotene Erinnerung]. Kaliningrad: Izdatel'stvo KGU, 2003. 162 p.

Kretinin G.V. *Ob istokakh formirovaniya istoricheskoy pamyati zhiteley Kaliningradskoy oblasti (1945–1960)* [On the Origins of the Formation of Historical Memory of the Inhabitants of the Kaliningrad Region (1945–1960)] // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni Immanuila Kanta*. Series “Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki”. 2015. Issue 12. P. 61–66.

Kuznetsova I.S. *Dva pamyatnika Immanuila Kantu v odnom gorode* [Two Monuments to Immanuel Kant in One City]. — URL: <https://kant-online.ru/dva-pamyatnika-immanuila-kantu-v-odnom-gorode/>

- Kuznetsova I.S. *Immanuel Kant*. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU, 2013. 222 p.
- Lugovoy S.V., Trotsak A.I. *Leonard Aleksandrovich Kalinnikov: primum vivere, deinde philosophari* [Leonard Aleksandrovich Kalinnikov: primum vivere, deinde philosophari] // *Kantovskiy sbornik*. 2006. N 1 (26). P. 6–22.
- Mankevich D.V. *Kaliningradskiy filial Sovetskogo/Rossiyskogo fonda kul'tury i politika pamyati v samoy zapadnoy oblasti Rossii (1987–2007)* [The Kaliningrad Branch of the Soviet/Russian Culture Fund and Memory Policy in the Westernmost Region of Russia (1987–2007)] // *Kaliningradskiy arkhiv*. 2018. N 15. P. 159–168.
- Mankevich D.V., Megem M.E. *Inostrannoye naslediyе v memorial'nom landshafte Kaliningradskoy oblasti* [Foreign Heritage in the Memorial Landscape of the Kaliningrad Region] // *Baltiyskiy region*. 2023. Vol. 15. N 2. P. 139–155.
- Megem M.E., Mankevich D.V. *Otechestvennaya i regional'naya istoriya v zerkale kul'turnoy pamyati kaliningradtsev: pokolencheskiye razlichiya* [National and Regional History in the Mirror of Cultural Memory of Kaliningrad Residents: Generational Differences] // *Tempus et Memoria*. 2023. Vol. 4. N 1. P. 32–45.
- Melekhova A.S., Tsygankova A.E., Mikhaylova A.P. *S chem svyazany pamyat' i zhizn'* [What Memory and Life Are Linked to]. Kaliningrad: Kaliningradskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1976. 127 p.
- Mühlpfordt H.M. *Das Kantdenkmal zu Königsberg/Pr.* // *Jahrbuch der Albertus-Universität* (Berlin/Würzburg). 1970. S. 203–210.
- Mühlpfordt H.M. *Königsberg ot A do ZET* [Königsberg von A bis Z] // *Baltiyskiy al'manakh*. 2015. N 14. P. 83–188.
- Ritzel W. *Immanuel Kant. Eine Biographie*. Berlin: Walter de Gruyter, 1985. 736 S.
- Schultz U. *Immanuel Kant*. Hamburg: Rowohlt, 1988. 190 S.
- Vorländer K. *Immanuel Kant: Der Mann und das Werk*. Leipzig: Felix Meiner, 1924. 460 S.

Поступила в редакцию
5 апреля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-161-170

О.Е. Казьмина

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СТАТИСТИКА

O.E. Kazmina

RELIGIOUS IDENTITY, (SELF-)IDENTIFICATION AND STATISTICS

Аннотация. В статье анализируются проблемы религиозной статистики, обусловленные многогранностью религиозной идентичности и гибкостью религиозной идентификации и самоидентификации. Именно с этим связаны нередко встречающиеся различия в оценочных данных о числе последователей той или иной конфессии. Универсальным и поддающимся сопоставлениям источником могли бы быть переписи населения, но далеко не во всех странах во время переписи задается вопрос о религиозной принадлежности. И даже когда в переписи имеется вопрос о религии, различия в формулировках (и различия стоящего за этими формулировками смысла) не всегда позволяют делать обоснованные сравнения. Поэтому чаще встречаются оценочные данные численности последователей конфессий на основе различных опросов. Религиозная идентичность очень многопланова и зачастую пересекается с другими видами идентичности: этнической, гражданской, локальной. Человека может связывать с определенной конфессией собственно догматическая часть, либо это может быть набор практик и действий, определяющих образ жизни или маркирующих определенные вехи жизненного цикла или моменты/периоды религиозного календаря. Наконец, связывать человека с конкретной конфессией может только чувство сопричастности, сопринадлежности на основе культурно-исторической общности. Поэтому для изучения количественных показателей религиозности удобнее оперировать процессуальными понятиями — идентификация и самоидентификация. Религиозная статистика, или религиозная демография, складывалась в 1960-е гг., т.е. в период, когда размывались привычные формы религиозности, когда религиозная динамика в разных регионах мира становилась все более различной, когда казалось,

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kazmina Olga Evgenievna, Doctor in History, Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

что, по крайней мере на Западе, религия сдает свои позиции. Религиозная статистика требует принятия определенной классификации. В статье рассматривается вопрос, всегда ли классификация должна базироваться только на конфессиональном принципе. Религиозная статистика — сложная и деликатная вещь, но все же она рисует некие контуры конфессиональной структуры, выявляет особенности религиозной ситуации и позволяет увидеть тенденции ее развития.

Ключевые слова: религиозная статистика, динамика религиозного состава, религиозная идентификация и самоидентификация, межденоминационные церкви, религии глобального Юга.

Abstract. The article examines the problems of religious statistics due to the multifaceted nature of religious identity and flexibility of religious identification and self-identification. This is the cause of frequent differences in the estimated data on the number of followers of a particular confession. Population censuses could be a universal and comparable source, but not all countries ask about religious affiliation in the census. And even when there is a question on religion in the census, differences in wording (and differences in the meaning behind the wording) do not always allow for valid comparisons. Therefore, it is more common to find estimates of the number of followers of denominations based on various surveys. Religious identity is very multidimensional, and it often overlaps with other types of identity: ethnic, civil, local. A person can be associated with a certain faith by accepting the dogmatics, or it can be a set of practices and actions that define a way of life or certain milestones of the life cycle or moments/periods of the religious calendar. Finally, the very feeling of belonging to cultural and historic tradition can bind a person to a particular faith. Therefore, in order to study quantitative indicators of religiosity, it is more convenient to operate with the procedural concepts of identification and self-identification. Religious statistics, or religious demography, was developed in the 1960s, i.e. in the period when the traditional forms of religiosity were being eroded, when religious dynamics in different regions of the world were becoming more and more different, when it seemed that, at least in the West, religion was losing its position. Religious statistics require the adoption of some form of categorization. This article examines whether classification should always be based on denominational principle alone. Religious statistics is a complex and delicate instrument, but nevertheless it draws some contours of religious structure, reveals the peculiarities of the religious situation and allows us to see the trends of its development.

Keywords: religious statistics, dynamics of religious composition, religious identification and self-identification, interdenominational churches, religions of the Global South.

* * *

Часто приходится сталкиваться с различающимися данными о числе последователей той или иной религиозной организации. Чем бывает обусловлен такой разнობой? И на чем основываются подсчеты? Как вообще следует относиться к религиозной статистике

и какие данные можно считать наиболее надежными? Что делает сведения по разным регионам сопоставимыми?

Казалось бы, самым универсальным источником должны быть переписи населения. Однако далеко не во всех странах во время переписи задается вопрос о религиозной принадлежности, хотя в последние десятилетия в переписи многих стран мира был включен этот вопрос, в частности — большинства стран постсоветского пространства. В России ни в одной из переписей, проведенных в ХХI в., этого вопроса не было. Впрочем, даже когда в переписи имеется вопрос о религии, различия в формулировках (и различия стоящего за этими формулировками смысла) не всегда позволяют делать обоснованные сравнения (взять хотя бы сущностно разную постановку вопросов о религии во всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и в переписи населения СССР 1937 г.¹). Чаще же даются оценочные данные численности последователей конфессий на основе различных опросов.

Причиной встречающихся различий оценок численности последователей одной и той же конфессии или религиозной организации зачастую оказываются разные подходы: считают ли тех, кто значится членами религиозной организации, или тех, кто соблюдает и практикует, или тех, кто себя причисляет, заявляет о своей принадлежности. Принимается ли религиозная идентичность человека так, как она им осознается либо декларируется, или оценивается его прилежание в религиозных практиках и сила его веры? И можно ли это «объективно» оценить? Комментируя подобные попытки, Святейший Патриарх Алексий II в одном из своих выступлений, напомнив слова из Нового Завета, сказал: «Обоснованно судить о вере людей можно только на основе подлинного знания их сердца, Сердцеведец же один только Господь (Деян. 1.24)»².

Действительно, религиозная идентичность очень многопланова и зачастую пересекается с другими видами идентичности: этнической, гражданской, локальной. Человека может связывать с определенной конфессией собственно догматическая часть (вера в определенные вероучительные положения, принятие их в том виде, как этого требует данная конфессия). Это может быть и набор определенных практик и действий, определяющих образ жизни или маркирующих определенные вехи жизненного цикла или моменты/периоды

¹ Подробнее см.: *Kazmina O. Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. P. 197–204.*

² «Дом, где исцеляются сердца». Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II ответил на вопросы «Российской газеты» // Российская газета. 15.06.2005.

календаря. Подобное религиозное поведение совсем не обязательно предполагает основательное знание догматики. С.А. Токарев в ходе дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» в 1979–1981 гг. (весьма примечательно, что такая дискуссия, анализирующая природу религиозной самоидентификации, имела место в тот период), ответил на вопрос, обязательно ли знание догматики характерно для всех верующих. Он подчеркивал, что если вспомнить, что религии «включают в себя ... строгую догматику, разные “символы веры”, богословские учения и пр., то странно даже и подумать, что все это может требоваться от простого мирянина-“верующего”. Ведь чтобы убедиться в том, что вполне можно “иметь верования и не знать их”, достаточно произвести нехитрый эксперимент: задать прихожанину любой церкви два-три вопроса по православному катехизису. Спор решится сам собой»³. При этом С.А. Токарев не ставил под сомнение отнесение таких прихожан к категории «православные», что понятно. В советское время неверующие люди вряд ли стали бы ходить в церковь. Наконец, связывать с конкретной конфессией человека может чувство сопричастности, сопринадлежности на основе культурно-исторической общности, когда он не очень хорошо знаком с догматикой, не очень прилежно соблюдает предписания и слабо вовлечен в религиозную жизнь. Анализ многогранности религиозной идентичности дополнительно осложняется тем, что само понятие «идентичность» несет разные смыслы и неоднозначную теоретическую нагрузку⁴. Поэтому для изучения количественных показателей религиозности удобнее оперировать процессуальными понятиями «идентификация» и «самоидентификация».

Парадоксальным, а может быть, наоборот, закономерным образом религиозная статистика, или религиозная демография, как ее еще называют, складывается в период, когда размываются привычные формы религиозности, когда религиозная динамика в разных регионах мира становится разной, порой до противоположностей, когда меняются взгляды о связях религиозного и светского, когда, казалось бы, по крайней мере на Западе, религия сдает свои позиции. Эта область знания формируется в 1960-е гг., а ее основателем и, пожалуй, исследователем, внесшим наибольший вклад в ее развитие, можно считать Дэвида Барретта. До этого количественные

³ Токарев С.А. Еще раз о религии как о социальном явлении (ответ моим критикам) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 55.

⁴ Краткий и весьма емкий историографический обзор понятия «идентичность» см.: Подмор К., Прайс К.М., Фадеев И.А. *Magnum ignotum*. Англиканство. Серия: Terra religiosa. Вып. 10. М., 2018. С. 7–12.

оценки принадлежности к той или иной конфессии в социологии религии базировались на данных о членстве деноминаций и касались практически лишь религиозной структуры Европы и Америки. В антропологии религии, исследовательским доменом которой был прежде всего остальной мир, количественным показателям и вовсе не уделялось внимания.

Д. Барреттом, а затем и его учениками и последователями были разработаны принципы, позволившие сопоставлять данные по разным регионам и разным религиям, а также, что бывает совсем не часто, делать надежные прогнозы динамики религиозного состава. В 1982 г. Д. Барретт издает «Всемирную христианскую энциклопедию»⁵, в 2001 г. выходит ее 2-е издание⁶, а в 2019 г., уже после смерти Д. Барретта стараниями его последователей выходит 3-е издание энциклопедии⁷. «Всемирная христианская энциклопедия» стала самым полным и авторитетным компендиумом данных о численности последователей тысяч религиозных организаций (не только христианских) и религиозной статистики по всем странам мира. В 1982 г., вскоре после выхода в свет первого издания энциклопедии, в журнале «Тайм» была опубликована статья, в которой «Всемирная христианская энциклопедия» была названа чудом из Найроби, а Д. Барретт — «Линнеем религиозной таксономии»⁸: ведь том содержал детальную информацию о религиозном составе всех стран мира, давал численность более чем 20 тысяч только христианских деноминаций, открыл миру африканские независимые церкви и представлял тенденции религиозного развития во всех регионах мира. Я узнала об этом труде, будучи студенткой, в 1980-е гг. от своего научного руководителя П.И. Пучкова, а в 1994 г. П.И. Пучков и я по приглашению Д. Барретта посетили его в Ричмонде (США) в созданном им центре, занимавшемся религиозной статистикой. Та встреча, знакомство с материалами и методиками центра в дальнейшем мне очень помогли, и когда я в составе исследовательского коллектива работала над специальным содержанием карты религий России⁹, и при работе над докторской диссертацией, и при написа-

⁵ World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World, A.D. 1900–2000 / D.B. Barrett, ed. Nairobi, 1982. 1010 p.

⁶ World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World. Vol. 1–2. 2nd ed. / D.B. Barrett, G.T. Kurian, T.M. Johnson, eds. New York, 2001. 1600 p.

⁷ World Christian Encyclopedia. 3rd ed. / T.M. Johnson, G.A. Zurlo, eds. Edinburgh, 2019. 1000 p.

⁸ Zurlo G.A. The Legacy of David B. Barrett // International Bulletin of Mission Research. 2018. Vol. 42 (1). P. 34.

⁹ Религии Российской Федерации. Карта (1: 9 000 000). М., 2004.

нии книги «Христианство в современном мире»¹⁰. Это принципы оценки численности последователей той или иной конфессии прежде всего по их самоидентификации, а не прилежанию в вере, сопоставление данных переписей (в случае, если перепись выясняет религиозный состав), социологических опросов, с одной стороны, и данных самих религиозных организаций об их членстве — с другой; рассмотрение данных о последователях религиозных организаций на фоне сведений об этно-языковом составе и с учетом культурно-исторического контекста.

Кстати, весьма любопытна и по-своему информативна в свете складывания религиозной демографии судьба Д. Барретта (1927–2011). Он, англичанин, верующий христианин, начинал свою профессиональную деятельность как авиационный инженер и в конце 1940-х — начале 1950-х годов работал над созданием сверхзвукового военного самолета, способного нести атомную бомбу. Постепенно его работа стала входить во всё большие противоречия с его религиозными убеждениями и пацифистскими взглядами. Он оставил авиацию в 1952 г. и поступил на богословский факультет Кембриджского университета. Еще до этого Д. Барретт посещал миссионерские курсы, где у него появился интерес к количественным сведениям о распространении той или иной конфессии. В 1954 г. он был рукоположен в дьяконы, а в 1955 г. в священники Церкви Англии. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию по религии в Колумбийском университете и полностью сосредоточился на научной работе¹¹. Уйдя из инженерии сначала в миссионерство, а потом в науку, он пытался соединить естественно-научную точность и тщательность расчетов, свойственную его прежней профессии, с религиозной верой и с системой аргументации гуманитарных наук.

На западе в конце 1950-х гг. увеличивается число атеистов и агностиков, религия постепенно вытесняется в сугубо личную сферу. В 1960-е гг. проблема секуляризации становится центральной темой социологии религии, как можно судить по работам Т. Парсонса, П. Бергера, Р. Беллы, Б. Уилсона и других исследователей¹². В Европе появляются прогнозы о закате религии и религиозности, о том, что к концу XX в. религия потеряет всякую значимость (не только

¹⁰ Казьмина О.Е. Христианство в современном мире. М., 2013, 2014, 2016, 2020, 2021, 2022.

¹¹ Zurlo G.A. Op. cit. P. 30–34.

¹² См., например: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1989; Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М., 2019; The Robert Bellah Reader / Ed. by R.N. Bellah, S.M. Tipton. Durham; London, 2006; Wilson B. Religion in Secular Society. London, 2016.

Н.С. Хрущев обещал в 1980 г. показать по телевизору последнего попа!), т.е. формируется концепция «секулярного XX в.». При этом европейские тенденции экстраполируются на весь мир.

А что происходит в других регионах? В мае 1957 г. Д. Барретт прибывает в Кению (значительная часть населения которой были последователями англиканства) для миссионерского служения в сельской местности в районе расселения народа луо, язык которого он интенсивно изучал в тот период. Он не видит там проявлений заката религии (кстати, позже он первым выступит с тезисом о смещении центра массы христианства с глобального Севера на глобальный Юг), напротив, оказывается свидетелем иных процессов. Осенью 1957 г. 130 кенийских англиканских конгрегаций провинции Ньянза (в которой служил Д. Барретт), совокупно составлявшие 16 тыс. членов, выходят из англиканской церкви¹³. Именно в тот период возникают африканские независимые церкви: их образовывали те, кто покидал материнские церкви разной конфессиональной принадлежности, т.е. эти независимые церкви изначально были межконфессиональными или даже внеконфессиональными. Одну из таких церквей образовали и кенийцы, отколовшиеся в 1957 г. от англиканской церкви. Кстати, в Кении раскол 1957 г. был отнюдь не первым. В 1928 г. кенийские кикуйю и лухья покинули англиканскую церковь и образовали Африканскую православную церковь, которая в 1946 г. вошла в Александрийскую православную церковь¹⁴. Возникает практически риторический вопрос: неужели кенийские англикане время от времени разочаровывались в англиканской догматике, подвергали сомнению основные англиканские вероучительные документы — «39 статей» или «Книгу общих молитв»? Кстати, в 1920-е гг. в США появляется афроамериканская православная церковь. И причина была совсем не в догматике. Аргумент принятия частью афроамериканцев православия заключался в том, что восточное христианство в отличие от западного не скомпрометировало себя пособничеством работорговле и оправданием рабства. Таким образом, вероучительная специфика конфессий отодвигалась на второй план социальными и этнокультурными факторами, и это было одним из источников тенденции межконфессиональности.

И здесь мы подходим к еще одному вопросу религиозной статистики. Группировка количественных данных неизбежно требует принятия определенной классификации. Обычно идет распределение по конфессиональному принципу. Но всегда ли классификация

¹³ Zurlo G.A. Op. cit. P. 32.

¹⁴ Казьмина О.Е. Христианство в современном мире. М., 2022. С. 27.

должна базироваться только на конфессиональном принципе, т.е. разбивке по конфессиональной принадлежности? Этот вопрос особенно актуализируется на фоне распространения межденаминационных церквей. Кстати, в уже упомянутой «Всемирной христианской энциклопедии», где в основном идет распределение по конфессиональному принципу, отдельной рубрикой выделяются «африканские независимые церкви», с наблюдения за возникновением которых Д. Барретт всерьез начал заниматься религиозной статистикой. Во многих солидных базах религиозной статистики при наличии группировки преимущественно по конфессиональному принципу в особую группу выделяются евангелики (evangelicals) — явно надконфессиональная группировка. В одной из таких баз объясняется, что к этой рубрике отнесено движение, преимущественно внутри протестантизма, состоящее из аффилированных членов церкви и осознающих себя евангеликами. Говорится, что для евангеликов характерна личная осознаваемая вера в Иисуса Христа (в евангелических церквях часто выражаемая принципом “born again” — заново рожденный, т.е. осознавший веру, сердцем принявший Иисуса Христа), руководство Библией как запечатленным словом Божиим, активная вовлеченность в религиозную жизнь и часто в миссионерство¹⁵. Руководствуясь таким определением, составители религиозных баз данных могут относить к евангеликам все деноминации той или иной конфессии или только часть из них.

На одной из конференций Американской академии религии мне довелось слушать доклад о современных евангеликах, автор доклада сам был членом (а может быть, и пастором) одной из евангелических деноминаций. Он предложил следующую классификацию: «Есть восточные христиане — православные, их можно назвать восточными православными (Eastern Orthodox), а нас — евангеликов — западными православными (Western Orthodox)». Я тогда спросила докладчика: как же так, у нас ведь весьма значительные догматические различия. Он ответил: да, конечно, но нас объединяет принятие традиционных христианских ценностей и общность позиций по многим социальным вопросам. Кстати, в США, особенно в Библейском поясе (охватывающем южные штаты: население здесь гораздо более религиозно, чем на севере; для Библейского пояса характерна активная вовлеченность людей как в приходскую церковную деятельность, так и в социальное служение за пределами приходов) зачастую люди выбирают приход в зависимости от степени либеральности или,

¹⁵ World Christian Database. — URL: www.worldchristiandatabase.org (дата обращения 10.01.2023)

наоборот, консервативности той или иной конгрегации и готовы сменить деноминацию, но ходить в церковь, позиции которой по социальным и теологическим вопросам (сексуальные отношения, брак, родительство, аборты, женское священство, степень свободы в трактовке Библии) соответствуют их представлениям. Есть и межденоминационные церкви, не ассоциирующие себя ни с одной конфессией — например, большинство мегацерквей, или сохраняющие конфессиональную аффилиацию, но межденоминационные по стилю богослужения. Сложности конфессиональной классификации можно видеть и в рубрике «Всемирной христианской энциклопедии» «Англиканы и протестанты», отражающей неоднозначный конфессиональный статус англиканства¹⁶. Все эти примеры — и это только примеры по христианской статистике — демонстрируют сложность и вариативность религиозной идентификации и самоидентификации.

Современному веку дают разные определения: «постхристианский», «постсекулярный». А что говорят цифры? По сравнению с серединой XX в. уменьшилась доля атеистов и агностиков. В 1970 г., по данным Центра исследований глобального христианства, было 4,5% атеистов и 14,7% агностиков, в 2020 г. — 1,8% атеистов и 8,9% агностиков. Христианство — по-прежнему крупнейшая мировая религия. Доля его последователей стабильна на протяжении последних 50 лет: 33,2% в 1970 г. и 33,3% в 2020 г. и в общем близка к данным на начало XX в. — 34,5%. Но произошло явное смещение этой религии с глобального Севера на глобальный Юг. В 1910 г. 80% всех христиан жили на глобальном Севере. В 2020 г. 66% христиан было сосредоточено на глобальном Юге. Вторая по численности и динамично растущая религия — ислам. В 1970 г. доля мусульман составляла 15,6%, в 2020 г. — 23,9%. Динамика всех остальных религий была различной, но больше половины населения современного мира — это либо христиане, либо мусульмане¹⁷.

На глобальном Севере и глобальном Юге наблюдаются очень разные тенденции. На глобальном Севере увеличивается религиозное многообразие, в то время как глобальный Юг становится в религиозном плане более однородным. В большинстве стран Юга растет доля либо христиан, либо мусульман. В этих различиях, безусловно,

¹⁶ Подробнее о конфессиональной идентификации Церкви Англии см.: *Подмор К., Прайс К.М., Фадеев И.А.* Указ. соч.

¹⁷ Christianity in its Global Context. Society, Religion and Mission. Center for the Study of Global Christianity. P. 12–14. — URL: <https://www.gordonconwell.edu/wp-content/uploads/sites/13/2019/04/2ChristianityinitsGlobalContext.pdf> (дата обращения 02.03.2023)

проявляется влияние сочетания разных факторов: неодинаковых темпов демографического перехода в разных регионах, направленности миграционных потоков, миссионерства, но это тема для отдельного рассмотрения.

Религиозная статистика — сложная и деликатная вещь, в разных источниках цифры могут различаться, но всё же они рисуют некие контуры конфессиональной структуры, выявляют особенности религиозной ситуации и позволяют увидеть тенденции ее развития.

References

Berger P. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 208 p.

Kaz'mina O.E. *Khristianstvo v sovremennom mire. Uchebnoye posobiye* [Christianity in the Modern World. A Handbook]. Moscow: INFRA-M., 2013, 2014, 2016, 2020, 2021, 2022. 240 p.

Kazmina O. *Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2019. N 4. P. 197–204.

Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press, 1989. 270 p.

Podmore C., Price C.M., Fadeyev I.A. *Magnum ignotum. Anglikanstvo* [Anglicanism] / Series “Terra religiosa”, issue 10. Moscow: Filin, 2018. 168 p.

The Robert Bellah Reader / Ed. by R.N. Bellah and S.M. Tipton. Durham; London: Duke University Press, 2006. 556 p.

Tokarev S.A. *Yeshche raz o religii kak o sotsial'nom yavlenii (otvet moim kritikam)* [Once Again about Religion as a Social Phenomenon (Reply to My Critics)] // *Sovetskaya etnografiya*. 1981. N 1. P. 51–65.

Wilson B. *Religion in Secular Society*. London: Watts, 2016. 368 p.

World Christian Encyclopedia / Ed. by T.M. Johnson and G.A. Zurlo. 3rd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 1000 p.

World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World / Ed. by D.B. Barrett, G.T. Kurian, T.M. Johnson. Vol. 1–2. 2nd edition. New York: Oxford University Press, 2001. 1600 p.

World Christian Encyclopedia. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World, A.D. 1900–2000 / Ed. by D.B. Barrett. Nairobi: Oxford University Press, 1982. 1010 p.

Zurlo G.A. *The Legacy of David B. Barrett // International Bulletin of Mission Research*. 2018. Vol. 42 (1). P. 29–39.

Поступила в редакцию
16 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-171-190

Т.В. Юденкова

**МИХАИЛ И ИВАН МОРОЗОВЫ —
КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ РУССКОГО ИСКУССТВА**

T.V. Yudenkova

**MIKHAIL AND IVAN MOROZOV
AS COLLECTORS OF RUSSIAN ART**

Аннотация. В искусствоведческой литературе, посвященной коллекционерам Михаилу (1870–1903) и Ивану (1871–1921) Морозовым, исследователей обычно интересует художественный пласт, связанный прежде всего с европейским, по преимуществу французским, искусством. Вопросы собирания русской живописи, выбор тех или иных отечественных художников, отразивший вкусы коллекционеров, смену предпочтений в художественной ситуации конца XIX — начала XX вв., почти не привлекали внимания специалистов. Целью предлагаемой статьи стала попытка определить выработанный братьями М.А. и И.А. Морозовыми подход в коллекционировании именно русского искусства. В связи с этим представляется логичным проанализировать некоторые особенности их коллекций: на каких именах и произведениях останавливался выбор московских собирателей, был ли он осознанным и продуманным или же спонтанным — как принято было в литературе характеризовать формирование русской части коллекции Морозовых. К сожалению, исследователи не всегда находили аргументы в пользу приобретения коллекционерами тех или иных русских мастеров. В то же время специалисты убедительно доказывают, что в отношении произведений знаковых фигур европейского искусства выбор и покупки были тщательно продуманы, вплоть до «бронирования» заранее места в зале для конкретного произведения. Далеко не праздным представляется еще один вопрос: можно ли вести речь об общности эстетических взглядов братьев Морозовых и соответственно об определенной преемственности в их коллекциях? Анализ русской части коллекции Мо-

Юденкова Татьяна Витальевна, доктор искусствоведения, заведующий отделом живописи второй половины XIX — начала XX века Государственной Третьяковской галереи, главный научный сотрудник НИИ Российской Академии художеств

Yudenkova Tatyana Vitalievna, Doctor in Art History and Criticism, Head, Department of Painting of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries, The State Tretyakov Gallery; Leading Research Fellow, Research Institute, Russian Academy of Arts
udenkovatv@mail.ru

ORCID: 0009-0006-8816-0130

розовых позволяет сделать вывод о том, что коллекции широко и объемно представляют панораму главных живописных течений русского искусства: от раннего пленэра к импрессионизму, от первых мирискуснических работ к символизму, от подражаний Сезанну и Гогену до самостоятельных авангардистских экспериментов отечественной живописи 1910-х гг. Одной из характерных особенностей коллекции младшего брата, Ивана Морозова, стало собирание фигуративного (предметного) искусства, так как беспредметная живопись его не привлекала.

Ключевые слова: московские коллекционеры, новейшая французская живопись, русская живопись рубежа XIX–XX вв., пленэр, русский импрессионизм, модерн, символизм, «Мир искусства», «Голубая роза», история коллекционирования.

Abstract. In the art history literature dealing with collectors Mikhail (1870–1903) and Ivan (1871–1921) Morozov, researchers are primarily interested in the artistic stratum connected with European, mainly French, art. The issues of collecting Russian painting, the choice of certain Russian artists, reflecting the tastes of collectors, the change of artistic preferences in the late 19th and early 20th centuries, almost never attracted the attention of scholars. This article attempts at determining the approach developed by brothers M.A. and I.A. Morozov in collecting Russian art. In this context, it seems logical to analyze some features of their collections: what names and works the Moscow collectors chose, whether it was conscious and deliberate or spontaneous (as the literature characterized the formation of the Russian part of the Morozovs' collection). Unfortunately, researchers have not always found arguments in favor of the collectors' choice of certain Russian masters. At the same time, experts convincingly prove that with regard to works by iconic figures of European art, the choice and purchases were carefully thought out, right down to "booking" in advance a place in the hall for a particular masterpiece. Another question is far from idle: can we talk about the common ground for the Morozovs' aesthetic views and, accordingly, about a certain continuity in their collections? The analysis of their Russian part allows us to conclude that the collections broadly and voluminously represent the panorama of the main Russian art currents from early Plein Air to Impressionism, from the first *World of Art* works to Symbolism, from imitations of Cézanne and Gauguin to independent avant-garde experiments of Russian painting in the 1910s. One of the characteristic features of the collection of the younger brother, Ivan Morozov, was figurative (object) art, as he was not attracted to objectless painting.

Keywords: Moscow collectors, modern French painting, Russian painting at the turn of the 19th and 20th centuries, Plein Air, Russian Impressionism, *Art Nouveau*, Symbolism, *World of Art*, *Blue Rose*, history of collecting.

* * *

Михаил и Иван Морозовы принадлежали к той просвещенной части московского купечества, которая преобразовывала традиционные и целеустремленно осваивала новые сферы жизни: экономику, торговлю, просвещение, строительство, благотворительность, внедряла достижения европейской культуры. Они хранили живую

связь с «почвой», с московскими корнями, что означало преданность вере отцов, лишенный пафоса патриотизм, тесные контакты, а порой родство с крупнейшими купеческими династиями. Морозовы приходились родственниками и свойственниками Мамонтовым, Боткиным, Третьяковым, Щукиным, Хлудовым, Остроуховым, Найденовым, Прохоровым и др. Всё это несомненно определило их будущий потенциал и яркое вхождение в культуру Серебряного века, в которой они заняли одно из самых видных мест как ведущие коллекционеры эпохи. К сожалению, их деятельность получила заслуженную оценку и высокое признание только в последние десятилетия.

История коллекционирования в России пережила ряд этапов. На протяжении XVIII в. собиратели (как правило, дворянского и аристократического происхождения) предпочитали западное искусство русскому. В начале XIX в. круг собирателей расширяется, в эту сферу культурной жизни включились государственные служащие, общественные деятели, ученые, литераторы. Изменились и приоритеты: русская тема, интерес к «корням» стали преобладающими, что, несомненно, повлияло на дальнейшее развитие собирательства. С середины XIX в. в эту область начало вовлекаться московское купечество. Объектом коллекционирования становятся книги, рукописи, миниатюры, живопись, скульптура, рисунок, предметы быта и обрядов разных времен и стран. В сфере изящных искусств в эту пору интересы коллекционеров Петербурга всё больше концентрировались вокруг живописи старых европейских мастеров, а Москвы — вокруг всего «отечественного», что по-видимому было связано также с мировоззренческими основаниями жизни. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что Петербург тяготел к европейскому образу жизни, Москва же исповедовала славянофильские взгляды.

Во второй половине XIX столетия московский купец и коллекционер Павел Михайлович Третьяков стал, пожалуй, наиболее заметной фигурой художественной жизни России. Он мечтал о создании музея, с середины столетия начал собирать современную русскую живопись и вскоре создал большую картинную галерею национального масштаба. В 1892 г. П.М. Третьяков подарил Москве свою коллекцию русского искусства, объединенную с коллекцией европейской живописи умершего брата Сергея¹. Братья Третьяковы

¹ Младший брат Сергей Третьяков (1834–1892) собрал небольшую коллекцию произведений европейского искусства достаточно высокого качества, по преимуществу французской школы 1830–1880-х гг. Таким образом, в галерее русского искусства возник небольшой раздел европейского искусства (Коро, Дюпре, Добиньи, Руссо, Фортун и др.).

заняли место подлинных лидеров в истории российского коллекционирования, создав первый общедоступный музей национального искусства в сердце России, в ее древней столице. Заслугу Павла Третьякова современники видели в передаче частной галереи, полностью отражающей историю русского искусства, при жизни владельца (это важно подчеркнуть) в вечное достояние общества. Его собрание, по подсчетам критика, численно превзошло на момент передачи городу Мюнхенскую, Амстердамскую, Лондонскую галереи и галерею Уффици², а воздействие его собирательской деятельности на формирование будущей когорты любителей и собирателей трудно переоценить. Это сознавали современники: «Коллекции и коллекционеры крайне редки в России. В последние годы под влиянием деятельности П.М. Третьякова в Москве стали появляться ... настоящие любители искусства, и к тому же, как это ни кажется на первый взгляд странным, любители самого передового, ультрасовременного искусства»³, — писал Сергей Дягилев в некрологе на смерть Михаила Морозова.

К новому поколению просвещенных московских купцов, получивших высшее образование, порой за границей, владевших иностранными языками, следует отнести братьев Михаила (1870–1903) и Ивана (1871–1921) Морозовых, крупнейших российских фабрикантов, совладельцев Тверской мануфактуры, видных благотворителей и щедрых жертвователей, меценатов искусства. Михаил Абрамович Морозов учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1888–1892); Иван Абрамович Морозов окончил факультет естественных наук Высшей политехнической школы в Цюрихе (1891–1895). В историю коллекционирования они вошли как часть той генерации, для которой музыка, театр, изобразительное искусство стали стилем и образом жизни. Их ближайшие современники — братья Щукины, Боткины, Илья Остроухов, Константин Алексеев-Станиславский и другие... «Новым переломным типом московского купечества»⁴ назвала это поколение Маргарита Морозова, супруга М.А. Морозова, ставшая в 1903 г. его вдовой. «От нас вся Россия ждет спасения. Прежде дворянство давало писателей, а теперь наша очередь.... Я русский самородок! ... у меня избыток

² См.: *Стасов В.В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Стасов В.В. Статьи и заметки: в 2 т. Т. 2: Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. М., 1954. С. 388.

³ *Дягилев С. М.А.* Морозов [некролог]. Цит. по: Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве: В 2-х т. Т. 1. М., 1982. С. 178.

⁴ Варвара Алексеевна Морозова. На благо просвещения Москвы: В 2-х т. Т. 2. М., 2008. С. 335 (Из воспоминаний М.К. Морозовой).

сил!»⁵, – так устами главного героя пьесы А.И. Сумбатова-Южина «Джентльмен» определены сущностные черты представителей этой выдающейся плеяды. А прототипом героя послужил Михаил Морозов, кстати сказать, безжалостно осмеянный в этой пьесе, которая многие годы шла с большим успехом на сцене Малого театра.

В этом кругу Михаил Абрамович прослыл наиболее яркой фигурой. Будучи весьма популярным, он порой превращался в особу скандальную, вызывавшую к себе нездоровый, но неизменно большой интерес. Михаил отказался от деятельности в сфере семейного предпринимательства и коммерции⁶. С юности ищущий себя и свое место в жизни, он пробовал силы в различных гуманитарных сферах, писал рецензии на театральные постановки и заметки путешественника, опубликовал историческое исследование «Карл V и его время» (1893), оставил автобиографическую книгу «Мои письма» (1895)⁷, которую издал под псевдонимом «Михаил Юрьев», тем самым дав еще один повод к жесточайшей критике. Одно время он был избран старостой Успенского собора Московского Кремля⁸ (1896/97?–1903). Противоречивость характера Михаила была неотделима от его харизматичности, включавшей и православную составляющую⁹, которую он понимал особым образом. Помимо прочего, он увлекался балетом, занимался живописью... И, наконец, обрел себя в коллекционировании.

«Оригинальным, жизнерадостным», «экстравагантным, стихийным, но выразительным и заметным»¹⁰ остался он в памяти тех современников, которые сумели оценить неординарность характера Михаила. Знавшие его люди были уверены, что многие свойственные ему черты обязаны его происхождению, но также и «хлудовской» породе по линии матери. Он был человеком «очень московским», его называли «москвичом, типичным по основной закваске»¹¹.

Иван, по всеобщему мнению, был противоположностью старшему брату. В воспоминаниях и письмах он предстает деловым, основательным, педантичным, неторопливым и сдержанным человеком¹²,

⁵ Цит. по: Варвара Алексеевна Морозова. С. 335.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Юрьев М. Мои письма (4 декабря 1893 года — 15 мая 1894 года). М., 1895.

⁸ «Собор этот он очень чтит и любил, истратил большие средства на его отделку и ремонт, и, кроме того, работал над его историей» (Варвара Алексеевна Морозова. С. 335, 349).

⁹ М.К. Морозова указывает на собрание икон Михаила Морозова (Там же. С. 335).

¹⁰ Дягилев С. М.А. Морозов [некролог]. С. 179.

¹¹ Р[акшан]ин Н. // Московский листок. 14 октября 1903.

¹² Варвара Алексеевна Морозова. С. 398.

умевшим обуздать свою страстность. Самым серьезным образом он руководил фабричным делом, искренне его любил, был готов ему отдаться сполна¹³. По воспоминаниям художника Сергея Виноградова, он был «менее решителен, менее смел и порывист»¹⁴ в сравнении с Михаилом. Но он обладал невероятной предприимчивостью в делах фабричных и торговых: при нем семейный капитал с 1904 по 1916 г. вырос в три раза¹⁵. Если для Михаила коллекционирование стало делом жизни, то, по мнению Маргариты Морозовой, для Ивана коллекционирование составляло досуг, позволяло отдыхать от однообразного бремени и ежедневных забот. Вместе с тем, она назвала Ивана «убежденным консерватором»¹⁶ (?!), что сегодня, зная его коллекцию и набор имен новейших французских мастеров наравне с современными русскими, в том числе бубнововалетцами, вызывает по меньшей мере недоумение. Очевидно, что эстетические предпочтения Ивана в искусстве в контексте эпохи были, несомненно, новаторскими, ориентированными в будущее.

Но было и то, что, безусловно, объединяло братьев Морозовых. Оба занимались в юности живописью, с удовольствием вспоминали о поездках на пленэр¹⁷, причем одним из их преподавателей был молодой Константин Коровин, тесное общение с которым было продолжено в последующие годы. Полученная «прививка к живописи», очевидно, отразилась не только на любви к искусству, но и на понимании законов его развития, воспитала эстетический вкус и живой интерес к современному художественному процессу, причем у каждого из братьев проснулся интерес к самым революционным проявлениям искусства — к новейшей, как тогда определяли критики и историки искусства, французской живописи.

Коллекционерским амбициям Михаила Морозова не суждено было раскрыться в полной мере из-за внезапной ранней смерти. Однако он успел привезти в Россию первую картину Ван Гога («Море в Сен-Мари», 1888, ГМИИ имени А.С. Пушкина), ему удалось приобрести так и оставшуюся единственной в стране картину Мунка

¹³ Иван Морозов по завершении обучения в Цюрихском политехникуме весной 1895 г. переезжает в Тверь, становится директором-распорядителем «Товарищества Тверской мануфактуры» (1895–1900), затем председателем правления (1900–1918).

¹⁴ Виноградов С. Прежняя Москва. Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига, 2001. С. 118.

¹⁵ Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. Иллюстрированный биографический словарь. М., 1997. С. 21б.

¹⁶ Варвара Алексеевна Морозова. С. 398.

¹⁷ Борис Терновец считал, что «раннее общение с природой зародило исключительную любовь и понимание пейзажной живописи, которые скажутся впоследствии на составе его собрания» (Варвара Алексеевна Морозова. С. 400).

(«Белая ночь. Осгардстран. Девушки на мосту», 1902–1903, ГМИИ им. А.С. Пушкина), он приобрел первые две картины Поля Гогена, так впечатлившие соотечественников. А Ивану Морозову, напротив, присвоен почетный статус коллекционера-куратора в формировании коллекции высокого музейного уровня¹⁸ одним из исследователей его деятельности А.В. Петуховым, благодаря основательности и фундаментальности в его подходе к отбору произведений французского искусства. Этот факт стал очевиден недавно после изучения архивных материалов, хранящихся в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Покупая или заказывая шедевры, И.А. Морозов обнаружил таким образом мышление, согласное с современными концепциями истории европейского искусства.

Коллекционируя французское искусство, оба брата тесно общались с избранным кругом русских художников. В особняке Михаила начиная с 1893–1894 гг. на ставшие знаменитыми «морозовские воскресные завтраки» собиралась компания живописцев, определявших в тот период пути дальнейшего развития русского искусства (К.А. Коровин, В.А. Серов, М.А. Врубель, С.А. Виноградов и другие). К этим собраниям, как известно, был привлечен младший брат Иван. Это живое непосредственное общение стало плодотворной питательной средой для формирования общности интересов коллекционеров, эстетических пристрастий и, конечно, их выбора. Братья Морозовы прислушивались к советам русских мастеров при приобретении картин французских художников, в то же время об участии консультантов при выборе картин отечественных художников упоминаний не встречается. Видимо, полагались на собственные впечатления.

Еще одна черта, сблизившая братьев Морозовых, что особенно важно подчеркнуть в контексте статьи: у обоих братьев был непреходящий интерес к русскому искусству. В жизни многих собирателей начало знаменитых коллекций связано с покупками произведений русского искусства. Известно, что С.И. Щукин, увлекшись европейским, продал все произведения отечественной живописи, сосредоточившись исключительно на искусстве западных мастеров.

По поводу ранних покупок Морозовых дискуссии среди специалистов продолжают. Первую покупку Михаила относят к 1894 г.¹⁹, Ивана — к 1891²⁰. Позволю предположить следующее: одним из пер-

¹⁸ Брат Иван. Коллекции Михаила и Ивана Морозовых. Путеводитель по выставке. М., 2022. С. 42.

¹⁹ Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. Коллекции. М., 2018. С. 16.

²⁰ Там же. С. 15. В то же время Б. Терновец указал дату начала коллекции — 1900 год (*Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи.* М., 1977. С. 107). В другом месте той же статьи Терновец пишет, что И.А. Морозов начал собирать с начала 1890-х (с. 118).

вых приобретений Михаила Морозова стала картина Ап.В. Васнецова «Московский Кремль. Соборы» (ГТГ), купленная в 1894 г.²¹, экспонированная на 14-й выставке Московского общества любителей художеств в 1894–1895 гг. Не исключено, что с этой выставки Михаил Морозов приобрел также ноктюрн большого формата К.А. Коровина «Гаммерфест (из путешествия на Север)» (1894–1895, ГТГ), разработанный в серебристо-серой гамме²². Картина поступила в Третьяковскую галерею в 1910 г. в составе большого дара от вдовы М.К. Морозовой согласно устному волеизъявлению ее супруга М.А. Морозова, т.е. спустя семь лет после его смерти²³.

Братья Морозовы коллекционирование русских мастеров не оставили, они продолжали параллельно формировать коллекции французской и русской живописи. Оба заказывали семейные портреты Валентину Серову.

В небольшой группе искусствоведческой и мемуарной литературы, посвященной Морозовым, внимание, разумеется, приковано к коллекционированию французской живописи как самой передовой²⁴. К сожалению, изучение русской части коллекции мало привлекало исследователей. Исключение составили труды Н.Ю. Семеновой, включившей в свои статьи и монографии вопросы собирания русской живописи²⁵.

В данной статье сделана попытка прояснить, существовала ли система в коллекционировании русского искусства братьями Морозовыми, на каких именах и произведениях останавливался их выбор. При всей общности взглядов продолжил ли младший брат

²¹ Письмо В.М. Васнецова А.М. Васнецову от 17 мая 1894 // ОР ГТГ. Ф. 11. Д. 463. Л. 1, 2.

²² Когда точно картина была приобретена Морозовым — неизвестно, но из писем современников удалось выяснить, что в декабре 1900 г. эта картина уже была в собрании М.А. Морозова (Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. С. 62).

²³ По справке, выданной М.К. Морозовой в Комитете по делам искусств при Совете Министров СССР от 20 августа 1952, безвозмездная передача в дар Третьяковской галерее составила 29 произведений русских художников и 30 произведений мастеров иностранной школы (ОР ГТГ. Ф. 4. Ед. хр. 784. Л. 1–2).

²⁴ *Тугендхольд Я.* Пейзаж во французской живописи. СПб., 1911; *Маковский С.* Французские художники из собрания И.А. Морозова // *Аполлон.* 1912. № 3-4; *Эфрос А.* Человек с поправкой. Памяти И.А. Морозова // *Среди коллекционеров.* 1920. № 10; *Терновец Б.Н.* И.А. Морозов. Собиратели и антиквары прошлого // *Среди коллекционеров.* 1921. № 10; *Яворская Н.В.* История Государственного музея нового западного искусств (Москва). 1918–1948. М., 2012; *Семенова Н.* Михаил и Иван Морозовы. Коллекции; *Петухов А.* Иван Морозов на парижских салонах начала XX века. История коллекции. М., 2022.

²⁵ *Семенова Н.Ю.* О коллекции Михаила Абрамович Морозова и ее судьбе // *От Павла Третьякова до Леонида Талочкина: коллекционеры-дарители XX века // Государственная Третьяковская галерея. Материалы научных конференций.* М., 2017. С. 195–213; *Семенова Н.* Михаил и Иван Морозовы. Коллекции.

дело старшего? Можно ли слова, сказанные о французской живописи одним из ведущих исследователей коллекции Ивана Морозова Бориса Терновца, стоящего в первые послереволюционные годы у истоков зарождения Музея новой западной живописи, применить к русской школе: «...под влиянием его [старшего брата] кончины у Ивана Абрамовича формируется решение продолжить начатое братом собирательство французской живописи. С этого момента начинаются ежегодные поездки в Париж для систематического ознакомления с выставками; рамки приобретательства расширяются, И.А. Морозов как бы ведет дальше любимое дело брата, связь и преемственность обеих коллекций он всегда живо чувствовал и любил на нее указывать»²⁶.

К сожалению, в истории коллекционирования давно устоялось мнение, что, покупая русское искусство, Михаил и Иван Морозовы действовали бессистемно, их коллекции отличало «смещение имен и жанров», неоднородность и случайность состава.

В самом деле, ряд картин, находившихся в собрании Михаила Морозова с первого взгляда вызывают замешательство и входят в противоречие со сложившимся образом эстета, даже «гурмана» по части изящных искусств. Коллекционер, обладавший тончайшим вкусом в выборе лучших и смелых полотен нового французского искусства²⁷, включил в свое собрание две картины маститого передвижника Василия Перова. Это кажется странным, потому что в тот короткий период, на который пришлось коллекционирование Михаила Морозова (начало 1890-х — 1903 г.), в деятельности Товарищества передвижников назрел кризис, обозначивший «конец» монополии передвижников в художественной жизни, приведший к серьезнейшему конфликту внутри ТПХВ, но также и к противостоянию поколения старейших передвижников «первого призыва» и набравшего силу отряда молодых живописцев. Тогда же в привычный обиход входит понятие «передвижничество», получившее пренебрежительную коннотацию. В 1880–1890-е гг. в России, отмеченные сменой поколений, приведшему к началу формирования нового художественного мышления, усиливаются нападки на передвижников. В частности, Сергей Дягилев обвинял их в узконациональной окрашенности картин, в постоянном требовании идеи, в игнорировании формальных исканий, определив стилистику их картин термином «шаржированный корявый реализм»²⁸.

²⁶ Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. С. 108.

²⁷ Семенова Н. Михаил и Иван Морозовы. Коллекции. С. 73.

²⁸ Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. С. 67–68.

В этих условиях Михаил Морозов, который приятельствовал с Коровиным, Виноградовым, Левитаном, Серовым и другими, определявшими пластические поиски в 1880–1890-е гг., приобрел две работы Перова («Ботаник», «Голубятник», обе 1874, ГТГ, точная дата покупки отсутствует). С одной стороны, Морозов был независим и любил провокации, с другой, как выясняется, подобного рода приобретения имели под собой основания и не являлись случайными.

Для перечисленных живописцев, определявших лицо поколения младших передвижников, «поколения детей» в противостоянии «отцов и детей», творчество Перова представлялось важной художественной «платформой» московской живописной школы. Личность любимого профессора Московского училища живописи, ваяния и зодчества по-прежнему, невзирая на переоценку творчества передвижников 1870–1880-х, оставалась олицетворением лидерства и неизменности авторитета для большинства выпускников училища. Мастера, входившие в круг общения Михаила Морозова (хотя многие из них в разные годы покинули Товарищество), либо сами учились у Перова, либо их учителя учились у Василия Григорьевича.

Более того, выбранные Морозовым две картины Перова — и «Голубятник», и «Ботаник» — занимают особое место в русской живописи середины 1870-х, предвещая появление «Московского дворика» В.Д. Поленова (1877, ГТГ). Он приобретал картины, выходящие за рамки критического реализма, за рамки классического представления о наследии передвижников, которое в тот момент было подвергнуто критике и отходило на периферию искусства. С одной стороны, эти картины адресуют к традиции изображения в русской культуре людей романтического склада, ищущих отдохновение среди безгрешной природы, с другой — раскрывают тему восприятия мира как некоей целостной структуры, в котором происходит слияние человека и природы благодаря разработке световоздушной среды, которая в дальнейшем приведет к консолидации темы пленэра в русском пейзаже и жанре, а далее выведет к поискам импрессионистического взгляда на окружающий мир. В этом смысле названные две картины Перова — его первые опыты в области жанра в пейзаже и «выхода к пленэру». Они начинают путь, проделанный московской живописной школой в сторону новых пластических исканий рубежа веков, представленной той же самой группой мастеров, близких Михаилу Морозову. Таким образом, в его коллекции выявлен один из самых ранних этапов в развитии отечественной

живописи 1870-х — начало пути русского искусства в сторону пленэра и импрессионизма.

Выясняется, что все художники, вошедшие в собрание Михаила Морозова, так или иначе участвовали в обновлении русской живописи, впоследствии многие из них стали членами Союза русских художников (1903–1923), составив то направление в искусстве, которое укоренилось под именем русского импрессионизма.

Знаковыми для коллекции Михаила, а впоследствии и Ивана Морозовых стали картины выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества Константина Коровина, наиболее последовательно выразившего в своих произведениях главные тенденции московской живописной школы. Приобретение ранних работ второй половины 1880-х гг., а именно на этот период пришлась короткая пора ученичества братьев Морозовых рисунку и живописи у Коровина, означало понимание коллекционерами сущности пленэрно-импрессионистических открытий их учителя. (К.А. Коровин. «В лодке». 1888. Из собрания Михаила Морозова; К.А. Коровин. «Портрет хористки». 1887. Из собрания Ивана Морозова. Обе — ГТГ). В них сначала робко, а потом всё более решительно пробивались новые веяния в русском искусстве, а именно лирическая концепция живописного произведения, позволявшая двигаться художникам к бессобытийности и созерцательности, к отказу от повествовательности, к обретению новых пластических форм, воздействующих более на эмоциональную сферу, нежели ментальную, к осознанию самоценности искусства.

Тонкие ценители французского импрессионизма, Морозовы, видимо, остро чувствовали параллельность многих процессов развития искусства (с определенной долей отставания для русского), неслучайно в собраниях братьев было много произведений Коровина, по праву считающегося основоположником русского импрессионизма.

В год смерти Михаила Морозова, в 1903 г., был образован Союз русских художников, в состав которого вошли, главным образом, представители московской школы живописи. Именно с этим событием связывают окончательное установление в русском искусстве импрессионистического мироощущения, которое, конечно же, имело свои национальные особенности.

Таким образом, первая линия, представляющая московскую живописную традицию, связанную с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества, свободно вычитывается в коллекции Михаила Морозова и связана с ее ориентацией на пленэр и нача-

ло импрессионизма. Она звучит в произведениях учеников Перова Исаака Левитана, Константина Коровина, их учеников и последователей — конечно, Сергея Виноградова и др. К ним примыкают произведения Валентина Серова, преподававшего в Московском училище с 1897 г., и работы Василия Сурикова с серией его этюдов к историческим полотнам, созданным в Москве, творчество которого рассматривалось всегда в русле московской традиции, обозначившей путь от передвижнического реализма к импрессионистическим опытам и к экспериментам эпохи модерна и даже авангарда 1900–1910-х гг.²⁹ Все эти имена представлены в собрании Михаила Морозова. Многие из них — значимы для становления русского импрессионизма в его «московском» изводе, в постижении принципиально иных задач, связанных с утверждением нового подхода, прежде всего к пейзажу (И.И. Левитан. «Весной в лесу». 1882; В.А. Серов «Осенний вечер. Домотканово». 1886; В.И. Суриков. «Голова юродивого» (1885); все — из собрания Михаила Морозова, все — ГТГ).

Вторая не менее важная для русского искусства линия, представленная в коллекции, также выстраивается довольно четко и связана с деятельностью Абрамцевского художественного кружка, своего рода творческой лаборатории, в которой зародились первые ростки национально-романтического стиля в лице В.М. Васнецова, М.В. Нестерова, М.А. Врубеля и др. Наиболее раннее и показательное в этом смысле полотно «Три царевны подземного царства» (1879–1881. Из собрания Михаила Морозова, ГТГ). Оно было заказано Виктору Васнецову меценатом и покровителем искусства, основателем Абрамцевского кружка Саввой Мамонтовым для интерьера правления Донецкой железной дороги и вошло в собрание Михаила Морозова в 1902 г. (приобретено с распродажи коллекции С.И. Мамонтова). Картина обозначила поворот к национальным художественным истокам и предвосхитила некоторые стилистические черты модерна, характерные для более позднего времени, в целом еще тогда, в начале 1880-х, не свойственные русскому искусству, но уже намеченные в творчестве Васнецова. В этом смысле эта картина является, несомненно, ключевой для эволюции русского искусства в его постижении неорусского стиля, национального варианта модерна.

²⁹ Давыдова О.С. Диалог на виражах. Суриков и «модернизм»: коллизия взаимоотношений; *Геташвили Н.В.* Ближний круг: Суриков и Кончаловский // Василий Иванович Суриков и его современники. К 170-летию со дня рождения художника. Научно-практическая конференция. Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ. 12 октября 2018 г. Москва.

Наконец, статус коллекции значительно повышается присутствием в ней немало количества живописных и графических работ Михаила Врубеля. Этот мастер создал своеобразный волшебный мир, стремясь к светящимся изнутри высоко духовным образам и новаторской пластике «граненых» мозаичных мазков. Он утвердил в России еще в 1880-е гг. «модерн как стиль и символизм как способ мышления»³⁰. Его сближение с членами Абрамцевского кружка началось с конца 1880-х.

В откровенно фантастической картине Врубеля «Царевна-лебедь» (1900, ГТГ) художник запечатлел преображающее мгновение, в котором одновременно таинственно является и исчезает в волнующей пучине морских вод оперная певица и красавица-жена Н. Забела–Врубель. В композиции полотна заложен еще и некий мистический символический смысл. История поступления этой картины в коллекцию Михаила Морозова описана в письме Надежды Забелы сестре Е.И. Ге, которая сожалела о том, как дешево Врубель продал свое полотно «противному» Морозову, сообщая, также, что желая ему «отплатить», он думает повторить «Царевну-лебедь» для другого покупателя³¹. Смелые начинания Врубеля, как то перетекание одних форм в другие, волшебная игра с пространством, вибрирующая живописная поверхность, трансформация реальных людей в фантастические существа и многое другое, бросали вызов обыденным представлениям и формировали черты нового искусства, которое к началу XX в. только начинало осознаваться современниками. Врубель был одиночкой, выразителем нового тюргического искусства, манившего новыми смыслами, которые понимали и принимали единицы. К этой когорте избранных — тонко чувствующих приближение новой эры символизма — принадлежал и Михаил Морозов.

В его собрании было два рисунка Врубеля («Демон и Тамара». 1890–1891, ГТГ), иллюстрирующие юбилейное издание поэм Михаила Лермонтова к пятидесятилетию со дня смерти поэта, вышедшее в 1891 г. и оказавшее большое влияние на поэзию символистского круга, по существу открывшее новое прочтение лермонтовского творчества для многих современников. Ценность этого издания, по-видимому, была очевидна просвещенному коллекционеру, раз в его собрании оказались эти рисунки.

³⁰ *Сарабьянов Д.В.* Модерн. История стиля. М., 2001. С. 115.

³¹ Письмо датировано 19 апреля 1900 г., из чего следует, что картина приобретена не позднее апреля 1900 г. (Воспоминания о художнике. Е.И. Ге // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1976. С. 274).

Михаил Врубель — создатель русского варианта общеевропейского модерна, был близок одновременно и дружескому кружку художников, известного как объединение «Мир искусства».

Последний период собирательства Михаила Морозова был озаглавлен проникновением в значимость творчества «старших» мирискусников, расцвет которых падает именно на конец 1890-х — первую половину 1900-х гг. Во многом благодаря деятельности «Мира искусства», сыгравшего исключительную роль в сложении символизма и модерна, русская культура обязана сближению художников с писателями, поэтами, философами, режиссерами, театральными деятелями, что имело решающее влияние на развитие культуры Серебряного века, у истоков которой стояли первые мирискусники. Лидеры этой группы — Александр Бенуа, Константин Сомов, Сергей Дягилев, Лев Бакст и другие — провозгласили самоценность искусства, первенство пластических качеств над остальными ценностями жизни, свободу от навязывания социальной проблематики, художественный индивидуализм, который так ценил Михаил Морозов. Изысканность и отточенность композиций усиливали хрупкость изображенного мира, а стильная сдержанность пространства и декоративность ритмов и контуров звучала по-разному в работах Бенуа и Сомова, но неожиданно подчас оказывалась диссонирующим аккордом, усиливающим иронические интонации. (А.Н. Бенуа. «Бассейн Цереры». 1897; К.А. Сомов. «На даче». 1898–1900, обе — ГТГ, ранее коллекция М. Морозова).

Обновление искусства они видели в обращении к русской старине, архитектуре барокко, классицизма, рококо, с одной стороны, с другой — к традициям европейской культуры, заложив основы для дальнейшего развития модерна. Любование ушедшими эпохами, деформация реальности, тяга к стилизации, склонность к душевной болезненности, метафоричность языка и театрализация жизни сопутствовали их творческим начинаниям.

Коллекция младшего Морозова, Ивана, часто посещавшего своего брата в его московском особняке на Смоленском бульваре и, несомненно, еще при жизни Михаила вкусившего прелесть «приобретательства», получившего, как говорится, по наследству «бациллу коллекционирования», складывалась постепенно и, судя по воспоминаниям, отличалась всё же системным подходом. Иван, как уже говорилось, был более сдержанным, обстоятельным. И. Грабарь вспоминал о нем с большим уважением: «...начал скромно, покупая сначала “смирные” вещи и только постепенно переходя к более решительным новаторам. Сперва он покупал только русских, перейдя

к французам довольно поздно...»³². Обдуманность и взвешенность при принятии решений были частью его натуры, он не бросался словами и обещаниями. Когда Грабарь, будучи попечителем Третьяковской галереи, попросил Ивана Морозова войти в ее Совет, «он решительно отказался, ибо почестей не любил, а полезным себя для галереи не считал. ... убедить его не удалось»³³.

«Постоянное доброжелательство и добродушие» отмечал в своих воспоминаниях Юрий Бахрушин, с отцом которого Иван Морозов был в дружеских отношениях. Он называл его «ленивым добряком»³⁴. Благожелательное отношение к людям и добросердечие Ивана были хорошо известны современникам. Именно к нему обратился Илья Остроухов с просьбой поддержать семью Серова, оказавшуюся в затруднительном материальном положении после смерти художника. И.А. Морозов оказался в числе пяти ближайших друзей, собравших «между собой капитал» для помощи осиротевшей семье³⁵.

В сфере коллекционирования Иван проявлял ту же серьезность и обстоятельность, ему требовалось долгое время для принятия решения о покупке той или иной картины, о чем не раз упоминали современники. «Чуждый страстности Щукина, вносящий всегда осторожность и строгость выбора, боящийся резкостей, всего неустановившегося и борющегося, Морозов предпочитал мирные поиски... скитальческому темпераменту Щукина... »³⁶, — писал о нем Б.Н. Терновец.

Коллекция Ивана очевидно раскрывает важнейшие движения искусства в 1900–1910-х гг. и распадается на несколько блоков, отражающих основополагающие стилевые направления в русском искусстве — импрессионизм и модерн. Показательно, что две большие традиции, сформировавшиеся в русской живописи к этому времени, представлены именами двух художников, которые были в коллекции старшего брата, но в коллекции младшего они составили весьма обширное собрание, их произведения количественно преобладали, что со всей очевидностью свидетельствовало о симпатиях владельца. Два художника — Константин Коровин и Александр Головин — соперничали между собой, по воспоминаниям современника: «Коро-

³² Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М., 2001. С. 241.

³³ Там же. С. 242.

³⁴ Варвара Алексеевна Морозова. С. 411.

³⁵ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. В 2-х т. Т. 1. Л., 1971. С. 271.

³⁶ Терновец Б.Н. Письма. Дневники Статьи. С. 119.

вин и Головин смешили нас своей неприязнью. Коровин, человек с душой нараспашку, не скрывал своей неприязни к Головину, шедшей от соперничества по театральным постановкам; Головин, скрытный и невеселый по натуре, приходил на работу, озираясь, нет ли там “черного человека”, которого давно уже мистически боялся»³⁷.

В лице Коровина русское искусство обрело последовательно-го импрессиониста. В коллекции Ивана Морозова было более 60 произведений мастера, среди них — не только живопись, но сценография, не только портреты, но разнообразные пейзажи — городские, сельские, морские, парижские, крымские, а также натюрморты, ставшие популярным жанром с начала XX в. (К.А. Коровин. «Рыбы, вино и фрукты». 1916, ГТГ). Художник представлен самыми ранними работами конца 1880-х и самыми поздними полотнами 1910-х гг., когда он перешел к яркому и эффектному пластическому декоративизму, демонстрируя свою сопричастность тем творческим поискам, которые наблюдались уже в следующем поколении живописцев и которые нашли свое отражение в произведениях мастеров «Бубнового валета», многие члены которого были учениками Коровина. Эта связь художнических поколений также нашла отражение в коллекции (И.И. Машков. «Натюрморт. Фрукты на блюде». 1910; А.В. Куприн. «Натюрморт с синим подносом». 1914, оба — ГТГ).

Коровин — центральная фигура Союза русских художников, крупнейшего объединения мастеров 1900–1910-х гг. В выставках этой группировки принимали участие многие художники, отразившие в своем творчестве многообразие проявлений импрессионизма, кто-то из них оставался в рамках этого стиливого направления (И.Э. Грабарь, К.Ф. Юон, Ф.А. Малявин, С.В. Малютин, Н.А. Тархов, Л.В. Туржанский и другие), кто-то, как например, М.Ф. Ларионов, лишь соприкоснулся и двинулся дальше, в сторону пластических экспериментов авангарда. На выставках Союза экспонировались и скульптурные произведения, в частности, скульптура С.Т. Коненкова «Девушка» (1914, ГТГ), купленная И.А. Морозовым с XI выставки Союза русских художников накануне Первой мировой войны.

Стилевых исканий Александра Головина, одного из ведущих мастеров петербургского объединения «Мира искусства», импрессионизм не коснулся. Этот художник реализовался в станковой картине и сценографии и олицетворял своим творчеством тяготение к плоскости и декоративному пятну, предложенное стилем модерн.

³⁷ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 169.

Он был связан с мирискусниками пластическими поисками и ориентировался на французских «набидов» (группы «Наби») и постимпрессионистов. Его эффектным артистичным холстам свойственно искажение пространственных решений, будь то портрет, пейзаж, натюрморт или театральная декорация («Девочка и фарфор (Фрося)». 1916; «Пейзаж. Павловск». 1911, обе — ГТГ). Его композиции отличали орнаментальные мотивы, зрелищность и красочность. Исполненные на масштабных холстах, они стремились к форме плоского панно, лишённого пространства, воздуха, света. В хитросплетениях узоров, созданных натурой, он выходил к созданию иной реальности, искажающей окружающую действительность. Эфемерность и музыкальность, импровизация и призрачность, свойственные работам Головина и созвучные символистским настроениям, нашли свое отражение в собрании его полотен, приобретенных Иваном Морозовым. А их насчитывается сегодня более 40. Главными героями его натюрмортов, которые встречаются в декорациях, портретах, пейзажах, являются живые цветы, олицетворяющие тайны бытия и совершенство природы. В его портретах человек и его окружение вступают в сложное напряженное взаимодействие и своего рода состязание («Автопортрет». 1912. ГТГ).

Линия развития модерна продолжена в коллекции Ивана живописными и графическими произведениями мирискусников, в частности К.А. Сомовым, А.Н. Бенуа и др.

Преодолевая бытовизм и мещанство, устремляясь к сказочному Востоку, путешествуя по Кавказу, Средней Азии, художники реализовывали свою мечту и обретали идеальный мир красоты и гармонии с оглядкой на самые волнующие достижения французского искусства, в частности, группы «Наби» и П. Гогена. Именами Виктора Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова, Петра Уткина, Николая Сапунова представлено символистское объединение «Голубая роза» в морозовском собрании. Их тяготение к поэтической мечте, тихой и светлой радости, одухотворенности видимого мира связано со сложением в русском искусстве особой живописно-пластической системы, утвердившей живописный символизм. От рафинированности и стилизации голуборозовцев Мартирос Сарьян двигался в сторону яркости и декоративности, открывая для себя французское искусство в Париже, прежде всего творчество Матисса и Гогена. Прodelанный мастером путь отражен в коллекции Ивана Морозова (М.С. Сарьян. «У гранатового дерева». 1907; «Улица. Константинополь». 1910, обе — ГТГ) Кстати сказать, именно Ивану Морозову принадлежит первенство в открытии «мастерства» Сарьяна.

Всё более очевидно сегодня, что символизм и импрессионизм явились важнейшим фундаментом для становления авангарда в русском искусстве, первые ростки которого также появились в коллекции Ивана Морозова не только в работах художников «Бубнового валета». Как известно, многие из них, в частности Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Илья Машков, Александр Куприн и др. прошли этапы увлечения Сезанном, Ван Гогом, Гогеном, Пикассо и др. В коллекции младшего Морозова нашлось место нескольким ранним экспрессионистическим произведениям тогда малоизвестного художника Марка Шагала, по существу открытого московским коллекционером. В творчестве этого мастера погруженность в бытовую повседневность российских окраин, органичная русскому искусству, с одной стороны, разрушение предметного мира и наполнение этой реальности символами, обнаруживающими вечные ценности, но в то же граничащими с фантазмагориями, — с другой, дали совершенно неожиданный сплав традиций, создав новое живописное измерение.

И в заключение: собирательство братьев Михаила и Ивана Морозовых пришлось на очень непростое время в художественной и социальной истории Европы. С 1890-х гг. начался стремительный переход к новейшим (модернистским) системам художественного мышления. Морозовы оказались на гребне этой мощной волны, они стремились охватить своими коллекциями многомерность развития искусства, множественность живописных течений, основополагающих не только для дальнейшей истории европейского, но и русского искусства. От раннего пленэра к импрессионизму, пуантилизму, фовизму, символизму, неопримитивизму, экспрессионизму, сезаннизму, неоромантизму, при этом оставаясь в рамках фигуративного (предметного) искусства, и это важное качество коллекции Ивана Морозова. Подчеркнем, что образцов абстрактного искусства в коллекции не было.

Вопреки общепринятой точке зрения, мне представляется, что живописные и графические произведения русской части коллекции братьев Морозовых отчетливо демонстрируют определенный взгляд на судьбы русского искусства, а стало быть, сознательный выбор собирателей. Все главные художники, полновесно иллюстрирующие важнейшие стилевые направления конца XIX — начала XX в. (до 1917 г.), получившие последующее развитие, оказались выявлены и представлены коллекционерами. Панорама русской живописи была, быть может, ближе, понятнее и, несомненно, дешевле. Как указано выше, в воспоминаниях и письмах нет упоминаний о консультациях с русскими художниками при покупках картин

отечественной живописи. Быть может, этот тезис следует дополнительно проверить: формирование русской художественной картины мира обходилось без советчиков или же просто не осталось свидетельств?

Когда Борис Терновец заявил о своего рода преемственности в коллекциях Морозовых, он, несомненно, знал, что говорил. Как известно, он имел возможность общаться с Иваном Морозовым до его отъезда из Москвы в эмиграцию, а анализ русской части коллекций подтверждает сказанное им. Трудно не согласиться с Терновцом, утверждавшим о коллекционировании французского искусства: «В свое собирательство [Иван] Морозов вносил ясный план, объективное строительство, спокойное нанизывание, точно на нитку жемчуга, одного шедевра за другим»³⁸. Эти слова возможно применить к коллекциям русского искусства и Михаила, и Ивана Морозовых.

References

Brat Ivan. *Kolleksii Mikhaila i Ivana Morozovykh. Putevoditel' po vystavke* [Brother Ivan. Collections of Mikhail and Ivan Morozov. Exhibition Guide]. Moscow: ABCdesign, 2022. 159 p.

Efros A. *Chelovek s popravkoy. Pamyati I.A. Morozova* [A Man with Correction. In Memory of I.A. Morozov] // *Sredi kollektionerov*. 1921. N 10. P. 1–4.

Makovskiy S. *Frantsuzskiy khudozhnik iz sobraniya I.A. Morozova* [French Artists from I.A. Morozov's Collection] // *Apollon*. 1912. N 3–4. P. 5–16.

Petukhov A. *Ivan Morozov na parizhskikh salonakh nachala XX veka. Istoriya kolleksii* [Ivan Morozov at the Parisian Salons of the Early 20th Century. A History of the Collection]. Moscow: SkanRus, 2022. 104 p.

Polunina N., Frolov A. *Kolleksionery staroy Moskvy. Illyustrirovanny biograficheskiy slovar'* [Collectors of Old Moscow. Illustrated Biographical Dictionary.]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1997. 523 p.

Sarab'yanov D.V. *Modern. Istoriya stilya* [Art Nouveau. A History of Style]. Moscow: Galart, 2001. 344 p.

Semenova N. *Mikhail i Ivan Morozovy. Kolleksii* [Mikhail and Ivan Morozov. Collections]. Moscow: Slovo/Slovo, 2018. 639 p.

Semenova N.Yu. *O kolleksii Mikhaila Abramovicha Morozova i yego sud'be* [On the Collection of Mikhail Abramovich Morozov and Its Fate] // *Ot Pavla Tretyakova do Leonida Talochkina: kolleksionery-dariteli XX veka. Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. Materialy nauchnykh konferentsiy* [From Pavel Tretyakov to Leonid Talochkin: Collectors-Donators in the 20th Century. State Tretyakov Gallery. The Acta of the Scientific Conferences]. Moscow: Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. 2017. P. 195–213.

Stasov V.V. *Pavel Mikhaylovich Tretyakov i yego kartinnaya galereya* [Pavel Mikhailovich Tretyakov and His Art Gallery] // *Stasov V.V. Stat'i i zametki* [Articles and Notes]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR, 1954. 459 p.

³⁸ Варвара Алексеевна Морозова. С. 406.

Ternovets B.N. *I.A. Morozov. Sobirатели i antikvary proshlogo* [I.A. Morozov. Collectors and Antiquarians of the Past] // *Sredi kollektzionerov*. 1921. N 10. P. 38–41.

Ternovets B.N. *Pis'ma. Dnevnik. Stat'i* [Letters. Diaries. Articles]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. 1977. 362 p.

Tugendhold Ya. *Peyzazh vo frantsuzskoy zhivopisi* [Landscape in French Painting.]. Saint Petersburg: [s. n.], 1911. 29 p.

Varvara Alekseyevna Morozova. *Na blago prosveshcheniya Moskvy* [For the Good of Moscow Enlightenment]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Russkiy put', 2008. 493 p.

Yavorskaya N.V. *Istoriya Gosudarstvennogo muzeya novogo zapadnogo iskusstva (Moskva). 1918–1948* [A History of the State Museum of New Western Art (Moscow). 1918–1948]. Moscow: GMII imeni A.S. Pushkina, 2012. 480 p.

Yudenkova T. *Kollektzii russkogo iskusstva Mikhaila i Ivana Morozovykh* [Russian Art Collections of Mikhail and Ivan Morozov] // Baldassari A. *Sobraniye Morozovykh. Shedevry: katalog vystavki* [Morozovs' Collection. Masterpieces: Exhibition Catalogue] / Fond Louis Vuitton. Paris: Gallimard, 2021. P. 219–236 (in French, English, Russian).

Yudenkova T.V. *Poslaniye Tretyakovykh, Shchukinykh, Morozovykh* [Tretyakovs', Shchukins', Morozovs' Message] // *Russkoye iskusstvo*. 2022. N 4. P. 24–35.

Поступила в редакцию
14 марта 2023 г.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2023 г.

	Стр.
А г и ш е в С.Ю. Завещание короля Сверрира и политическая борьба в Норвегии на рубеже XII–XIII вв.	№ 5 3–27
А д а м о в а Н.Э. Образы российского панславизма в британских парламентских дебатах в начальный период восточного кризиса 1870-х гг.	№ 5 49–71
А н т о щ е н к о А.В. Годы студенчества академика П.Г. Виноградова	№ 6 50–67
А х м а д у л л и н В.А. Государственно-мусульманские отношения в СССР и выводы иностранцев о Советском государстве: анализ документов, обнаруженных в 2022 г.	№ 2 118–128
Б и р ю к о в а Е.Д. Тиражирование и популяризация нравоучительных семейных сцен в практике Жана-Батиста Греза: подготовка и организация процесса.	№ 2 175–183
Б о н д а р е н к о Д.М. Память о Гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х — начало 2020-х гг.	№ 1 138–154
Б о р и с ё н о к Ю.А., Б а б о ш а И.А. Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский польский центр» в донесениях российских зарубежных агентов Ю. Балашевича и А. Стемпковского (1867–1870 гг.)	№ 5 35–48
В е р ш и н и н А.А. Проблема взаимного восприятия великих держав в контексте генезиса Второй мировой войны (на примере советско- французских отношений)	№ 6 91–116
Г о р е л и к Б.М. Отражение протестных настроений начала XX в. в русской народной песне о южноафриканской войне	№ 4 63–81
Д е м е н тье в а В.В. И.Л. Маяк как рецензент научной литературы по истории античного Рима.	№ 4 121–141
Д о л г и х Е.В. К истории повседневности: складывание русской трактирной кухни.	№ 3 58–84
Ж и т е н е в В.С., А н и с о в е ц Ю.Д. Красочные пигменты как массовый материал: обсуждение методического подхода к исследованиям	№ 4 142–173
К а з ь м и н а О.Е., С о л о в е й Т.Д. Генеалогия университетской этнографии: кафедра, личности, трансляция традиции (К 100-летию со дня рождения профессора Г.Е. Маркова)	№ 3 97–121
К а з ь м и н а О.Е. Религиозная идентичность, (само)идентификация и статистика	№ 6 161–170
К а л и н и н М.В. Устойчивость трасс дорог Московского уезда в XVII — первой трети XVIII в.	№ 3 30–40
К а л м ы к о в а Е.В. Мятёж, казнь (1405 г.) и посмертное почитание архиепископа Ричарда Скроупа.	№ 2 3–18

К а м а е в а (Буреева) Е.В. Финансирование международной деятельности ВЛКСМ в 1960-е — 1970-е годы	№ 3	85–96
К а н и щ е в В.В. Бывшие дворцовые села Московского и других уездов Центральной России: современное социально-демографическое состояние	№ 2	159–174
К и р и л л о в А.К., С в и р е п о в А.И. Между Сциллой уравниловки и Харибдой неравенства: оплата труда на Алтайской железной дороге в 1917 г.	№ 5	108–124
К и р ч а н о в М.В. Национальные академические ассоциации американских историков как участники исторической политики в США	№ 3	142–158
К о з л о в а Н.В. Отпуск на волю дворовых людей: законодательные нормы и повседневные практики в городской среде России XVIII в.	№ 6	19–33
К о т о в А.Э., Г у с м а н Л.Ю. Экономическая публицистика «Нового времени» 1880-х гг.	№ 4	39–62
К р у г л о в а Т.А. Императорские грамоты на Дон (1735–1739 гг.): к вопросу о статусе Войска Донского.	№ 1	27–46
К у л а к о в а И.П. Профессор Московского университета И.А. Гейм и его жизненный мир (по материалам описи квартиры в Ректорском доме 1821 г.).	№ 2	19–42
Л а б у т и н а Т.Л. Русско-шведская война 1741–1743 гг. в оценках британских послов в России.	№ 3	41–57
Л а у ш к и н А.В. Предпразднства и попразднства в календарной практике домонгольской Руси	№ 6	3–18
Л и ф ш и ц А.Л., М е н ц и н Ю.Л. Поэма «Песнь о рефракторе»: научный юмор в контексте связей российских и немецких ученых на рубеже XIX и XX вв.	№ 5	94–107
Л о п у х о в а М.А. «Аллегория Музыки» Филиппино Липпи. Генеалогия образа	№ 3	174–193
М а н к е в и ч Д.В., М е г е м М.Е., Ф и л ё в М.В. От «правильного немца» к «калининградскому философу»: Иммануил Кант в коммеморативных практиках и политике памяти в Калининградской области (советский период)	№ 6	138–160
М а н о х и н А.А. Протоулав Иосифа Волоцкого	№ 3	3–29
М а т в е е в Г.Ф., М а т в е е в а Е.Ю. Консерваторы Царства Польского в 1914–1916 гг.	№ 4	3–14
М е д я к о в А.С. О социокультурных аспектах использования открыток в немецко-чешском конфликте рубежа XIX–XX вв.	№ 4	82–96
М и л е в с к и й О.А. Буревестники политического террора: Валериан Осинский и Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии.	№ 1	63–88
М и р о н е н к о С.В. К истории тайной политической полиции России в первой четверти XIX в.	№ 5	28–34
М у х а н о в В.М. Об университетском пути и научном наследии В.А. Георгиева (1944–2022)	№ 3	122–141
О к р о ш и д з е Л.Г. Новые факты о жизни и деятельности первого русского реставратора А.Ф. Митрохина (1765–1845)	№ 4	174–187

Орлов С.В. Исторические аспекты информатизации Контрольно-счетной палаты Москвы (1994–2014 гг.)	№ 1 165–177
Паликова Т.В., Жукова Н.Е. «...Я приеду к Вам уже не курсисткой, просто свободной гражданкой своей Родины»: женщина в общественно-политическом контексте начала XX в.	№ 2 43–56
Полынов М.Ф. «Если мы потеряем Чехословакию, я уйду с поста Генерального секретаря». Л.И. Брежнев и чехословацкий кризис 1968 г.	№ 1 121–137
Попова А.Д. «Так нежно плещет на вас изумрудная зыбь...»: повседневная жизнь курортников в Крыму во второй половине XIX — начале XX в.	№ 5 72–93
Попова О.Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» 1952 г. в системе идеологических мифов СССР.	№ 2 97–117
Простакова Ю.С. Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны	№ 1 109–120
Рудаков В.Н. События на реке Сити (1238) в контексте поведения правителей Русских земель в годы нашествия Батыя	№ 1 3–26
Руднева С.Е. «Земский собор всея земли Русской» в 1917 г. Размышления по поводу новейшего исследования истории Государственного совещания 1917 г. А.Б. Николаева.	№ 4 107–120
Салиенко А.П. Семантическое наполнение концепта «конь»/«лошадь» в русском искусстве первой трети XX в.: «лошадь как лошадь» и «все мы немного лошади»	№ 5 155–174
Селунская Н.Б. Образы «русского избирателя» и «народных избранников» в дискурсивных практиках начала XX в.	№ 2 57–74
Сетов Р.А., Голубенко А.А. Атолл Бикини, Невада, Москва. Долгий путь Вашингтона к Договору об ограничении ядерных испытаний (1958–1963)	№ 6 117–137
Снедкова Е.В., Бугаева Н.В. Аристократ в «восстановленной республике»: политическая деятельность Марка Валерия Мессалы Корвина	№ 4 15–38
Солопова О.В., Козопольская-Соловьева А.В. Союзное государство России и Беларуси в конце XX — начале XXI века: развитие сотрудничества в сфере образования	№ 2 129–158
Столярова Е.К. Витражные стекла XIII века из Ярославля: состав стекла и вопросы происхождения.	№ 3 159–173
Суслина А.Г. «...Определены мы уездом во град Гороховец, в который нам быть совсем не желалось»: уездный центр в жизни крестьянского мира (на примере с. Палеха на рубеже XVIII–XIX вв.).	№ 6 34–49
Суслопарова Е.А. Дискуссия «о социализме» в палате лордов Великобритании в 1935 г.	№ 1 89–108
Сычева Ю.А. Два листа с ветхозаветными композициями в контексте проблемы образца и копирования в искусстве рейнско-маасского региона в XII в.	№ 1 178–194
Ходяков М.В. Станция Маньчжурия в начале XX в.: проблемы организации управления на железной дороге.	№ 4 97–106

Хорошева А.В. Проблема кадров в советском физкультурном движении в 1918–1930 гг.	№ 2	75–96
Хрулёва И.Ю. Региональное и центральное измерение государственной политики памяти в позднесоветский период	№ 5	145–154
Цыганков Д.А. Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е — начале 1870-х гг.	№ 1	47–62
Цян Юэ, Кичик К.В. О подготовке в СССР кадров для китайской революции (об истории Школы иностранных языков в Юянли)	№ 5	125–154
Шильникова И.В. «Оздоровление русских городов не терпит отлагательств»: государство и общество в борьбе с загрязнением рек в конце XIX— начале XX в.	№ 6	68–90
Юденкова Т.В. Михаил и Иван Морозовы — коллекционеры русского искусства	№ 6	171–190

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСОВ Николай Сергеевич** — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **РОГУЛЕВ Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук; **ФУНК Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 20.06.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,69. Тираж 120 экз. Изд. № 12307. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>